

Научно-методический и теоретический журнал

СОЦИОСФЕРА

№ 4 2010

УЧРЕДИТЕЛЬ
ООО Научно-издательский центр «Социосфера»

Главный редактор – Борис Анатольевич Дорошин,
кандидат исторических наук, доцент

Редакционная коллегия

И. Г. Дорошина, кандидат психологических наук, доцент
(ответственный за выпуск),
М. А. Антипов, кандидат философских наук,
В. В. Белолипецкий, кандидат исторических наук,
Д. В. Ефимова, кандидат психологических наук,
Н. В. Саратовцева, кандидат педагогических наук, доцент.

Международный редакционный совет

Н. Арабаджийски, доктор экономики, доцент (София, Болгария),
А. С. Берберян, доктор психологических наук, доцент (Ереван, Армения),
А. Ю. Большакова, доктор филологических наук, ведущий научный
сотрудник Института мировой литературы им. А. М. Горького РАН
(Москва, Россия),
С. Н. Волков, доктор философских наук, профессор (Пенза, Россия),
Е. Кашпарова, доктор философии (Прага, Чехия),
М. Сапик, доктор философии, профессор (Колин, Чехия),
Н. А. Хрусталькова, доктор педагогических наук, профессор (Пенза,
Россия).

ISSN 2078-7081

Scientifically-methodical and theoretical journal

SOCIOSPHERA

№ 4 2010

THE FOUNDER
The Centre of science-publishing «Sociosphaera»

The chief editor – Boris Doroshin,
the candidate of historical sciences, the senior lecturer

Editorial board

I. G. Doroshina, candidate of psychological sciences, associate professor
(responsible for release),
M. A. Antipov, candidate of philosophical sciences,
V. V. Belolipeckiy, candidate of historical sciences.
D. V. Efimova, candidate of psychological sciences,
N. V. Saratovceva, the candidate of pedagogical sciences,
associate professor.

The international editorial council

N. Arabadzhiiski, PhD, associate professor (Sofia, Bulgaria),
A. Yu. Bolshakova, doctor of philological sciences, professor (Moscow,
Russia),
A. S. Berberyan, PhD, associate professor (Erevan, Armenia),
S. N. Volkov, doctor of philosophical sciences, professor (Penza, Russia),
E. Kashparova, PhDr., Ph.D. (Prague, Czech Republic),
M. Sapik, PhDr., Ph.D., professor (Kolin, Czech Republic),
N. A. Hrustalkova, doctor of pedagogical sciences, professor (Penza, Russia).

ISSN 2078-7081

СОДЕРЖАНИЕ

НАУКА

ФИЛОСОФИЯ

Кашпарова Е. Приобретение и передача знаний в контексте социальных наук	9
Кукарников Д. Г. Основные концепты современной философии социальных наук	14
Андреева Л. А. Православие и коммунистическая квазирелигия	24
Антипов М. А., Колдомасов А. С. Киборгизация человечества как проявление трансгуманизма.....	34
Казанцева Д. Б., Хаитжанов А. К исследованию проблемы криминализации несовершеннолетних в России	37
Казанцева Д. Б., Брызгунова О. В. К вопросу о необходимости духовно-нравственного развития детей и включения в школьную программу курса «Основы религиозных культур и светской этики»	41
Kolesova I. S. Sobornost is the main necessary condition of the orthodox art revival.....	45

ФИЛОЛОГИЯ

Подгорная И. Л. Роль языка в создании гуманного общества	49
Антонова И. С. О соотношении понятий «языковое сознание» и «профессиональное языковое сознание»	52
Orlova M. A. The role of interaction of verbal and non-verbal means of communication in different types of discourse.....	58
Плисецкая А. Д. Использование национального корпуса русского языка для исследований в области метафоры.....	66
Попкова Е. М. Прогностическая валидность глагольных форм длительного аспекта в корпусной лингвистике английского языка	74

ПСИХОЛОГИЯ

Дмитриева С. С., Панченко Л. Л. «Синдром исчезнувшего близнеца» как один из пренатальных факторов формирования личностных особенностей человека	82
Ефимова Д. В. Ценностная система личности – высший уровень социальной регуляции	86
Ефимова Д. В. Исследование восприятия и переживаний отношений в семье у подростков 5–9 классов из коррекционной школы VII вида и общеобразовательной школы	92
Попова Л. В. Влияние нарушений функциональной структуры семьи на социальную дезадаптацию несовершеннолетних	96
Кадыров Р. В., Янкина Е. В. Психологические особенности осуждённых, совершивших преступления сексуального характера	104

ПЕДАГОГИКА

Харлов Н. А. Мониторинг знаний студентов как инструмент управления качеством образования (на примере Новосибирского государственного медицинского университета).....	113
Ефимова Н. И., Бурова Л. Б. Особенности использования инновационных педагогических технологий при обучении иностранному языку в неязыковом вузе	127

Слепцова С. А. Условия конструктивного разрешения конфликтов между учителем и учеником.....131

СОЦИОЛОГИЯ

Кораблева О. В. Слухи как фактор формирования общественного мнения..... 136

Кириллова А. И. Милостыня как показатель социализированности мигрантов-мусульман 140

ИСТОРИЯ

Тихонова О. Н. Возникновение и функции жертвоприношения: его следы в современных социально-политических актах 143

Кольчугина С. В. государственное регулирование российского предпринимательства в период буржуазной модернизации: историографический обзор..... 147

ЭКОНОМИКА

Абдусаламова А. Х. О перспективах изменения пенсионного возраста в Российской Федерации 153

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Дорошин Б. А. Архетипический образ птицы-демиурга в мифологических представлениях финно-угров Поволжья: некоторые антропокосмические аспекты 156

В ПОМОЩЬ ПРЕПОДАВАТЕЛЮ

Ионова Т. А. Материалы к рабочей тетради по дисциплине «Психология управления». Тема «Конфликты в трудовом коллективе» 161

Лебедева-Несевря Н. А. Конспект лекции на тему «Социологическое изучение общественного мнения в системе научного знания» по курсу «Социологические проблемы изучения общественного мнения» 165

В ПОМОЩЬ УЧИТЕЛЮ

Недбаев Д. Н. 2010 – год учителя (мгновения благодарности) 170

Сурикова Я. А. Учебно-методическая разработка «Секреты успеха. Профессиональная успешность» 178

В ПОМОЩЬ АСПИРАНТУ

Индекс цитирования..... 189

CONTENTS

SCIENCE

PHILOSOPHY

Kashparova E. Acquisition and transfer of knowledge in the context of social sciences.....	9
Kukarnikov D. G. Basic concepts in the modern philosophy of social sciences.....	14
Andreeva L. A. Orthodoxy and the communist quasi-religion.....	24
Antipov M. A., Koldamasov A. S. Cyborgization of mankind as a display of transhumanism.....	34
Kazantseva D. B., Khaizhanov A. To research of the problem of minors criminalization in Russia.....	37
Kazantseva D. B., Bryzgunova O. V. On the need for spiritual and moral development of children and inclusion in school course «Fundamentals of religious cultures and secular ethics»	41
Kolesova I. S. Sobornost is the main necessary condition of the orthodox art revival	45

PHILOLOGY

Podgornaya I. L. The role of the language in humane society	49
Antonova I. S. About the relationship between concepts «linguistic consciousness» and «professional language consciousness»	52
Orlova M. A. The role of interaction of verbal and non-verbal means of communication in different types of discourse.....	58
Plisetskaya A. D. Using the national corpus of Russian language in metaphor studies	66
Popkova E. M. A corpus linguistics perspective on the predictive validity of the English progressive	74

PSYCHOLOGY

Dmitrieva S. S., Panchenko L. L. «Vanishing twin syndrome» as one of the prenatal factors of formation of human personality features.....	82
Efimova D. V. Valuable system of the person – the highest level of social regulation	86
Efimova D. V. Research of perception and experiences of attitudes in family at teenagers of 5–9 grades from correctional school of vii kind and the comprehensive school.....	92
Popova L. V. Effect of violations of functional family structure for minors social maladjustment	96
Kadyrov R. V., Jankina E. V. Psychological properties of people which did by a crime of sexual character.....	104

PEDAGOGICS

Kharlov N. I. Monitoring the knowledge of students as a tool for quality control of education (for example Novosibirsk State Medical University).....	113
Efimova N. I., Burova L. B. Specific features of application of innovative foreign language teaching technologies in non-language oriented higher educational institutions	127

Sleptsova S. A. The conditions of constructive salvation of teacher-pupils conflicts131

SOCIOLOGY

Korableva O. V. Rumors as a factor of public opinion development 136

Kirillova A. I. Almsgiving as an indicator of socialization of Muslim migrants140

HISTORY

Tikhonova O. N. Origin and functions of sacrifice: its traces in modern social and political acts 143

Kolchugina S. V. State regulation of Russian business in modernization period bourgeois: historiographic review 147

ECONOMICS

Abdusalamova A. H. About the prospects of changes retirement age in the Russian Federation 153

REGIONAL STUDIES

Doroshin B. A. The image of the bird-demiurge in mythological concepts of finno-ugrs of Volga region: the some anthropocosmic aspects 156

IN THE HELP TO THE HIGHER SCHOOL TEACHER

Ionova T. A. Materials for workbooks for discipline «Psychology of management». Theme «Conflict in the work group» 161

Lebedeva-Nesevria N. A. The abstracts of the lecture on the topic «The sociological approach to public opinion research at the system of sciences» for the course «Sociological problems of the public opinion researches» 165

IN THE HELP TO THE TEACHER

Nedbaev D. N. 2010 – year of the teacher (moments of thansgiving)..... 170

Surikova Y. A. The teaching methodical aid «Secrets of success. Professional success» 178

IN THE HELP TO THE COMPETITOR

Citation index189

Социология научных знаний, или же социология знаний, намного чувствительнее всех остальных направлений показывает, что при каждой формулировке теории или толковании любых научных знаний необходимо понимать, кто и для кого об этой истине рассуждает.

Анализ интересов Хабермаса, построенный на работах Витгенштейна и Хассерловом тезисе об окружающем мире, говорит о том, что не существует никакого объективного знания, которое бы могло освободиться от связи с окружающим миром. Индивидуальные знания, интуитивное видение, социально наученные практики и убежденности из прошлого, которые можно назвать предрассудками, естественно, не заранее в плохом смысле этого слова, определяют наше восприятие. Приняв этот способ мышления, мы перестаем думать отдельно и независимо от социальных взаимосвязей, в которых люди рассуждают над разными вещами.

Долгие десятилетия мы жили под влиянием теории прославленных экономистов в уверенности, что экономический прогресс – это действующее обещание. Мы думали, что мир – это рациональное место, управляемое рационально мыслящими людьми. Сегодня же очень быстро начинаем понимать, что это место безумно сумбурное и запутанное, которое в реальности никем не управляется [1, с. 70.].

В контексте зависимости от окружающего мира кажется обоснованным не только выше упомянутое высказывание одного из гуру современной экономики. Нельзя не вспомнить и мысли Т. С. Куна о деструктивно-конструктивных изменениях парадигм. В конце концов, и сам концепт парадигм однозначно поддерживает направление предположительных рассуждений. Хотя Кун и создал теорию научных революций на основе развития естественных наук, но в социальных науках использовать ее отказался. По мнению Куна, в гуманитарных науках «всегда есть конкурирующие школы, и каждая из них непрерывно ставит под вопрос основы других школ». В этом контексте потом размышлял над тем, дошла ли вообще хоть какая-то общественная наука к своей парадигме, «прочному исследовательскому консенсусу». Тем не менее уместно напомнить о некоторых из идей Куна, особенно в контексте поиска новых путей, потенциальных проблемах в их соблюдении, подобно как при реализации желаемых преобразований, и необходимых изменениях в уже существующем представлении о социальной реальности.

В соответствии с общепринятой концепцией Куна, парадигма – это совокупность основных положений, условий и понятий данной группы ученых. Является какой-то платформой, на основе которой мы воспринимаем мир определенным способом. Таким образом, Кун дает парадигме определение общепринятого научного результата, который в данный момент представляет для общества экспертов модель проблем и модель их решения. Под вопросом, естественно, остается действительность этого направления, его возможности и компетенция. Как может показаться, инициативы, предпринятые за пределами стандартных рамок, могут создать их носителям, при определенных обстоятельствах, существенные проблемы. Когда существующая парадигма не удовлетворяет решению некоторых вопросов в области науки, настает момент переоценки самих основ существующих знаний, производящий преобразование научной парадигмы. По определению, научным считается любое рациональное знание, основанное на наблюдении, экспериментах, позволяющих его фальсификацию или верификацию [6, с. 27].

Стоит отметить рассуждения Куна о существовании движения в рамках одной парадигмы, без исторической перспективы. В этом случае

ученые данного направления и широкая общественность могут рассматривать ее как вечную и бесспорную. Единая терминология для научных исследований является очень важной, но ограниченное развитие парадигм может привести к оцепенению мысли и пассивности в восприятии аномалий, которые бы могли трансформировать существующую парадигму. Ученому, работающему в границах только одной парадигмы, не легко будет выйти за ее рамки.

По словам Куна, нормальная наука не стремится к инновациям. «Проект, целью которого является сформулировать парадигму... здесь нормальная наука не может стремиться к неожиданным открытиям» [12]. «Нормальная наука не стремится к новым теориям и явлениям, а в том случае, если она успешна, то и не находит никаких новинок» [6, с. 47].

И все-таки, часто находятся новые и неожиданные открытия, которые ведут к образованию в целом новых теорий. Новые факты вызывают изменения парадигм. Создание инновации происходит в процессе, который находится под влиянием определенных правил, но к ее принятию необходимо создавать новые правила.

Переход между парадигмами должен быть скачкообразным [6, с. 62.], речь идет о переходе между двумя несопоставимыми мирами [6, с. 150.].

Развитие научных знаний, в соответствии с утверждением Куна, не является прямолинейным, а время от времени прерывается ключевыми преобразованиями, так называемыми научными революциями. Научные революции приносят с собой возможность, или же необходимость переоценки самих основ существующего знания. «Научные знания не относятся к какой-либо единственной правде об окружающем мире, не связаны ни с какой «объективной реальностью». Наука, как и любая другая человеческая деятельность, имеет свой культурный, институциональный, социальный, исторический и психологический форматы. И научные знания потому исторически условны, что выражают дух данной эпохи, меняются со временем и обстоятельствами» [6, с. 148.].

Это вполне логично напоминает нам о том, что наука является только тем, что ученые данного направления считают наукой, в определенном историческом и социальном контексте. Донна Харауэй развивает свою мысль в похожем направлении. В своих рассуждениях она характеризует науку как одно целое и приходит к выводу, что наука на самом деле является искусством повествования. «Жизнь и гуманитарные науки в целом полны историй. Эти науки состоят из комплексных, конкретно исторических способов повествования. Факты основываются на теориях, теории – на ценностях, а ценности – на повестях. Таким образом, факты имеют значение, данное им историями» [11].

Как пишет Хаварова: «У науки всегда был характер утопии. В своих усилиях описать мир, понять как действительно все работает, ученые в настоящее время пытаются изучить пределы всех возможных миров». То, что определяет хорошую историю в естественных и гуманитарных науках, частично дано доступным социальным видением этих возможных миров. Описание дано видением, факты и теории рассматриваются в контексте истории, миры, за которые люди борются, состоят из смыслов». Смысл представляет собой огромную материальную силу, как пища и секс. А похоже, как пища с сексом, смысл как социальная конструктива определяет качество жизни людей» [3, с. 79.].

Во мнениях упомянутых экспертов представляется вопрос проблематики ценностей. Кажется, что ценности являются отражением социальных условий, или же определением социальной ситуации, в которой, как правило, осу-

ществляется жизнь эксперта. Здесь мы могли бы процитировать антрополога Клайда Клакхона, для которого «ценности и потребности являются сторонами одной монеты», что можно интерпретировать так, что каждой определенной потребности отвечает соответствующая ценность [3, с. 92.].

Как пример можно привести ценность знаний, которая связана с потребностью познания и понимания неизвестного. И все-таки важно заметить, что упомянутые ценности могут, в зависимости от ситуации и возможности удовлетворения потребностей, приобретать иной смысл. Другими словами, динамическая система потребностей каждого человека, соответственно и общества, производит соответствующую систему ценностей. Современная социальная наука, а особенно социология, заинтересована не только в объяснении существования общества *per se*, но и стремится предложить сравнение различных социальных явлений во времени и пространстве с точки зрения ее собственной аксиологии.

Некоторые ученые в области социологии научного знания считают, что наука, скорее, строит реальность, а не отражает её. Спор о возможности объективного знания не является ничем новым в истории человеческого мышления. Даже с античных времен нам известны мысли скептиков или их последователей из современной философии. Скептики сомневались в возможности понять объективный мир. Радикальный конструктивизм его исключает. Эта концепция утверждает, что нет никакого пути к объективной реальности. Но речь не идет об отрицании существования реального мира. Он, конечно же, существует, но здесь говорится о нашем понимании мира, которое, по мнению конструктивистов, независимо от субъекта познания. Это означает, что один и тот же факт можно интерпретировать несколькими способами. Все, что можно сказать о реальности, это то, как ее видим мы. Все, что сказано, как говорит Матурана, сказано наблюдателем [9].

Идеи Матураны до некоторой степени схожи с размышлениями Куна о принятии новой парадигмы в качестве основной революции в мировоззрении. По Куну, парадигма создает предпосылки самого внимания и в то же время является платформой, на основе которой мы воспринимаем мир иначе. В науке, охарактеризованной таким образом Куном и другими, мы начнем более явно воспринимать ограничения нашего знания с одной стороны, но и значительную относительность целой шкалы доньше общепринятых теорий.

Иллюстрацией различного восприятия социальной реальности и подходу к ней является и данная таблица [7]:

Классические парадигмы	Постклассические парадигмы
Факты	Связи
Анализ	Синтез
Рациональность	Интуиция, инспирация
Редукция [упрощение]	Реституция [многозначность]
Основные составляющие	Объединяющий принцип
Компоненты	Связи
Статическая модель	Витализм, органицизм
Постоянность, состояние, существование	Трансформация, история, события
Адаптация, конкуренция	Креативность, сотрудничество
Изоляция исследуемого	Включение в контекст
Односторонние отношения	Обратные связи

Дескрипция	Интерпретация
Сдержанность, беспристрастие	Участие
Дифференциация дисциплин	Слияние дисциплин, междисциплинарность
Департамент науки и общественности	Популяризация, участие общественности
Независимость науки	Этические, социальные и культурные аспекты науки

2. Вероятный характер открытий социальных наук

При сравнении научных работ в области естественных наук с характером работ в области наук социальных этот факт проявляется более резко. Выводы, с точки зрения социальной реальности, в отличие от относительно достоверных, надежных и точных выводов естественных наук, имеют в себе лишь случайный, предположительный и стохастический характер.

Слово «стохастический» происходит от греческого «stochzein» – стрельба из лука по цели (stochos) – следовательно, отнюдь не «случайно». Вовсе не «случайно» в современном разговорном смысле этого слова.

Греческие лучники об удаче в стрельбе молились богам. В мощи бога было влияние на случай – стохастический элемент, неразрывно связанный со стрельбой из лука, независимо от целевой точности (даже относительно небольшие отклонения могут привести к тому, что лучший стрелок промахнется).

Именно такой «промах», на греческом «hamartéma», а на латинском «erro», потом получил значение ошибки, заблуждения, а в конечном итоге греха. Понятие «стохастический» здесь значит «рассеивание вокруг цели».

Грегори Бейтсон дает стохастическому процессу следующее определение: «Если последовательность событий сочетает в себе случайный элемент селективного сюжета так, что только определенные случайные результаты могут сохраняться, эта последовательность называется стохастической» [13].

Это соответствует последовательности – «попытка – ошибка», то есть случайному выбору, в результате которого предыдущий выбор сокращается. Стохастический процесс, таким образом, можно назвать «понятливой ощупью» [8].

Стохастический характер выводов социальной науки показывает, что выводы, достигаемые в области социальных наук, всегда правдивы только с определенной вероятностью.

Обобщением предыдущих рассуждений могут быть следующие выводы.

1. Нельзя игнорировать концепт наблюдателя. При выборе методов и техник ответственным за способ получения и работы с информацией является сам наблюдатель, так что и здесь выходит в поле в довольно ограниченных рамках.
2. Нельзя игнорировать вероятностный характер результатов исследований.

В конце концов, традиционно, в социальных науках к диспозиции большое количество информации в форме написанных текстов [8].

Несмотря на относительно большой объем источников информации, можно сказать, что количество методов и приемов, традиционно исполь-

зубых в социологии, адекватно не отражает новые тенденции в понимании социальной реальности.

Библиографический список

1. Habermas J. Stumpf gewordene Waffen aus dem arsenal der Gegenaufklarung. Brief an Sontheimer vom 19.9. 197. In Duve (Hg.) Briefe zur Verteidigung der Republic. – Reinbeck, 1977.
2. Handy Ch. Jak najít smysl v nejistotě in Nový obraz budoucnosti, Management Press Praha, 1998.
3. Haraway, D. «Situated Knowledges: The Science Question in Feminism and the Privilege of Partial Perspective.» In Haraway, D.: Simians, Cyborgs, and Women. The Reinvention of Nature. – London: Free Association Books. 1991.
4. Kašparová, E.: Analýza možností a konkrétních forem vzdělávání prostřednictvím ICT-online jako předpokladu rozvoje virtuální týmové práce v organizacích, Dissertation, VSE, 2008.
5. Kluckhohn, C. 1962. Culture and Behavior: The Collected Essays of Clyde Kluckhohn. Free Press.
6. Kuhn T. Struktura vědeckých revolucí, Oikonomen. – Praha, 1997.
7. Maturana H. Ontology of Observing, in Conference Workbook: Texts in Cybernetics, American Society For Cibernetics Conference, Felton, CA., 1988.
8. Neubauer, Z. Smysl a svět. Moraviapress. – Praha 2001.
9. Para-Lunna F. A draft theory of society in Papers, 72, 2004 (34 pp.). (English version in Systems research and behavioral science, 18, 2001).
10. Sociologický časopis, 1997, Vol. 33 (No. 1: 57–67).
11. http://cs.wikipedia.org/wiki/Thomas_Kuhn
12. <http://mrkvicka.blogspot.com/2008/03/paradigma.html>
13. <http://www2.tf.jcu.cz/~erban/paradigma.pdf>

УДК 303.725.2

ОСНОВНЫЕ КОНЦЕПТЫ СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОСОФИИ СОЦИАЛЬНЫХ НАУК

Д. Г. Кукарников

Воронежский государственный университет, г. Воронеж, Россия

BASIC CONCEPTS IN THE MODERN PHILOSOPHY OF SOCIAL SCIENCES

D. G. Kukarnikov

Voronezh State University, Voronezh, Russia

Summary. This article is devoted to the contemporary issues in the philosophy of social sciences. Basic models of social cognition (naturalism, antinaturalism, pluralism, critical approach) are analyzed here. The author investigates the main trends in the philosophy of social sciences and outlines perspectives of the future elaboration.

Keywords: naturalism, antinaturalism, philosophy of social sciences, pluralism, phenomenological sociology, ideal type, social reality, critical social science, explanation theory, concepts and methods, theories of scientific growth.

Философия социальных наук – достаточно новое для отечественной философии направление исследований, хотя на Западе оно достаточно давно сформировалось в качестве самостоятельной ветви философских изысканий. Уже в конце 60-х гг. XX века вышли в свет крупнейшие в данной области антологии Мэя Бродбека и Леонарда Кримермана [2; 7], которые во многом определили главные векторы развития философии социальных наук в 70-е гг. Основным достоинством этих работ, которые, вне всякого сомнения, были лучшими среди многочисленных публикаций по

теме, является то, что в них удивительно гармонично, взаимодополняя друг друга, сосуществовали как классические, так и современные (на тот момент) тексты. Опубликование новых работ в области философии социальных наук стимулировало оживление дискуссий как по традиционным вопросам (таким как: природа объяснения, объективность, функционализм), так и дебатов, связанных с проблемами интерпретации, редукционизма, а также с обращением к проблемам специальных наук.

80–90-е гг. ознаменовались новым возрастанием интереса к области философии социальных наук, что было вызвано усилением внимания учёных-практиков к вопросам методологии и признанием важности установления более тесных связей между философским исследованием и исследованием в области конкретных (специальных) социальных наук. С новой силой вспыхнули традиционные философские дискуссии о природе взаимоотношений между естественными и социальными науками. Результатом явилось опубликование трёх крупных работ: Дэвида Брейбука «Философия социальных наук», Александра Розенберга «Философия социальных наук» и Даниэля Литтла «Виды социального объяснения» [1; 16; 9]; в этом же ряду следует назвать самую, пожалуй, фундаментальную монографию «Чтения в области философии социальных наук», изданную в 2000 году в Кембридже [15].

Несмотря на разнообразие проблем, которые находились в фокусе внимания философии социальных наук в различные периоды, существовала, тем не менее, некая константа, в той или иной мере присутствовавшая всегда – это дискуссия между представителями *натурализма* и *антинатурализма*. Традиционно терминами «натурализм» и «антинатурализм» принято обозначать две основных модели исследования социального феномена. Согласно *натуралистическому подходу* общественные (социальные) науки должны изучать феномен общества тем же способом, каким естественные науки изучают феномен природы, и стремиться к тем же целям, главные из которых – предсказание и объяснение. Сторонники такого подхода полагают, что существуют научные законы развития общества, аналогичные законам классического естествознания, которые, однако, более сложны для изучения (ввиду необходимости учёта фактора человеческого поведения), а потому имеют более обобщённый, статистически-вероятностный характер. Вместе с тем, по их мнению, подобные различия не могут привести к фундаментальным противоречиям между естественными и социальными науками ни в предмете исследования, ни в процедурах объяснения [Подр. см.: 9, Chapter 11].

Представители *антинатурализма*, напротив, полагают, что изучение общества социальными науками кардинально отличается от изучения природы из-за фундаментальных различий как в предмете, так и в основных целях (и даже в терминологии!) исследования. Особый акцент антинатуралисты делали на различиях в методах социальных и естественных наук, полагая, что первые используют метод понимания (*Verstehen*) в стремлении рассмотреть общество с позиций *социального агента*, тогда как натуралисты фокусируют своё внимание на объяснении, стремясь выявить причинно-следственные связи. Вспомним хотя бы Г. Риккерта, который рассматривал проблему общественного закона в связи со спором о генерализирующих и индивидуализирующих методах и который жёстко разводил историю и естествознание в предметном и методологическом отношениях. Представители антинатурализма отрицают существование общественных законов, полагая, что даже если бы таковые существовали, они были бы неприменимы на практике, иррелевантны.

Несмотря на то, что в последнее время натурализм утратил популярность (многие представители современной философии социальных наук не рассматривают его в качестве жизнеспособной позиции), обозначенная выше полемика между натурализмом и антинатурализмом всё ещё продолжается, хотя и под новыми названиями. Так, например, вместо апелляции к методу *Verstehen* представители антинатурализма для обоснования своей позиции больше говорят об интерпретации значений или о герменевтическом понимании. (Хотя при этом сохраняется негативное отношение к необходимости применения процедуры объяснения, что свидетельствует о сохранении фундаментальных расхождений между обеими позициями [14]).

Существует ещё один подход к исследованию социальных феноменов, в основе которого лежит уверенность во взаимодополняемости натурализма и антинатурализма, и, как следствие, убеждённости в возможности совместить их позиции; такой подход получил название *плюралистического*. Учёный, занимающийся исследованием в области социальных наук, может, по мнению плюралистов, одновременно придерживаться как натуралистической, так и антинатуралистической исследовательских программ в силу того, что эти программы сосредоточены на изучении различных аспектов человеческого действия, каждый из которых, однако, одинаково важен для максимально полного понимания феномена общества в целом [4; 5]. Поиск методологических оснований плюралистического подхода восходит ещё к работам Карла Поппера, посвящённым разработке метода «ситуационного анализа» и проблемы «исторического понимания» (особенно важна в данной связи статья «Плюралистический подход к философии истории» [12]).

Рассматривая проблему соотношения социальных и естественных наук, К. Поппер отталкивается от того, что они очень сильно приближаются друг к другу не в силу наличия единой научной точки зрения, но в силу единства применяемых в них методов научного исследования. И социальные, и естественные науки, согласно его позиции, имеют равные возможности получения объективного знания. К. Поппер выступил с критикой взглядов В. Виндельбанда, Г. Риккерта, В. Дильтея, И. Бёрлина и Дж. Коллингвуда, которые, как он полагает, пытались обосновать существование непроходимой пропасти между социальными и естественными науками. Основа этих заблуждений – ошибочное понимание методов естествознания, в частности, некритическая оценка представителями естественных наук индуктивного метода как единственно научного. Следствием такого понимания явилось отождествление процесса научного познания с процессом перехода от наблюдений, анализа к обобщениям.

И для естественных, и для социальных наук, согласно К. Попперу, характерен метод проб и ошибок, т. е. метод формулирования проблем, выдвижения их предположительных решений, критического обсуждения с элиминацией ошибочных предложений и переходом к формулировке новых проблем. Именно такая характеристика познавательного процесса лучше всего раскрывает ограниченность достигнутого уровня знаний, помогает рассматривать прогресс научного знания как путь, пройденный им от одной проблемы к другой, понять влияние вненаучных факторов на постановку этих проблем. К. Поппер допускает, более того, он уверен, что предположения, казавшиеся истинными на одной стадии исследования, непременно окажутся ошибочными на последующих стадиях. К примеру, появление новых документов может заставить учёных реинтерпретировать прежние документы, а надпись, прежде казавшаяся незначительной, мо-

жет приобрести особую важность для решения определенной проблемы. «Не существует критерия истины, но есть нечто сходное с критерием заблуждения – это противоречия между нашим знанием и фактами. Таким образом, знание может возрасти путем элиминации ошибок. И таким путём мы приближаемся к истине» [12, p. 193].

Подобный метод получения научного знания присущ как естественным, так и социальным наукам. Историк, к примеру, начинает научное исследование с анализа «исторических проблем», потому что «он не может начинать с наблюдений, он должен сначала знать, что именно наблюдать, т. е. он должен начинать с проблем. Более того, не существует такой вещи, как неинтерпретированные наблюдения. Все наблюдения интерпретируются в свете определённых теорий. В равной мере это относится и к документам» [12, p. 196].

К. Поппер критикует подход, согласно которому одной из черт, отличающих естественные и социальные науки, является степень объективности получаемых знаний. При этом подчёркивается, что для естествознания в большей мере характерна беспристрастность, объективность. Контраргумент К. Поппера таков: подобные утверждения недооценивают социальную природу естественных наук (в адрес теоретиков «социологии знания»). По его мнению, естествоиспытатели, так же как представители социальных наук, находятся под влиянием определённого социального и интеллектуального климата, традиций, моральных норм, систем ценностей, способов мышления. Эти ценности формируются стихийно, люди их заимствуют друг от друга, иногда как реакцию на общепринятые ценности и лишь изредка путём критического анализа этих ценностей и вытекающих из них альтернатив. Поэтому естествоиспытатели, разделяя те или иные теории, активно их защищают, что не всегда обусловлено только поисками «чистой» истины. Если в естествознании и содержится больше элементов объективного знания, то это обусловлено тем, что в этих науках более развиты традиции, выше стандарты чёткости, критерии определения объективности полученных результатов, элементы *критического рационализма*. В социальных же науках, согласно Попперу, намечается тенденция дегенерации, перехода в сферу пустого вербализма, происходит потеря элементов критического творчества.

Ещё одним подходом к изучению мира социального в XX веке, мимо которого невозможно пройти, явилась феноменологическая социология, зародившаяся в конце 60-х гг. в США. Социального мыслителя феноменологической ориентации внешний мир интересует лишь постольку, поскольку он полон значений; и он пытается понять, каким именно образом мы привносим в него эти значения, исследовать пути и способы, которыми мы структурируем этот мир в нашем сознании [13, P. 117]. Наиболее авторитетным теоретиком, представляющим данное направление, был, без сомнения, Альфред Шюц, ученик Эдмунда Гуссерля, испытавший явное воздействие философии прагматизма, с одной стороны, и символического интеракционизма, с другой.

В своей классической работе «Феноменология социального мира» он попытался исследовать вопрос о гносеологических основаниях социального знания посредством соединения феноменологического видения мира и социологии: «В самом деле, самый серьёзный вопрос, на который следует ответить методологии социальных наук, состоит в следующем: как возможны объективные понятия и объективная проверяемая теория о субъективно значащих структурах?» Ответ А. Шюца таков: «Основной тезис, что понятия, формируемые общественной наукой, являются конст-

рукциями конструкций, образованных в обыденном сознании действующих на социальной сцене людей, имеет своё объяснение. Научные конструкции второго уровня, построенные в соответствии с процедурными правилами, являются объективными, идеально-типическими конструкциями и как таковые – конструкциями другого рода по сравнению с конструкциями первого уровня – конструкциями обыденного сознания, над которыми они должны надстраиваться» [18, Р. 65].

Ориентируясь на теорию «идеальных типов» М. Вебера, А. Шюц полемизирует с Эрнстом Нагелем и Карлом Гемпелем при обсуждении вопроса об объективности социального знания. Его не устраивает основанное на неопозитивистской методологии стремление получать знание о социальной действительности на основании данных о явном поведении (бихевиоризм). Построенная по подобному образцу социальная наука представляется ему только одним, внешним способом осознания социальной действительности. В этой связи он критикует Э. Нагеля, считая, что логический эмпиризм и натурализм рассматривает социальную реальность как простую, естественную данность. Однако на самом деле мир культурных объектов и социальных институтов совсем иной.

Социальная реальность, согласно А. Шюцу, – это совокупность объектов и событий внутри социокультурного мира как опыта обыденного сознания людей, это – интересубъективный мир, предполагающий интеркоммуникацию и язык. Социолог наблюдает социальную реальность – реальность повседневной жизни людей, создающих серию конструкций обыденного сознания для интерпретации этого мира (эти конструкции суть идеальные объекты). Это конструкции первого уровня. Сам исследователь социальной реальности создаёт идеальные конструкции о мире для познания этой реальности, отталкиваясь от идеальных объектов, сконструированных обыденным сознанием. Это конструкции второго уровня.

Конструкции первого уровня относятся к субъективным элементам; конструкции второго должны ссылаться на субъективное значение действия, но при этом от них ожидается объективность. Объективность социальных наук (понимаемая как их независимость от социальных ценностей) связана со следованием процедурным научным правилам, с тем, каким образом они создаются исследователем. По А. Шюцу, учёный конструирует типичные модели наблюдаемого поведения, упорядочивает эти модели как модели поведения некоего идеально действующего лица, сознанию которого приписываются ряд типичных идей, намерений и целей, «которые принимаются инвариантными в предполагаемой модели поведения» [17]. Причём конструкции такого рода являются адекватными и объективными.

Постепенно А. Шюц проясняет и решение вопроса об истинности социального знания. Истинность отождествляется с объективностью, последняя – с адекватностью, а она, в свою очередь, – с возможностью понимания. Социальный учёный имеет дело с областью, созданной посредством типологизации вне «отдельных потоков опыта», причём подходит к ней с собственным «проектом понимания», главное в котором заключается в необходимости создания её рационального описания. «Последнее означает, что каждый термин в научной модели человеческого действия должен быть сформулирован таким образом, чтобы поведение индивидуального действующего лица в реальном мире, в соответствии с типическим конструктом поведения, было бы понятно как самому действующему, так и его партнёру, с помощью обыденных интерпретаций повседневной жизни. Соответствие с постулатом логической последовательности гарантирует объективную достоверность объектов мышления, созданных социальным

учёным; соответствие же с постулатом адекватности гарантирует их совместимость с конструктами повседневной жизни» [18, р. 66].

Было бы несправедливым не упомянуть о ещё одном подходе, связанном с так называемой «*критической социальной наукой*». Согласно этому подходу, общественные науки должны разоблачить предубеждения и идеологии, скрывающиеся за позицией того или иного социального мыслителя. Сторонники подобного взгляда полагают, будто глубокие бессознательные предубеждения, основанные на классовой, расовой или половой принадлежности, влияют на наше исследование. Социальный мыслитель должен оказывать помощь в осознании этих предубеждений и освобождении от них.

Подобный взгляд кардинально отличен от взглядов, к примеру, натурализма и антинатурализма, которые, невзирая на все противоречия в отношении друг друга, имеют некое негласное соглашение об объяснении как о главной цели социальной науки. Абсолютной же целью критической социальной науки провозглашается эмансипация – освобождение от предубеждений, невежества и всех форм угнетения. Некоторые авторы [1; 4] полагают, что фактически критическая социальная наука зависима от натуралистической или антинатуралистической методологии, однако этот взгляд мало что проясняет в отношении целей критического исследования, которые как уже было сказано выше, отличны от целей натурализма и антинатурализма. Даже если методологически критическая социальная наука уходит корнями в натурализм или антинатурализм, было бы неверным заявлять, что она может быть редуцирована к ним: это было бы равносильно тому утверждению, что медицина, к примеру, редуцируема к биологии.

Основные модели философии социальных наук

Существовало несколько различных концепций в области философии социальных наук, формулирующих её основные задачи и цели. Согласно одной из них, философия должна объединить различные общественные науки на основе некоей общей перспективы. Существует два способа решения этой задачи: во-первых, это – *создание классифицирующей программы*, на основе которой могут быть поняты все важнейшие методы социальных наук, установлены связи между ними; во-вторых, это – *конструирование грандиозной объясняющей теории*, с помощью которой стало бы возможно понять и объяснить во всей полноте комплексный феномен общества [3; 10].

Без сомнения, подобные взгляды на место и роль философии социальных наук имеют глубокие историко-философские основания и являются вполне жизнеспособными и сегодня. Так, с одной стороны, классифицирующая программа может быть использована в распознавании и критике достаточно распространённых взглядов о том, что все социальные науки используют единый метод исследования. С другой стороны, если попытка объединить в рамках общей теоретической модели разнообразные данные в области социальных наук окажется успешной, это поможет более глубоко понять социальную реальность и приведёт к созданию новых ярких теорий общества, возможно, аналогичных тем, что уже существуют в области естественных наук.

Данная точка зрения, однако, нуждается в серьёзной корректировке с учётом того, что зачастую современные науки об обществе весьма некритичны в своей основе; в данной связи можно даже вести речь о недооценке нормативной ценности философского анализа. Философ, занимающийся исследованиями в области социальных наук, должен не только предло-

жить некую общую классифицирующую программу, но и критически оценить возможности её практического использования. В социальных науках слишком многое требует углублённого анализа, а не просто лишь осуществления той или иной классификации. Так, например, представители социальных наук довольно часто заявляют о том, что теория или классифицирующая программа не в состоянии объяснить социальный феномен. Но использование термина «объяснять» достаточно часто осуществляется в различных значениях, а потому одной из важнейших задач философии социальных наук является анализ смысла используемых дефиниций, что позволит поставить изучение общества на действительно научную основу.

В концепции, предполагающей создание всеобъемлющей объясняющей теории в области социальных наук, также присутствуют свои слабые места. Прежде всего, не может считаться установленным фактом, что именно философы должны и могут заниматься созданием подобных эмпирических теорий (во всяком случае, в наше время наиболее значимые из попыток подобного рода предпринимались как раз не философами, а представителями социальных наук, тяготеющих к теоретическим изысканиям). Во-вторых (и это, наверное, самый важный контраргумент), сегодня под большим вопросом сама возможность создания такой теории, которая, как и во все времена, оспаривается многими исследователями. Более того, можно вести речь о существовании перманентных дискуссий о том, насколько совместима подобная цель с задачами специальных (частных) наук об обществе [См.: 15, Chapters 2, 4, 9].

В ещё одной концепции философии социальных наук отстаивается точка зрения, согласно которой *философ должен анализировать концепты и методы* наук об обществе; в его задачу входят также критическое рассмотрение социальных наук и обнаружение противоречий в используемой аргументации. Конечно, подобный подход имеет право на существование; он связан с существованием специальных разработок в области философской логики и анализа, которые позволяют философии внести существенный вклад в осуществление того или иного социального исследования.

Вместе с тем и данная позиция также подвергается критике. Во-первых, исключительное право философии на осуществление анализа в области социальных наук может замкнуть её на самой себе, увести в сторону от полномасштабного понимания феномена общества и его критической оценки. Во-вторых, по мнению некоторых философов [6], анализ концептов и методов социальных наук должен быть всецело сосредоточен на изучении неких априорных предпосылок. В действительности же такого рода анализ требует более глубокого знания особенностей собственно научного исследования; он должен носить методологический характер и одновременно быть связан с существом исследуемой проблемы.

Третья концепция в области философии социальных наук рассматривает *философа в качестве социального критика*, который оценивает общественную полезность или же, наоборот, вред социальных наук; философ должен разоблачать предрассудки и пристрастия, присущие специальным наукам об обществе, предлагая взамен определённые моральные нормы для осуществления подлинно научного исследования общества. (Идейно к ней близки взгляды *критической социальной науки*, о чём шла речь выше. Однако следует иметь в виду, что далеко не все философы, разделяющие идею воздействия моральных и социальных норм на характер научного исследования, позиционируют себя как представителей критической теории общества).

Подобное понимание философии социальных наук было бы неполным, если бы не включало в себя синтетический и аналитический компоненты, которые существенно его дополняют и углубляют. Учёный – социальный критик – должен иметь понимание основополагающих тенденций развития социальных наук, представлять некую общую картину их эволюции. Он мог бы, например, многое почерпнуть из анализа содержания дискуссий представителей натурализма и антинатурализма; более того, философский анализ некоторых ключевых идей и выводов в области общественных наук, безусловно, является необходимым для осуществления их аргументированной критики.

Согласно четвёртой концепции, философия, пытаясь ответить на вопрос о том, каковы наилучшие условия для развития и прироста научного знания, создаёт *теории научного роста*. Данный подход получил широкую известность в философии науки, в особенности в области философии естествознания. Гораздо более бедно он представлен в современной философии социальных наук [8; 15], хотя некоторые его сторонники пытаются апеллировать к классике, полагая, что уже такие, например, авторы, как Ф. Бэкон и Дж. Милль работали в области создания теорий научного роста применительно к общественным наукам.

На наш взгляд, последняя из рассмотренных концепций философии социальных наук тесным образом взаимосвязана с тремя предшествующими, в значительной мере дополняя их. В перспективе философия, безусловно, сможет привнести свой вклад в *теории роста социальных наук*, особенно в плане формирования общей методологии исследования.

Каждая из четырёх концепций философии социальных наук, безусловно, важна по-своему, однако взятая сама по себе, носит достаточно ограниченный характер. Конечно, это не означает, что отдельные представители философии социальных наук должны одновременно использовать положения всех данных концепций. Часть исследователей может специализироваться в области создания всеобъемлющих объясняющих теорий или же классифицирующих программ, другие сосредоточатся на создании теорий научного роста, третьи будут сконцентрированы на философском анализе научных концепций и методов, четвёртые – на социальном критицизме применительно к научным теориям общества и их использовании в практической политике. Вместе с тем следует иметь в виду, что работа того или иного представителя философии социальных наук, вовлечённого преимущественно в один из обозначенных типов исследования, чаще всего оказывается весьма важной и для других авторов, работающих в русле иной парадигмы.

С этим можно было бы согласиться, но перед нами встаёт куда более важный вопрос: «А действительно ли необходима философия социальных наук вообще»? Быть может, все те направления исследований, на которые претендуют представители философии социальных наук, вполне реализуемы на уровне учёных, представляющих общественные науки? Такого рода учёный, имеющий теоретические наклонности, может попытаться выработать свой взгляд на создание научной методологии общества, внести ясность и проанализировать сложившиеся в науке концепции и методы, критически заострить вопросы об ответственности учёных-обществоведов и использовании научной информации об обществе.

Что же в таком случае может предложить философия для социальных наук, чего они не в состоянии сделать сами? На наш взгляд, вообще невозможно провести жёсткую грань между работой учёного, представляющего науки об обществе, и философа, работающего в области философии

фии социальных наук. Но определённое различие между этими двумя фигурами всё же имеется: использование основных концепций философии социальных наук для учёного-обществоведа не является центральной (и самоценной!) задачей, выступая в лишь качестве некоего предварительного условия для реализации основополагающих целей его исследования, тогда как для философа самостоятельную значимость будет иметь именно анализ идей. Вместе с тем, подлинная философия социальных наук должна координировать свои исследования с результатами, достигнутыми в области специальных наук об обществе, их практическими разработками – иначе философское осмысление научного изучения общества рискует превратиться в фикцию, в набор не связанных с реальностью абстракций.

Разработки в области философии социальных наук не только позволяют ориентироваться в различных концепциях наук об обществе, что, безусловно, является необходимым условием для фундированного понимания этих наук; с их помощью также вырабатывается инструментарий, на основе которого социальные науки могут противостоять своим оппонентам. Критики наук об обществе долгое время противопоставляли социальные науки естественным, стараясь максимально принизить их роль и значение, ссылаясь при этом на особый характер принятых в них концептуальных схем и отличный от естественнонаучных характер проблем (рефлексивность, субъективизм, невозможность провести контролируемый эксперимент и т. п.).

Однако тезис о неполноценности социальных наук не может считаться в полной мере доказанным. Уже Эрнст Нагель в своей работе «Структура науки» [11] не отрицал существования серьёзных практических трудностей, связанных с построением социальной теории, зачастую более серьёзных, чем это осознаётся исследователем в области социальных наук, но полагал при этом, что «практические трудности должны быть осторожно отделены от концептуальной невозможности». Он подчёркивал, что дискуссии на тему, является ли социальное исследование подлинной наукой, попросту непродуктивны. «Главная задача – достичь ясности по фундаментальным методологическим подходам, понять структуру объяснения в области социальных наук, нежели присваивать какие-либо ужасающие ярлыки» [11, р. 185]. На наш взгляд, философия социальных наук даёт возможность выделения общих черт, присущих исследовательским методам наук об обществе, а также позволяет понять некие скрытые значения, обусловленные ими.

Библиографический список

1. Braybrooke D. *Philosophy of the Social Science*. – Englewood-Cliffs, N.Y.: Prentice-Hall, 1987.
2. Brodbeck M. *Readings in the Philosophy of the Social Sciences*. – London: Macmillan, 1968.
3. Diesing P. *Patterns of Discovery in the Social Sciences*. – Chicago: Aldine-Atherton, 1981.
4. Fay B. *Critical Social Science* / Brian Fay. – Ithaka: Cornell University Press, 1987.
5. Fay B. What Would an Adequate Philosophy of Social Science Look Like? // In: *Readings in the Philosophy of Social Science*. – Cambridge: The MIT Press, 2000. – Chapter 2. – P. 21–36.
6. Fodor J. The Disunity of Science as a Working Hypothesis // In: *Readings in the Philosophy of Social Science*. – Cambridge: The MIT Press, 2000. – P. 687–700.
7. Krimerman L. *The Nature and Scope of Social Science*. – New York: Appleton-Century-Crofts, 1969.
8. Lakatos I., Musgrave A. *Criticism and the Growth of Knowledge*. – Cambridge: Cambridge University Press, 1979.

9. Little D. *Varieties of Social Explanation*. – Boulder, Colo.: Westview Press, 1991.
10. Martin M. Taylor on Interpretation and the Sciences of Man // In: *Readings in the Philosophy of Social Science*. – Cambridge: The MIT Press, 2000. – P. 259–280.
11. Nagel E. *The Structure of Science*. – New York, Harcourt: Brace & World, 1961.
12. Popper K.R. *Pluralist Approach to the Philosophy of History* // In: *Roads to Freedom. Essays in Honour of Friedrich A. von Hayek*. – London, Routledge & Kegan Paul, 1969.
13. Psathas G. *Phenomenological Sociology: Issues and Applications*. – New York: John Wiley, 1973.
14. Rabiniv P., Sullivan W. *Interpretive Social Science: A Second Look*. – Berkeley: University of California Press, 1987.
15. *Readings in the Philosophy of Social Science* / Ed. by Michael Martin and Lee C. McIntyre. – Cambridge: The MIT Press, 2000.
16. Rosenberg A. *Philosophy of the Social Science*. – Boulder, Colo.: Westview Press, 1988.
17. Смирнова Н. М. От социальной метафизики к феноменологии «естественной установки» (феноменологические мотивы в современном социальном познании). – М.: ИФРАН, 1997. – 178 с.
18. Шюц А. Формирование понятия и теории в общественных науках // Шюц А. *Избранное: Мир, светящийся смыслом*. – М.: РОССПЭН, 2004.

Bibliography

1. Braybrooke D. *Philosophy of the Social Science*. – Englewood-Cliffs, N.Y.: Prentice-Hall, 1987.
2. Brodbeck M. *Readings in the Philosophy of the Social Sciences*. – London: Macmillan, 1968.
3. Diesing P. *Patterns of Discovery in the Social Sciences*. – Chicago: Aldine-Atherton, 1981.
4. Fay B. *Critical Social Science* / Brian Fay. – Ithaca: Cornell University Press, 1987.
5. Fay B. What Would an Adequate Philosophy of Social Science Look Like? // In: *Readings in the Philosophy of Social Science*. – Cambridge: The MIT Press, 2000. – Chapter 2. – P. 21–36.
6. Fodor J. The Disunity of Science as a Working Hypothesis // In: *Readings in the Philosophy of Social Science*. – Cambridge: The MIT Press, 2000. – P. 687–700.
7. Krimerman L. *The Nature and Scope of Social Science*. – New York: Appleton-Century-Crofts, 1969.
8. Lakatos I., Musgrave A. *Criticism and the Growth of Knowledge*. – Cambridge: Cambridge University Press, 1979.
9. Little D. *Varieties of Social Explanation*. – Boulder, Colo.: Westview Press, 1991.
10. Martin M. Taylor on Interpretation and the Sciences of Man // In: *Readings in the Philosophy of Social Science*. – Cambridge: The MIT Press, 2000. – P. 259–280.
11. Nagel E. *The Structure of Science*. – New York, Harcourt: Brace & World, 1961.
12. Popper K.R. *Pluralist Approach to the Philosophy of History* // In: *Roads to Freedom. Essays in Honour of Friedrich A. von Hayek*. – London, Routledge & Kegan Paul, 1969.
13. Psathas G. *Phenomenological Sociology: Issues and Applications*. – New York: John Wiley, 1973.
14. Rabiniv P., Sullivan W. *Interpretive Social Science: A Second Look*. – Berkeley: University of California Press, 1987.
15. *Readings in the Philosophy of Social Science* / Ed. by Michael Martin and Lee C. McIntyre. – Cambridge: The MIT Press, 2000.
16. Rosenberg A. *Philosophy of the Social Science*. – Boulder, Colo.: Westview Press, 1988.
17. Smirnova N. M. From social metaphysics to phenomenology «natural line» (phenomenological theme in contemporary social cognition). – М.: Ifrane, 1997. – 178 pp.
18. Shyuts A. *Formation of concepts and theories in the social sciences* / Shyuts A. *Selected: World glowing sense*. – М.: ROSSPEN, 2004.

ПРАВОСЛАВИЕ И КОММУНИСТИЧЕСКАЯ КВАЗИРЕЛИГИЯ

Л. А. Андреева

Центр цивилизационных и региональных исследований РАН,
г. Москва, Россия

ORTHODOXY AND THE COMMUNIST QUASI-RELIGION

L. A. Andreeva

Center for Civilization and Regional Studies, Moscow, Russia

Summary. The ideological bases of support by broad masses of bolsheviks and the Soviet authority after October revolution of 1917 reveal in the article. Their aspects caused by disappointment in Orthodoxy as official religion of Russian empire in connection with discrepancy of sociopolitical positions of orthodox church to social and economic interests of people, and first of all peasantry come to light. Receives judgement process of transformation of religious layers of mass consciousness which content made replacement of orthodox religiousness by bolshevik interpretation of the communist outlook similar to religion by the totalitarian character, absolutization of some doctrine paradigms and idolize some images.

Keywords: bolsheviks, Soviet authority, October revolution, Orthodoxy, mass consciousness, transformation.

С. Н. Булгаков, осмысливая ход революционных событий 1917 года, резюмировал: «Как ни мало было оснований верить грезам о народе-богоносце, все же можно было ожидать, что церковь за тысячелетнее свое существование сумеет себя связать с народной душой и стать для него нужной и дорогой. А ведь оказалось, что церковь была устранена без борьбы, словно она не дорога и не нужна была народу, и это произошло в деревне даже легче, чем в городе... Русский народ вдруг оказался нехристианским» [4, с. 609]. Пытаясь ответить на вопрос, почему «народ-богоносец» вдруг массово воспринял большевистскую идеологию, Н. А. Бердяев писал, что «тоталитарность, требование целостной веры, как основы царства, соответствует глубоким религиозно-социальным инстинктам народа. Советское коммунистическое царство имеет большое сходство по своей духовной конструкции с Московским православным царством... Коммунизм оказался неотвратимой судьбой России, внутренним моментом в судьбе русского народ» [2, с. 117, 93].

В октябре 1917 года Временное правительство было свергнуто большевиками. Легкость свержения Временного правительства и быстрое малокровное установление власти Советов можно объяснить тем, что народ видел в большевиках выразителей насущных требований. Второй Всероссийский съезд Советов принял Декрет о мире, где война объявлялась преступлением против человечества, и Декрет о земле, отразивший дух 242 крестьянских наказов, утвержденных как приложение к Декрету. Основой Декрета о земле большевикам послужила эсеровская программа. Ее реализация отвечала многовековым чаяниям народа и воспринималась как акт социальной справедливости, а само большевистское правительство получило огромную поддержку крестьян, и никого не интересовало, чья это программа с точки зрения партийной принадлежности. Как пример можно привести письмо крестьянина, помещенное в «Петроградской правде»: «А когда царя-батюшку с божьей помощью спихнули, то тут появилась партия социалистов-революционеров... Но мы, беднота, ожидали такую партию, которая открыто бы высказалась за наделение нас землей... И вот

в начале ноября... получаем декрет, в котором говорится, что отныне собственности на землю нет, от помещиков земля отбирается и передается трудовому народу... Прочитали подпись под декретом – «Ленин»... *Доверие к попу пропало, а интерес и доверие к Ленину возросли* (курсив мой. – Л. А.)» [Петроградская правда, 1918, 21 сентября].

Православная церковь практически открыто встала во враждебные отношения к новому режиму. Стоит обратить внимание на тот факт, что в ходе выборов во всероссийское Учредительное собрание в ноябре – декабре 1917 г. за православные партии по всей России было подано 155 тыс. голосов. Еще 54 тыс. голосов было подано за партии старообрядцев и 18 тыс. – за иные христианские политические движения. Иными словами, в обстоятельствах крайнего не только политического, но и нравственного антагонизма христианские партии привлекли менее полпроцента российского электората [7, с. 95]. Вообще же, можно согласиться с мнением исследователя С. Л. Фирсова, что «позиции Церкви в новой России были очевидно слабы. События, происходившие в главной конфессии империи в течение последних предреволюционных лет, не могли не повлиять на отношение к ней в самых широких слоях российского народа» [22, с. 577]. В поэме «Двенадцать» А. А. Блок выразил это отношение в следующих строках:

А вон и долгополый –
Сторонкой за сугроб...
Что нынче невеселый,
Товарищ поп?
Помнишь, как бывало
Брюхом шел вперед,
И крестом сияло
Брюхо на народ [3, с. 516].

В народном сознании несправедливый социальный строй прочно ассоциировался с государственным Православием; в силу этого призывы Православной церкви к борьбе «с большевистской чумой» только усиливали сознание того, что это правильная, народная власть, если у нее появился такой враг, как Православная церковь.

11 ноября 1917 года Священный Собор Российской Православной церкви принял послание [16, с. 103–104]. В нем он открыто объявил о неприятии идеологии большевиков и призвал народ отказать им в поддержке: «Оставьте безумную и нечестивую мечту лжеучителей, призывающих осуществить всемирное братство путем всемирного междоусобия! Вернитесь на путь Христов!» В послании говорилось: «Одна часть войска и народа, обольщенная обещаниями всяких земных благ и скорого мира, восстала на другую часть» – фактически констатировалось начало гражданской войны. Собор дал негативную оценку действиям Советского государства по национализации земли: «Давно уже в русскую душу проникают севы антихристовы, и сердце народное отравляется учениями, ниспровергающими веру в Бога, насаждающими зависть, алчность, хищение чужого». В послании содержалось неприятие выхода России из войны с Германией. Правительство большевиков, объявившее о прекращении войны, унесшей уже более 6 млн человек, объявлялось изменническим: «Для тех, кто видит единственное основание своей власти в насилии одного сословия над всем народом, не существует родины и ее святыни. Они становятся изменниками Родины, которые чинят неслыханное предательство России и верных союзников наших». Стоит обратить внимание в этом послании на сле-

дующий момент – Священный Собор Православной Российской Церкви не восхвалял и павший царский строй: «Но к нашему несчастью, доселе не родилось еще власти воистину народной, достойной получить благословение Церкви Православной».

19 января 1918 г. патриарх Тихон в послании к архипастырям и всем верным чадам Российской Православной церкви [16, с. 110–112] назвал большевиков «безбожными властелинами тьмы века сего» и призвал к открытому сопротивлению и организации Союза духовных борцов. При этом указывалось, что противостояние предстоит не мирное и не духовное: «А если нужно будет, и пострадать за дело Христово зовем вас, возлюбленные чада Церкви, зовем вас на эти страдания вместе с собою». Напрямую Тихон в этом послании не анафематствовал большевиков, а анафема провозглашалась против «безумцев, творивших кровавые расправы». О том, какие расправы творились спонтанно над духовенством, рассказывал на Соборе Патриарх Тихон, описывая гибель митрополита Киевского Владимира в январе 1918 года: «Убийство произошло 25 или 26 января, когда часть Киева была уже в руках большевистских войск. Большевистские солдаты в этот день явились в Киево-Печерскую Лавру, находившуюся вблизи арсенала. Солдаты думали, что в Лавре установлены орудия. Спросив у лаврской братии, кто здесь хозяин, солдаты направились в покои митрополита Владимира, произвели здесь обыск, рассчитывая найти большие деньги. Но у митрополита Владимира оказалось только 100 рублей. Затем солдаты спросили митрополита, нет ли в Лавре орудий или оружия. Несмотря на заявление митрополита, что никакого оружия в Лавре нет, солдаты произвели полный обыск. Конечно, ничего подозрительного в Лавре не оказалось. После этого солдаты приказали митрополиту Владимиру одеться и следовать за ними в комендатуру. Был вечер. Митрополит был выведен за лаврские ворота. Братия Лавры или перепугалась, или солдаты не разрешили ей идти за митрополитом, – только митрополит Владимир ушел с солдатами один. На следующее утро митрополит Владимир вблизи Лавры был найден убитым. На трупе были обнаружены две смертельные огнестрельные раны и несколько штыковых» [16, с. 117].

23 января 1918 года правительство обнародовало Декрет СНК об отделении Церкви от государства и школы от Церкви [16, с. 113–114]. Он ввел Православную церковь формально в рамки буржуазно-либеральных норм и гарантировал, что «каждый гражданин может исповедовать любую религию или не исповедовать никакой. Всякие правоприписания, связанные с исповеданием какой бы то ни было веры или неисповеданием никакой веры, отменяются». Вводилась возможность замены (по решению суда), в силу религиозных воззрений, одной гражданской обязанности (несение воинской службы) на другую. В ответ на этот Декрет 27 января 1918 г. Собор выпустил воззвание, где опять прозвучал призыв к сопротивлению: «Лучше кровь свою пролить и удостоиться венца мученического, чем допустить веру православную врагам на поругание» [16, с. 116].

7 ноября 1918 года патриарх Тихон выпустил воззвание к Совету народных комиссаров по поводу годовщины Октябрьского переворота. В нем он обвинял большевиков в том, что они «соблазнили темный и невежественный народ» [14, с. 22]. Исследователь А. Б. Зубов по поводу «темноты и невежества» народа дал совершенно обоснованный, по моему мнению, комментарий: «Почему после тысячелетия христианской проповеди на Руси, после веков существования православного царства остался наш народ «темным и невежественным»? <...> Не падают ли убийства, насилия и грабежи, совершенные в годы революции «темным и невежественным»

русским народом, на головы тех, кто, высоко поставленный Промыслом и освобожденный от гнета повседневных бытовых тягот, ленился класть душу свою за овец? Кто много раньше большевиков так часто давал народу камень вместо хлеба и змею вместо рыбы или не давал вовсе ничего, ни хорошего, ни дурного, всецело поглощенный своими заботами. Не с головы ли гниет рыба, и не таков ли приход – каков поп? <...> Боюсь, что неисчислимы страдания, лишения и ужасные смерти многих представителей высших сословий в годы революционного лихолетья – расплата за века их нерадения о долге правителей и пастырей. Большевики не в большей степени виноваты в ужасном пароксизме народного организма, чем гной из застарелой, запущенной раны виновен в смерти больного от общего сепсиса. Не большевики за считанные дни своей власти развратили народ, но те, кто *так* правили ими тысячелетие» [7, с. 96–97].

Открыто объявляя себя врагами Советской власти и призывая, по сути, к борьбе, высшее руководство Православной церкви поставило под удар весь клир, поскольку с начала Гражданской войны духовенство расстреливалось по принципу принадлежности к организации, открыто заявившей о своей борьбе с новой властью еще в мирный период. Только поражение белых армий заставило патриарха Тихона выпустить послание от 8 октября 1919 г. с призывом о невмешательстве в политическую борьбу и подчинении Советской власти. В этом послании он писал, что Церковь «подпала под подозрение у носителей современной власти в скрытой контрреволюции, направленной якобы к ниспровержению Советского строя» [16, с. 136].

К концу 1920 года Гражданская война была закончена, и большевики решили, что настало время, когда можно вплотную заняться воплощением уже своей, чисто марксистской доктрины, где для религии не могло быть места как для всеобъемлющего и цельного мировоззрения – соперника «единственно верного» марксистско-ленинского учения. Аналогичная ситуация сложится в 30-е годы XX столетия в фашистской Германии. Мнение Гитлера сводилось к тому, что «<...> иерархическая организация и посвящение через символические обряды, действующие магически на воображение, – опасный элемент. <...> Разве вы не понимаете, что и наша партия должна быть такого же характера? <...> Орден, иерархический орден секулярного священничества <...>. Мы или <...> Церковь – есть место только для одного <...>» [15, с. 122].

Исследователь Т. Б. Коваль подчеркивает, что Маркс, Энгельс и Ленин «создали цельное мировоззрение... Представляясь истиной в последней инстанции, коммунизм как религия, притязающая на абсолютность, не знает нейтральных, индифферентных для себя областей. Он не ограничивается какими-то определенными областями... У него было свое представление о смысле жизни, свое понимание высших целей и ценностей. И эти представления он не просто «предлагает», но навязывает, не принимая диалога, а тем более критики. Как религиозные фундаменталисты коммунисты претендуют на влияние на все без исключения аспекты жизни человека и общества, на определение жизни с рождения до смерти... Непримируемость коммунизма ко всем религиям вытекает из стремления быть единственным универсальным мировоззрением, которое исповедуют не сомневаясь, в истинность которого верят» [9, с. 152]. Этим, по моему мнению, «объясняется борьба с религией на всем протяжении существования коммунистического режима, переходившая в 20–30-е годы XX века в кампанию по насильственной атеизации. То, что Православная церковь не была полностью запрещена, объясняется тем, что гонения на Церковь

давали возможность «выпустить пар», прикрыть свои неудачи происками «врагов народа», что было возможно, учитывая сильнейшие антиклерикальные настроения, царившие в России в преддверии революции.

Большевики грезили воображаемой моделью будущего – коммунизмом и созданием нового совершенного «сверхчеловека». Еще в 1904 г. А. В. Луначарский так описывал марксистское обожествление способностей человека: «Вера активного человека есть вера в грядущее человечество, его религия есть совокупность чувств и мыслей, делающих его сопричастником жизни человечества и звеном в той цепи, которая тянется к сверхчеловеку... законченному организму, в котором жизнь и разум отпразднуют победу над стихиями... Если сущность всякой жизни есть самосохранение, то жизнь прекрасная, благая, истинная есть самосовершенствование» [11, с. 181–182]. Картина будущего, обрисованная А. В. Луначарским, перекликается с учением Ф. Ницше. В ницшевской Библии «Так говорил Заратустра» (1883) провозглашалось, что Бог мертв и предрекалось пришествие «сверхчеловека»: «Я учу вас о сверхчеловеке. Человек есть нечто, что должно превзойти... Что такое обезьяна в отношении человека? Посмешище или мучительный позор. И тем же самым должен быть человек для сверхчеловека: посмешищем или мучительным позором. Вы совершили путь от червя к человеку, но многое в вас осталось от червя. Сверхчеловек – это смысл земли. Пусть же ваша воля говорит: да будет сверхчеловек смыслом земли!... Я люблю того, кто оправдывает людей будущего и искупляет людей прошлого: ибо он хочет гибели от людей настоящего» [13, с. 7–11]. В 1908–1911 гг. А. В. Луначарский выпустил двухтомный труд «Религия и социализм», где обосновал теорию богостроительства без Бога в рамках новой религии – марксизма. В «Очерках по истории марксизма» А. В. Луначарский писал: «Социализм, это организованная борьба человечества с природой до полного подчинения разуму: в надежде на победу, в стремлении, в напряжении сил – новая религия... Новая религия не может вести к пассивности, к которой, в сущности, ведет всякая религия, дающая безусловную гарантию в торжестве добра, новая религия уходит в действие» [10, с. 157]. Идеи коммунистического богостроительства высказывал и М. Горький, что особенно возмущало В. И. Ленина. Отмечали квазирелигиозный смысл коммунизма и религиозные философы Н. Бердяев и С. Булгаков. Как справедливо замечает исследователь культа Ленина в Советской России Нина Тумаркин: «Богостроительство, – а позднее усилия по увековечению памяти Ленина – ставило целью подлинное обожествление человека. В марксизме со всей очевидностью выступает прометеевский порыв-убеждение в том, что сознательные свободные труженики станут творцами нового мира; тем же убеждением проникнута и русская революционная традиция, вобравшая в себя как веру в величие русского народа, так и веру в самих революционеров, которые должны преобразить Россию, – в конце концов, и весь мир – на началах всеобщего равенства. Богостроительство возникло на перепутье различных умственных течений – марксизма, русского революционного движения и апокалиптических чаяний. Ирония истории заключается в том, что богостроители приложили немало стараний для обожествления человеческого гения, воплощенного в личности Ленина, который предал анафеме всякую религию – и которому особенно отталкивающим представлялось богостроительство, однако именно Ленину суждено было стать, благодаря иным из его ближайших друзей, богочеловеком коммунизма» [19, с. 31.]. Однако представляется, что Ленин стал «богочеловеком» коммунизма не столько усилиями «ближайших друзей», а в силу логики российской истории.

В 20-е годы XX в. стал приобретать мировоззренческую законченность квазирелигиозный культ, который начал складываться в России с 60-х годов XIX в. Образ Ленина еще при его жизни стал обретать признаки сверхчеловека – божества с типичными чертами цикличности: мессианская цель – страдание за народ – победа, которая создаст новую общность.

В 1902 г. В. И. Ленин создал книгу «Что делать?», в которой видел путь к счастью народа в создании профессиональной партии революционеров. Именно революционная организация – союз посвященных – должна перевернуть Россию. В этой работе Ленин изложил революционную теорию, призванную сплотить вокруг него единомышленников. Н. Тумаркин отмечает: «От многих других Ульянова отличала решимость *самому* сделаться примером для окружающих – именно она и способствовала его превращению в Ленина: более того, он создал партию, которая, вооружившись его идеями и указаниями, должна была сыграть организующую и направляющую роль в осуществлении революции в России» [19, с. 64].

С первых дней революции стал складываться культ Ленина как гениального вождя, культ квазирелигиозный по своей сущности. Ранение Ленина в 1918 г. советская пропаганда истолковывала как добровольную жертву человека, сознательно подвергавшего себя опасности (Ленин преднамеренно отказывался от телохранителей). Можно полностью согласиться с Н. Тумаркиным, что культ Ленина берет начало в публичном признании его добровольной жертвы на благо народа [19, 1997, с. 82].

Ты к нам пришел, чтоб облегчить
Наши тяжкие мученья,
Ты к нам пришел, как вождь, разбить
Врагов рабочего движенья...
... Нам не забыть твоих страданий,
Что перенес ты, вождь, за нас.
Ты жертвой стал... [Беднота, 1918, 17 сентября]

В 1920 г. в честь 50-летия Ленина Агитпроп издал огромным тиражом в 200 тыс. экземпляров его биографию, в которой изложена жизнь чудесного младенца и где говорится: «... когда трудящемуся народу жилось очень тяжело под гнетом помещика капиталиста, в городе Симбирске, в небогатой семье родился мальчик, которому потом выпало на долю вместе с рабочими и крестьянами отобрать у помещиков... землю, освободить рабочего... и начать коренное переустройство мира» [12].

Еще при жизни Ленина стали возникать Ленинские уголки. В 1923 г. на Первой сельскохозяйственной и кустарно-промышленной выставке в Москве, проходившей в Центральном доме крестьянина, был устроен Ленинский уголок, содержащий рисунки, фотографии Ленина, документы [20]. Его идея однозначно восходит к красному углу русской избы, в котором помещались иконы.

После кончины В. И. Ленина 21 января 1924 г. его квазирелигиозный культ вступил в решающую стадию формирования. Умер Отец – Основатель нового учения – ленинизма, умер мученик за народное счастье, указавший и знавший единственно верный путь для счастья России и всего мира, умер спаситель угнетенных всего мира. Бессмертность Ленина призван был продемонстрировать Мавзолей с нетленным телом вождя. Следует напомнить, что незадолго до смерти Ленина прошла кампания по вскрытию мощей православных святых, многие из которых оказались весьма далекими от нетленности. М. И. Калинин, а главное И. В. Сталин

высказались за бальзамирование тела. Сталин, ссылаясь на волю «товарищей из провинции», говорил: «Они говорят, что Ленин русский человек и соответственно тому должен быть и похоронен... Некоторые товарищи полагают, что современная наука имеет возможность с помощью бальзамирования надолго сохранить тело усопшего». Л. Троцкий сразу уловил смысл сталинского предложения: «Когда тов. Сталин отговорил до конца свою речь, тогда только мне стало понятным, куда клонят эти сначала непонятные рассуждения и указания, что Ленин – русский человек и его хоронить надо по-русски. По-русски, по канонам Русской православной церкви, угодники делались мощами. По-видимому, нам, партии революционного марксизма, советуют идти в ту же сторону – сохранить тело Ленина. Прежде были мощи Сергия Радонежского и Серафима Саровского, теперь хотят заменить их мощами Владимира Ильича» [19, с. 159].

Строительство Мавзолея для сохранения ленинских мощей станет апофеозом воплощения формулы о бессмертии Ленина: «Ленин жил, Ленин жив, Ленин будет жить». Как замечает С. Л. Фирсов, «место захоронения «главы церковной иерархии» достаточно быстро утратило траурный смысл. Мавзолей как символ вечной жизни революционных идей соединил в себе функции высшего пьедестала почета, коммунистического храма, сакрального центра коммунистической цивилизации, посещение которого есть в то же время причащение к ленинской идеологии, демонстрация веры в реальность "царствия рабочих и крестьян"» [21].

Таким образом, был создан квазирелигиозный культ Ленина. Согласно христианской сакрализации власти царь есть Наместник Христа на земле, его земная актуализация. Именно эта схема лежала в складывании в дальнейшем культа Сталина, который, подобно древнеегипетским фараонам, по «должности» унаследовал «божественную» природу Ленина, согласно формуле: «Сталин – Ленин сегодня». 7 ноября 1933 г. американский журналист Юджин Лайонз, совершив прогулку по Москве, подсчитал количество портретов и бюстов – «политических икон», по его определению. На протяжении нескольких кварталов изображений Сталина оказалось 103, а изображений Ленина – только 58 [19, с. 223]. Однако нельзя согласиться с выводами Н. Тумаркин о том, что эти цифры свидетельствуют о вытеснении культа Ленина культом Сталина. Оба культа не могли существовать один без другого. В 1933 г. Сталин был актуализацией Ленина, отсюда и преобладание его «политических икон». В рамках этого двойного культа провозглашалась новая мораль, новые культовые обряды – октябрины вместо крестин и т. д. Была сформулирована и новая мессианская идея, которая воплощалась через Третий Интернационал. Призывая на словах к светлому коммунистическому «завтра», Сталин на деле вернулся к самодержавному «вчера». *Должность главы партии стала сакральной, объединив жреческо-идеологические и властные земные функции. В России опять возродилась наместническая власть. Коммунистический вождь должен был восприниматься, как «наместник нового Христа» – Ленина.*

Как верно отмечает С. Л. Фирсов: «Ведя борьбу с институциональной церковью, уничтожая ее святыни и издеваясь над ее святынями, большевики противопоставили им свои святыни и святых. Традиционное сознание никогда не усвоило бы новых ценностей, если бы они не были обернуты в старую «упаковку». Форма в данном случае полностью заменяла содержание. В стране с первых дней революции создавался культ новых героев. Были святыне «вселенские» (великие революционеры прошлого) и свои. По ходу революции и гражданской войны появлялись новые коммунистические

мученики, беззаветно отдавшие свои жизни ради «общего дела». Уже в 1920-е годы появляется новая «житийная литература»: книги о Ленине и его сподвижниках, о героях недавнего прошлого (например, о И. В. Бабушкине), о здравствовавших на тот момент революционерах. Коммунистические святцы довольно быстро пополнились новыми именами, в 1920-е детей стали называть в честь новых святых и главного «бога» – Ленина: Вилен, Виленин, Виль, Владлен... В честь вождей уже при их жизни переименовались города...» [21].

В советской идеологии нетрудно заметить черты манихейства и дуализма. Все зло исходило от мира капитала, а частная собственность выступала в роли первородного греха, весь свет и добро – от Советской России, которой предназначено в тяжелой схватке победить мир тьмы. Победа мира социализма над миром капитала и построение земного коммунистического рая на земле – коммунистическая эсхатология. Можно согласиться с мнением Т. Б. Коваль, что «в определенном смысле коммунизм в своих чаяниях Царства Божия на земле был близок к древнему иудейскому хилиазму, ориентированному на рай на земле в «этом эоне», а не за пределами истории, «в будущем веке», как свойственно христианской эсхатологии» [9, с. 159]. Партия воспринималась как епископальный институт – своего рода коммунистическая Церковь посвященных. Были в ней и свои еретики, которые извращали чистоту коммунистического учения и потому должны были быть изгнаны (НКВД можно рассматривать как своего рода религиозную инквизицию). Был и свой «падший ангел» – Л. Д. Троцкий. Современница тех событий и родственница И. В. Сталина в своем дневнике выражает свои чувства по поводу процесса над троцкистами: «... душа пылает гневом и ненавистью, их казнь не удовлетворяет меня. Хотелось бы их пытать, колесовать, сжигать за все мерзости, содеянные ими» [8, с. 176]. Роль Соборов выполняли съезды партии. Были и свои священные писания – труды классиков. Как метко заметил С. Л. Фирсов, была создана и «энциклопедия большевизма» – краткий курс истории ВКП(б): «Памятник коммунистического религиозного дуализма, эта книга на долгие годы стала священным писанием большевиков-ленинцев (сталинцев). Ее религиозная ценность... состоит в том, что она давала ясный и однозначный ответ на вопрос о добре и зле (в большевистско-сталинском понимании, разумеется). Автором книги официально считался пророк «новой истины» – И. В. Сталин, хотя он никогда не признавался в авторстве» [21].

Советский режим использовал патриотический порыв людей в Великой Отечественной войне для легитимного возрождения имперских принципов и символов самодержавной России. Де Голль напишет о Сталине: «Один лицом к лицу с Россией, Сталин видит ее таинственной, более сильной и более прочной, чем все теории и все режимы. Он ее любит по своему. *И она приняла его, как царя* (курсив мой. – Л. А.), до истечения страшного времени, и поддерживает большевизм, чтобы использовать его, как орудие. Собрать славян, раздавить германцев, распространиться в Азии, получить доступ к открытым морям – такими были мечты родины, такими стали цели деспота» [Цит. по: 1, с. 66]. Де Голль уловил главное: в Советской России появился коммунистический царь, скроенный на старый наместнический лад. Еще в 1935 году И. В. Сталин в приватной беседе сказал своей родственнице М. А. Сванидзе, что «народу нужен царь, т. е. человек, которому они могут поклоняться и во имя которого жить и работать» [8, с. 176].

Арнольд Тойнби констатировал по этому поводу: «как под Распятием, так и под серпом и молотом, Россия – все еще «Святая Русь», а Моск-

ва – все еще "Третий Рим"» [18, с. 114]. Круг замкнулся. Совершенно логичным выглядит и то, что именно в этот период – в 1943 году в церковно-государственных отношениях произошел коренной перелом. Церковь становится символом преемственности сталинского государства и царской России. Сталин опирался в Православной церкви на такие элементы, которые были воспитаны в традициях государственной церкви и видели в новой политике Сталина возвращение к дореволюционной норме. В русле новой политики 14 сентября 1943 года постановлением Совнаркома был образован Совет по делам Русской православной церкви при СНК СССР, а несколько позднее был создан и Совет по делам религиозных культов. В период с 1943 по 1953 годы происходит оживление Православной церкви в СССР, повышается и активность других религиозных объединений. Несмотря на то, что в начале 60-х годов, в связи с выдвиганием курса на построение коммунистического общества за 20 лет, вновь усиливаются административные методы борьбы с религией, в массовом порядке закрываются религиозные организации. Однако в целом стиль государственно-церковных отношений, установленный в годы Великой Отечественной войны, не претерпел коренных изменений. По сути произошел возврат к старой дореволюционной модели контроля государства за религиозными конфессиями, но в рамках социалистического государства. Не имея опыта самостоятельного функционирования, российские религиозные конфессии в обмен на поддержку государства и сохранения статус-кво поддерживали своим авторитетом советскую власть.

Именно в 60-е годы XX века начинается распад коммунистической квазирелигии. Разоблачение Н. С. Хрущевым культа личности Сталина разрушило сакральную формулу наместнической власти: «Сталин – Ленин сегодня». Хрущев уже не мог стать «Лениным сегодня», как и последующие коммунистические вожди. Именно разрушение культа Сталина, а именно квазисакральной связки – действующий лидер как актуализация Ленина, явилось, на мой взгляд, одной из основных причин деградации коммунистической системы легитимизации власти, что в конечном итоге, наряду с экономическими факторами (рай на земле все не наступал), привело к крушению СССР.

Таким образом, можно констатировать, что неприязнь коммунистического режима к Православию объяснялась во многом тем, что коммунисты усматривали в нем соперника по легализации тотальной власти и легитимизации тоталитарного государства, поскольку в тоталитарном обществе существует только одно тотальное мировоззрение, которое и может быть признано государством единственным истинно верным. Можно согласиться с мнением исследователя В. Д. Жукоцкого о том, что исторический казус эпохи советского тоталитаризма состоял в том, «чтобы одной разновидности (патриархального, старорелигиозного) деспотизма решительно противопоставить другую его разновидность (коммунистического, формально – антирелигиозного), чтобы тоталитарной интенции одной культурно-исторической традиции противопоставить тоталитарную интенцию другой культурно-исторической традиции, по принципу – клин клином вышибают. Задача – погасить одну крайность другой, выйти, наконец, на оперативный простор свободного демократического развития культуры, в котором бы на равных сочетались и взаимодействовали ценности консерватизма, либерализма и социализма» [6, с. 92.].

Библиографический список

1. Безансон А. Советское настоящее и русское прошлое. – М., 1998.
2. Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма. – М., 1990.
3. Блок А. Избранные произведения. – Л., 1980.
4. Булгаков С. Н. Апокалиптика и социализм. В 2 т. Т. 2. – М., 1993.
5. Деревенская беднота о товарище Ленине // Петроградская правда. – 1918. – 21 сентября.
6. Жукоцкий В. Д. Русская реформация XX века: логика исторической трансформации атеистического протестантизма большевиков // Общественные науки и современность. – 2004. – № 3.
7. Zubov A. B. Forty days or forty years? // Preeminence and resurgence of Russia. – М., 2001.
8. Иосиф Сталин в объятиях семьи (Сборник документов). – Берлин; Чикаго; Токио; Москва, 1993.
9. Коваль Т. Б. На развалинах Вавилона // Мир России. – 1997. – № 4.
10. Луначарский А. В. Очерки по истории марксизма. – СПб., 1908.
11. Луначарский А. В. Основы позитивной эстетики // Очерки реалистического мировоззрения. – СПб., 1904.
12. Невский В. И. В. И. Ульянов (В. Ленин). – М., 1920.
13. Ницше Ф. Так говорил Заратустра. – Минск, 1997.
14. Послания святителя Тихона. – М., 1990.
15. Пруссаков В. Оккультный рейх // Оккультный мессия и его рейх. – М., 1992.
16. Русская Православная Церковь в советское время. В 2 т. Т. 1. – М., 1995.
17. Страдающий Аким. В. Ленину // Беднота. – 1918. – 17 сентября.
18. Тойнби А. Цивилизация перед судом истории. – М., 1996.
19. Тумаркин Н. Ленин жив! Культ Ленина в Советской России. – СПб., 1997.
20. Уголок В. И. Ульянова-Ленина. Первая сельскохозяйственная и кустарно-промышленная выставка СССР. – М., 1923.
21. Фирсов С. Л. Перевернутая религия: советская мифология и коммунистический культ // www.orthodoxia.org.
22. Фирсов С. Л. Русская церковь накануне перемен (конец 1890–1918 гг.). – М., 2002.

Bibliography

1. Besancon A. Soviet present and now Russian past. – М., 1998.
2. Berdyayev N. A. Origins and meaning of Russian communism. – М., 1990.
3. Block A. Selected works. – L., 1980.
4. Bulgakov S. N. Apocalyptic and socialism. V 2 t. T. 2. – М., 1993.
5. The rural poor of comrade Lenin / Petrograd true. – 1918. – September 21.
6. Zhukotsky V. D. Russian reformation of the XX century: the logic of historical transformation of Protestant atheist Bolshevik // Social Sciences and the present. – 2004. – № 3.
7. Zubov A. B. Forty days or forty years? // Continuity and Russia's resurgence. – М., 2001.
8. Joseph Stalin in the arms of the family (Digest). – Berlin, Chicago, Tokyo, Moscow, 1993.
9. Koval T. B. On the ruins of Babylon // World of Russia. - 1997. - № 4.
10. Lunacharsky A. V. Essays on the history of Marxism. - St., 1908.
11. Lunacharsky A. V. Fundamentals of positive aesthetics / Essays realistic outlook. – SPb., 1904.
12. Nevsky V. I. V. I. Ulyanov (B. Lenin). – М., 1920.
13. Nietzsche, F. Thus Spoke Zarathustra. – Minsk, 1997.
14. Epistle of St. Tikhon. – М., 1990.
15. Prussians B. Reich Occult // Occult Messiah and his Reich. – М., 1992.
16. Russian Orthodox Church in Soviet times. V 2 t. T. 1. – М., 1995.
17. Suffering Akim. Vladimir Lenin // poor. – 1918. – 17 September.
18. Toynbee A. Civilization before the court of history. – М., 1996.
19. Tumarkin N. Lenin is alive! The cult of Lenin in Soviet Russia. – SPb., 1997.
20. Ugolok V. I. Lenin. The first agricultural and handicraft industrial exhibition of the USSR. – М., 1923.
21. Firsov S. L. Inverted religion: the Soviet mythology and the cult of the communist // www.orthodoxia.org.
22. Firsov S. L. Russian church on the eve of change (the end of 1890–1918). – М., 2002.

КИБОРГИЗАЦИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА КАК ПРОЯВЛЕНИЕ ТРАНСГУМАНИЗМА

М. А. Антипов, А. С. Колдомасов
Пензенская государственная технологическая академия,
Пенза, Россия

CYBORGIZATION OF MANKIND AS A DISPLAY OF TRANSHUMANISM

M. A. Antipov, A. S. Koldamasov
Penza State Technological Academy, Penza, Russia

Summary. Article is devoted to one of actual problems of bioethics - the synthesis of human physicality with technical electronic devices. This trend is considered as a practical expression of the intellectual currents of modernity, as transhumanism. The authors regard transhumanism as ambiguous and contradictory phenomenon in modern philosophy, reflecting the contradictory nature of modern civilization.

Keywords: transhumanism, cyborgization, development of mankind.

Согласно данным социологического опроса, проведённого немецкой ассоциацией IT-компаний BITKOM, каждый четвёртый немец готов вживить себе под кожу микрочип. Часть опрошенных выражала готовность пойти на этот шаг, если чип будет содержать личные данные и медицинскую информацию, которая поможет быстро опознать человека и оказать ему помощь в случае опасного для жизни инцидента. Другая часть соблазнилась причинами куда более легкомысленного характера: если RFID-чип будет содержать информацию о балансе банковского счёта, его можно будет использовать в качестве кредитной карты во время похода в магазин [3].

Говоря об этом, можно процитировать пару строк из книги Евгения Замятина «Мы» (1920 год): «В голове – легкий, зыбкий туман. Сквозь туман – длинные, стеклянные столы; медленно, молча, в такт жующие шароголовы. Издалека, сквозь туман постукивает метроном, и под эту привычно-ласкающую музыку я машинально, вместе со всеми, считаю до пятидесяти: пятьдесят узаконенных жевательных движений на каждый кусок. И, машинально отбивая такт, опускаюсь вниз, отмечаю свое имя в книге уходящих – как все» [1, с. 54]. Именно такие ассоциации вызывает эта тема в голове.

Идеи незавершившейся эволюции вида *homo sapiens* и преображения человека бытуют в умах многих мыслителей уже не первый век. Наиболее ярким здесь является концепт сверхчеловека Ф. Ницше и его определение человека («канат, протянутый между животным и Сверхчеловеком, это канат над пропастью») [2, с. 19]. Эта отрасль рассуждений нашла своё пристанище в современном философском движении под названием трансгуманизм. Его суть заключается в том, что человек не является последним звеном эволюции, а значит, может совершенствоваться до бесконечности при помощи современных достижений в науке и технике. Данный тип гуманизма можно назвать постгуманизмом, отражающим суть современной техногенной цивилизации.

Трансгуманизм как нельзя лучше отражает одно из цивилизационных противоречий: отставание духовно-нравственного развития человечества от материально-технологического прогресса. Мы считаем, что совершенствование человека предполагает развитие и телесности, и духовности.

Трансгуманисты же исходят из идеи одностороннего развития человека – телесного, при этом духовное измерение развития игнорируется.

Ренессансный гуманизм, который традиционно рассматривается как классический тип гуманизма, показал свою полную несостоятельность. Оптимистичным мечтаниям представителей Ренессанса, а позднее эпохи Просвещения о нравственном совершенствовании общества посредством интеллектуального развития представителей человеческого рода не суждено было сбыться. Мало того, мировые события XX века показали полнейшую несостоятельность рационалистичных и оптимистичных взглядов на природу человека.

Не повторит ли трансгуманизм судьбу своего предшественника? Если центром ренессансного гуманизма была идея о повышении нравственного уровня человечества, апеллирование к разуму, то в трансгуманизме в качестве исходной посылки берется развитие телесных способностей. Подобные диспропорции между материальным и духовным могут в будущем сделать фантазии писателей и кинематографистов реальностью, с которой придется столкнуться будущему человечеству.

Впрочем, пока киборгизация человека является не каким-то привлекательным способом улучшения его природы, а всего лишь частью протезирования утраченных органов, хотя внедряемая в тело человека электроника сейчас намного сложнее, чем изготавливавшиеся ещё в древности деревянные ноги или стеклянные глаза. Препятствия развитию новой прикладной дисциплины связаны с поиском совместимых с живыми тканями материалов, из которых можно было бы делать микросхемы и электрические цепи, высокой затратностью новых проектов, а также вопросами этического характера, главный из которых состоит в риске утраты человеком своего естества, замены подлинной сущности машинной, полностью кибернетической.

Научно-фантастические фильмы и книги часто рассказывают о механических протезах различных конечностей тела. Трудно поверить, но эксперименты по созданию такого рода конечностей в США проводились уже с конца 1970-х. Однако технологии того времени не позволяли обеспечить ни скорость, ни точность движений, ни уж тем более возможность соединения электродов с нервной тканью.

Лишь в 1990-х годах эксперименты увенчались успехом: чикагскому Институту реабилитации инвалидов удалось провести серию успешных экспериментов по приживлению механических рук. В отличие от разработанной ещё в 1990-е годы искусственной ноги C-Leg (созданный немецкой фирмой Otto Bock протез управляется микропроцессорами, имеет встроенный гироскоп и способен обеспечить приближённые к естественным движения конечности), эти механические руки не пристёгивались к культе, а раз и навсегда соединялись с телом [4].

На сегодняшний день это наиболее совершенная искусственная конечность, однако, несмотря на высокую точность движений и удобство, у неё есть ряд недостатков. Во-первых, необходимость периодически подзаряжать аккумулятор питания. Во-вторых, ощущения далеки от естественных: если сразу после их приживления инвалид ощущает пальцы механической руки и их прикосновение к предметам, то через несколько лет мозг разгадывает иллюзию – владельцы роботизированных конечностей начинают чувствовать, что ощущения рождаются в груди, там, где отрезанные нервы соединены с датчиками, посылающими им сигналы. Словом, есть над чем поработать.

Другой успешный и перспективный эксперимент по электронному протезированию был проведён командой медиков из университетов Аахена, Марбурга и Эссена, сумевших при помощи умного имплантата частично вернуть зрение пациентам, страдающим пигментным ретинитом – заболеванием, при котором происходит отмирание палочек и колбочек сетчатки. Болезнь считалась неизлечимой: пациенты постепенно утрачивали способность различать цвета и видеть в темноте. При дальнейшем развитии недуга они полностью утрачивали зрение.

Врачи поместили прямо в глазное яблоко комплекс из электродов, позволяющий стимулировать уцелевшие светочувствительные клетки таким образом, что они берут на себя функции отмерших. Поскольку электроды должны работать не постоянно, а лишь время от времени, собственный аккумулятор им не нужен: питание подаётся путём концентрации создаваемого внешним прибором магнитного поля за счёт электромагнитной индукции. Пациенты, получившие имплантат, смогли вновь видеть крупные предметы и различать интенсивность света [5].

Сейчас учёные работают над имплантатом нового поколения, который был бы соединён с внешней камерой. В этом случае возможность видеть предметы появится и у людей, ослепших по другим причинам: специальная электронная камера сможет делить образы окружающей реальности на контуры и линии, а затем передавать эту информацию на сетчатку, создавая простую картинку. Такое схематическое зрение будет сильно отличаться от настоящего, но это сможет вернуть способность уверенно передвигаться и манипулировать предметами тем, кто полностью утратил зрение.

Совсем недавно учёные заговорили о том, что человеческое тело можно оснастить и собственным генератором электричества. Вместо того чтобы периодически менять питающую кардиостимулятор батарейку, можно внедрить в ткани материал, позволяющий преобразовывать механическую энергию движений тела в электрический ток.

Все эти научные достижения естественно имеют море плюсов для людей, нуждающихся в срочных жизненно важных операциях. Киборгизация открывает двери инвалидам и дарит надежды на возможность нормальной, полноценной жизни. Но остановится ли на этом ум человека? Да и справедливо ли так сильно продлевать жизнь людей, которые в естественных условиях покинули бы этот мир? Вопрос спорный и неоднозначный. Исторический опыт современной науки показывает, что человек не знает меры в своих желаниях, и элементарные стремления помочь больным людям запросто могут трансформироваться в массовое электронное безумие в наших телах. Когда-нибудь человеческий гений в погоне за трансгуманистическим раем станет бессмертным и потеряет реальный цвет ценности своей жизни. Надеюсь, это просто фантазии, которые никогда не воплотятся в реальность, хоть и не в скором времени.

К чему приведёт такой скачок развития человечества? К новым эволюционным высотам, или же утопит нас в бесконечном технократическом сером хаосе? Все помнят стереотипный образ из не столь далёкого прошлого, когда кто-нибудь проходил по тёмным подворотням, на него нападали грабители и вырывали вставные золотые зубы. Что же ждёт современного человека от современной подворотни? Или же мир станет таким же сухим и математическим как в знаменитом произведении Евгения Замятина «Мы»? Ответ на вопрос уже не за горами.

Библиографический список

1. Замятин Е. И. Мы: роман, повести, рассказы. – М.: Эксмо, 2006. – 604 с.
2. Ницше Ф. Так говорил Заратустра – М.: Интербук, 1990. – 432 с.
3. <http://vodorez.com/raznoe.html>
4. <http://www.cleg.ottobockus.com/>
5. <http://science.ua/2010/11/03/eye-implant/>

Bibliography

1. Zamyatin E. I. We: the novel, novels, short stories. – М.: Eksmo, 2006. – 604 p.
2. Nietzsche F. Thus Spoke Zarathustra. – М.: Interbook, 1990. – 432 p.
3. <http://vodorez.com/raznoe.html>
4. <http://www.cleg.ottobockus.com>
5. <http://science.ua/2010/11/03/eye-implant>

УДК 101.1::316.34: 343.9+470

К ИССЛЕДОВАНИЮ ПРОБЛЕМЫ КРИМИНАЛИЗАЦИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В РОССИИ

Д. Б. Казанцева, А. Хаитжанов

Пензенский государственный университет, г. Пенза, Россия

TO RESEARCH OF THE PROBLEM OF MINORS CRIMINALIZATION IN RUSSIA

D. B. Kazantseva, A. Khaitzhanov

Penza State University, Penza, Russia

Summary. The dynamics and the reasons of minors criminalization in Russia for last decades is shown, the dependence of commission of crime on age, employment and sex is examined. Selfish and egoistical relations to life, low cultural level, teenagers' irresponsible representations about morals and law are denoted.

Keywords: criminalization, condemned, minors, society, spirituality, morals, law machine.

Проблема криминализации несовершеннолетних в России последние десятилетия остро актуальна и характеризуется как, в целом, большим количеством совершённых преступлений не зависимо от возраста, так и большим количеством совершённых преступлений несовершеннолетними или при их соучастии в преступлении. Только за 1995 год число преступлений составляло 209,8 тысяч, но отмечается снижение числа преступлений, совершённых несовершеннолетними. Уже в 2000 году их число составило 195,4 тысяч, а в 2007 – 139,1 тысяч. Большое количество правонарушений совершается несовершеннолетними в группах, так как группа, действуя организованно, создает ощущение поддержки соучастников преступления.

Одной из немаловажных причин совершения преступлений несовершеннолетними является реклама алкогольной и табачной продукции, приводящей к преступлениям в состоянии алкогольного опьянения, за 1995 год – 650,3 тысяч случаев, 2001 год – в 408,1 тысяч. Активная деятельность в этом направлении, профилактика правонарушений, проводимая в последнее время, определила спад в 2 раза преступности в состоянии алкогольного опьянения через запрещение продажи алкогольной и табачной продукции несовершеннолетним подросткам, объявлением высоких штрафов за несоблюдение данных мер.

К сожалению, для подростков, формирующихся в условиях неблагоприятной среды, и не имеющих перед собой ярких образов положительных героев, как в средствах массовой информации, так и в жизни, ярким мужским примером для подражания могут стать взрослые лица, уже побывавшие в местах лишения свободы. Существующая серьезная проблема с преступностью практически во всех рассмотренных категориях лиц, позволяет проследить зависимость совершения преступления от возраста, занятости и пола, а также выявить процентные соотношения, которые ярко показывают настоящее обстоятельство дел и угрозу от «старшего» уже сформированного криминального поколения более младшему, характеризующемуся еще несформированной психикой и потерянными духовно-нравственными ориентирами собственного развития. И несмотря на то, что по приведенным данным процент осужденных несовершеннолетних снижается с 1992 г. (13,8 %) к 2008 г. (7,9 %) стабилизации и значительных улучшений данной ситуации в нашей стране пока не наблюдается, что конечно, вызывает серьезные опасения за наше будущее (таблица 1).

Таблица 1

Состав осужденных (в процентах)

	1992	1995	2000	2003	2004	2005	2006	2007	2008
Осуждено всего	100	100	100	100	100	100	100	100	100
из них в возрасте, лет:									
14–17	13,8	11,2	12,6	12,5	12,3	11,3	9,0	9,1	7,9
18–24	23,6	24,0	31,3	31,2	30,2	29,5	29,8	30,0	29,2
25–29	17,7	15,6	16,3	16,5	17,1	17,9	18,9	18,8	19,0
30–49	39,5	43,3	34,9	34,3	34,5	35,1	35,9	35,4	36,9
50 и старше	5,4	5,9	4,9	5,5	5,9	6,2	6,4	6,7	7,0
Из общей численности осужденных:									
женщины	7,2	11,7	13,0	14,2	12,9	13,2	13,1	14,3	15,1
ранее судимые	38,8	33,5	35,0	38,4	39,7	40,8	41,0	39,5	39,5
трудоспособные лица без определенных занятий	26,1	44,0	50,1	50,4	55,3	57,2	57,2	55,1	54,7

В данной таблице представлен состав осужденных за период с 1992 по 2008 год в процентных соотношениях. Если брать возрастную категорию от 14–50 лет, то самый большой процент преступлений совершаются в возрасте от 30 до 49 лет. В целом, показатели осужденных с каждым годом возрастают, исключение лишь составляют подростки, что говорит об эффективном направлении проводимой деятельности правоохранительными органами. Однако достаточно печально видеть все-таки весомые проценты в отношении несовершеннолетних (13,8 % за 1992 год, 12,3 % – 2003 год).

Возрастает судимость женщин, которые должны в обществе выполнять функцию матери и осуществлять заботу о подрастающем поколении. Однако они в современном обществе берут на себя совсем другие функции.

Если проследить ситуацию по Пензенской области, то, по сравнению с 2004 годом, идет спад несовершеннолетней преступности. Например, по области за 2004 год несовершеннолетние совершили 572 преступления, за 2005 год – 549 преступлений. Подобную динамику можно проследить и по г. Пензе и по отдельным районам (таблица 2).

По показателям несовершеннолетней преступности за 2 года сложнейшая ситуация обстоит в Первомайском и Октябрьском районах: в 2004 году большее количество преступлений было совершено в Октябрьском районе, а в 2005 году наибольший показатель несовершеннолетней преступности в Первомайском районе. Это связано, возможно, с большим количеством там торговых точек, занимающихся продажей алкогольных напитков, сигарет и наркотических средств (таблица 3.).

Чаще всего несовершеннолетними совершаются кражи, грабежи и тяжкие преступления: по городу за 2005 год совершено уже 51 тяжкое преступление, 17 краж и 18 грабежей, а по области – 191 тяжкое преступление, 30 краж и 130 грабежей. В основном показатели остаются на прежнем уровне, поэтому в принципе говорить о динамике не приходится. Можно сказать о том, что грабежи, кражи и тяжкие преступления стали основными видами несовершеннолетней преступности из-за низкого уровня материальной обеспеченности населения, употребление алкогольных напитков, потребительски-эгоистических отношений к жизни, низкого культурного уровня, несознательных представлений подростка о морали и праве.

Таблица 2

Динамика совершенных несовершеннолетними преступлений в Пензенской области

Название района	Количество преступлений, совершенных за 2004 г.	Количество преступлений, совершенных за 2005 г.
1. Ленинский	57	55
2. Октябрьский	88	74
3. Железнодорожный	62	50
4. Первомайский	80	76
5. Башмаковский	27	15
6. Б. Демьяновский	7	5
7. Бековский	11	6
8. Белинский	9	7
9. Бессоновский	17	20
10. Вадинский	11	4
11. Городищенский	25	28
12. Земетчинский	10	9
13. Иссинский	17	5
14. Каменский	14	35
15. Камешкирский	1	3
16. Кольшлейский	16	15
17. Кондольский	6	4
18. Кузнецкий	31	47
19. Лопатинский	3	5
20. Лунинский	9	7
21. М. Сердобский	1	2
22. Мокшанский	19	10
23. Норовчатских	3	5
24. Неверкинский	1	3

25. Н.-Ломовский	21	24
26. Никольский	28	17
27. Пачелмский	8	21
28. Пензенский	49	37
29. Сердобский	27	39
30. Сосновоборский	7	0
31. Тамалинский	7	2
32. Шемышейский	11	4
Итого: по городу	176	170
по области	572	549

Таблица 3

**Разновидности преступлений, совершаемых
несовершеннолетними**

	Год	Все- го	Тяжкое Престу- пление	Умыш- ленное убийство	Умыш- ленное причине- ние тяжкого вреда здо- ровью	Со смерт- ным исходом	Умыш- ленное причине- ние средней тяжести вреда здо- ровью	
1. По Пензе	2004	68	46	4	2	-	2	
	2005	73	51	2	1	-	-	
2. По области	2004	227	190	6	2	-	3	
	2005	247	191	5	5	-	-	
	Год	Изнаси- лование	Кража	Гра- беж	Раз- бой	Мо- шенни- чество	Хули- ганство	Хищение оружия
1. По Пензе	2004	4	6	24	6	-	4	-
	2005	-	17	18	11	4	-	-
2. По области	2004	4	18	147	9	-	6	-
	2005	1	30	130	20	4	5	-

Таким образом, приведенные выше данные показывают, что в целом криминогенная обстановка как в стране, так и в Пензенской области крайне сложная и, самое страшное, что активное участие в ней принимает молодежь. Необходимо более подробно исследовать причины, подталкивающие подростков на противоправное поведение. И это, конечно, связано с развитием профилактической работы и особенно с подростками, находящимися в сложной жизненной ситуации, с целенаправленным формированием духовных и нравственных ориентиров, в которых можно будет найти опору подрастающему поколению, а так же с помощью организации

сферы досуга подростка: открытием физкультурно-оздоровительных комплексов, спортивных клубов, игровых площадок и т. д.

УДК 101.1::316.34+17:37.01::373.1

К ВОПРОСУ О НЕОБХОДИМОСТИ ДУХОВНО-ПРАВСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ ДЕТЕЙ И ВКЛЮЧЕНИЯ В ШКОЛЬНУЮ ПРОГРАММУ КУРСА «ОСНОВЫ РЕЛИГИОЗНЫХ КУЛЬТУР И СВЕТСКОЙ ЭТИКИ»

Д. Б. Казанцева, О. В. Брызгунова
Пензенский государственный университет, г. Пенза, Россия

**ON THE NEED FOR SPIRITUAL AND MORAL DEVELOPMENT OF CHILDREN
AND INCLUSION IN SCHOOL COURSE «FUNDAMENTALS OF RELIGIOUS
CULTURES AND SECULAR ETHICS»**

D. B. Kazantseva, O. V. Bryzgunova
Penza State University, Penza, Russia

Summary. Spirituality and ethics are the important factor of development, both man and society. System of moral guidelines determine the ambitious national goals and priorities for national projects, forms the law. Introduction of a new spiritual and moral course in a number of educational institutions, is a kind of backbone factor perspective of social development.

Keywords: spiritual and moral development, religion, culture, traditions, secular ethics, development, moral values.

В настоящее время духовно-нравственное развитие становятся объектом пристального изучения юристов, психологов, педагогов. Для Российской Федерации данная проблема долгое время была обострена тем, что наша страна в прямом смысле слова находилась на грани вымирания в духовно-нравственной сфере. В Послании Президента Российской Федерации Федеральному Собранию от 26 апреля 2007 года было подчеркнуто: «Духовное единство народа и объединяющие нас моральные ценности – это такой же важный фактор развития, как политическая и экономическая стабильность... и общество лишь тогда способно ставить и решать масштабные национальные задачи, когда у него есть общая система нравственных ориентиров, когда в стране хранят уважение к родному языку, к самобытной культуре и к самобытным культурным ценностям, к памяти своих предков, к каждой странице нашей отечественной истории»¹.

На сегодняшний день в России провозглашены приоритетные национальные проекты, формируется законодательство в направлении развития духовно-нравственного потенциала, сформированы управленческие структуры, основная задача которых состоит в возрождении и дальнейшем развитии духовно-нравственного воспитания молодежи. Работа по духовно-нравственному развитию постоянно совершенствуется и имеет дальнейшее продолжение. Так, в ряд образовательных учреждений введен новый духовно-нравственный курс, являющийся своего рода системообразующим фактором. Министр образования и науки Российской Федерации А. Фурсенко отметил: «Мы можем помочь стать образованными, успешными людьми, обладающими высоким уровнем ответственности за на-

¹ Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 26 апреля 2007 года «Послание Президента России Владимира Путина Федеральному Собранию РФ» // Российская газета. – № 90. – 2007. – 27 апреля.

стоящее и будущее своих близких, своего народа, своей страны. И курс «Основы религиозных культур и светской этики» призван содействовать этому, так как знакомство с основами религиозных и светских традиций, культурой народов России и общечеловеческими ценностями призвано сыграть важную роль не только в расширении кругозора школьника, но и в воспитательном процессе формирования порядочного, честного и достойного гражданина, готового к межкультурному диалогу и уважительно-му отношению ко всем гражданам страны»².

«Основы религиозных культур и светской этики» представляют собой учебный курс, одобренный и включённый Министерством образования и науки Российской Федерации в школьную программу в качестве федерального компонента. Основой разработки и введения в учебный процесс общеобразовательных школ данного комплексного учебного курса является Поручение Президента Российской Федерации от 2 августа 2009 г. и Распоряжение Председателя Правительства Российской Федерации от 11 августа 2009 г. «Основы религиозных культур и светской этики» – это культурологический курс, направлен на развитие у школьников 10–11 лет представлений о нравственных идеалах и ценностях, составляющих основу религиозных и светских традиций многонациональной культуры России, на понимание их значения в жизни современного общества и своей сопричастности к ним. Задача, которая стоит перед данным курсом, заключается в «формировании общества, основанного на согласии и понимании. Все мы разные, но мы живём в одной стране и должны учиться уважать ценности представителей всех культур». Данный курс введен в учебную программу экспериментально. С 1 апреля 2010 года он преподаётся в экспериментальном режиме в 4 четверти IV класса и 1 четверти V класса в 19 регионах России. Таковыми являются: Центральный федеральный округ (Тамбовская область, Тверская область, Костромская область), Северо-Западный федеральный округ (Вологодская область, Калининградская область), Сибирский федеральный округ (Красноярский край, Новосибирская область, Томская область), Дальневосточный федеральный округ (Еврейская автономная область, Камчатский край), Уральский федеральный округ (Курганская область, Свердловская область), Приволжский федеральный округ (Пензенская область, Удмуртская Республика, Чувашская Республика), Южный федеральный округ (Чечня, Карачаево-Черкесия, Республика Калмыкия, Ставропольский край). Успешная реализация этого эксперимента позволит включить данный учебный курс в школьную программу во всех субъектах Российской Федерации, начиная с 2012 года.

Учебный курс «Основы религиозных культур и светской этики» включает 6 модулей: «Основы православной культуры», «Основы исламской культуры», «Основы буддийской культуры», «Основы иудейской культуры», «Основы мировых религиозных культур», «Основы светской этики». Представляется необходимым отметить, что каждое образовательное учреждение на основе определения образовательных, культурных и религиозных потребностей обучающихся и их родителей (законных представителей), а также собственных возможностей организации образовательного процесса самостоятельно определяет перечень модулей учебного курса «Основы религиозных культур и светской этики», предлагаемых для изучения. Каждый модуль включает в себя четыре блока: 1. Введение. Духовные ценности и нравственные идеалы в жизни человека и общества (1

² Новинки выставочного зала «Просвещение» для курса «Основы религиозных культур и светской этики» июнь 2010 // <http://uchitel.edu54.ru/node/76915>

час); 2. Основы религиозных культур и светской этики. Часть 1. (16 часов); 3. Основы религиозных культур и светской этики. Часть 2. (12 часов); 4. Духовные традиции многонационального народа России (5 часов). Анализ структурных элементов учебного курса «Основы религиозных культур и светской этики» свидетельствует о том, что освоению патриотических ценностей и нравственного смысла посвящены блоки 1 и 4.

В рамках региональной модели апробации комплексного учебного курса важное значение приобретает управленческий аспект. Следует отметить, что управление имеет две стороны: 1) управленческое содействие (создание условий для преобразований) и 2) управленческое взаимодействие (организация внутри- и межведомственного взаимодействия). Так, кадровую подготовку прошли представители 7 регионов РФ (Еврейская автономная область, Камчатский край, Карачаево-Черкесская Республика, Новосибирская область, Республика Калмыкия, Ставропольский край, Чеченская Республика), которые будут осуществлять переподготовку учителей, участвующих в апробации проекта в регионах-участниках эксперимента³.

Особый научный, теоретический и практический интерес вызывает практика внедрения учебного курса в отдельных субъектах Российской Федерации. Так, в Курганской области осуществлены следующие мероприятия:

1. Активизировался рост числа образовательных учреждений, в которых преподаются предметы или ведутся кружки, содержание которых связано с изучением основ религиозной культуры и светской этики. Согласно статистическим данным, в 2007–2008 учебном году такие предметы и кружки велись примерно в 11,1 % общеобразовательных учреждений, то в 2009–2010 учебном году они введены уже в 123 общеобразовательных учреждениях, что составляет 28 % основных и средних школ области⁴;

2. Расширилась типология учреждений образования, в которых реализуется духовно-нравственный компонент. Многие профессиональные училища ввели в качестве факультативного курса «Основы нравственного воспитания», в Курганском педагогическом колледже апробирован спецкурс «Методика преподавания основ православной культуры», а в Шадринском государственном педагогическом институте открылся Центр духовно-нравственного воспитания и др.;

3. Произошла активизация работы по духовно-нравственному воспитанию учащихся во внеурочное время. Результатом стало принятие кодексов чести участников образовательного процесса, организация социально значимых дел духовно-нравственного содержания по месту жительства, создание семейных клубов «Тепло домашнего очага»;

4. Образовалась сеть инновационных образовательных учреждений, внедряющих образовательные программы духовно-нравственной направленности;

5. Предприняты меры организационно-методического сопровождения духовно-нравственного воспитания. Сложилась система эффективного взаимодействия с Курганской и Шадринской епархией РПЦ, создан координационный совет по духовно-нравственному воспитанию, в штаты Института повышения квалификации и переподготовки работников образо-

³ Основы религиозных культур и светской этики. // <http://www.apkpro.ru/content/view/2384/626/>

⁴ Региональная модель апробации комплексного учебного курса «Основы религиозных культур и светской этики» // http://www.hde.kurganobl.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=274:dokladkugana

вания Курганской области (ИПКиПРО) введена должность методиста по духовно-нравственному воспитанию⁵.

Итоги регионального мониторинга образовательных запросов показывают степень реализации экспериментального проекта в субъектах РФ: в Курганской области 5159 детей (60 % от общего количества) будут изучать основы светской этики, 1764 ребёнка (20 %) – основы православной культуры, 1566 учащихся (18 %) – основы мировых религиозных культур, 62 человека (1 %) – основы исламской культуры, по 1–2 человека выбрали основы иудейской и буддийской культуры⁶; в Пензенской области выбор учащихся и их родителей осуществился следующим образом: модуль «Основы мировых религиозных культур» выбрали 3782 ребенка; модуль «Основы светской этики» – 6273 ребенка (участие в апробации примут 630 школ Пензенской области (100 % от общего числа общеобразовательных учреждений региона), из них 68 – начальные⁷; в Тверской области 62,3 % четвероклассников начали изучать «Основы православной культуры», вторым по популярности стал модуль «Основы светской этики» – 31,6 %. Оставшиеся позиции поделили «Основы мировых религиозных культур» – 5,9 % и 0,2 % «Основы исламской культуры»⁸ и др.

Все вышеобозначенное характеризует положительность экспериментального проекта «Основы религиозных культур и светской этики». При этом важность приобретают вопросы организации управления процессом апробации. Обеспечение управленческого содействия апробации комплексного учебного курса требует соблюдение следующие группы условий: нормативно-правовых, информационных, организационных, кадровых, методических, финансовых и материально-технических. Симбиоз данных положений позволит обеспечить полноценное духовно-нравственное воспитание молодежи в образовательных учреждениях.

Библиографический список

1. Новинки выставочного зала «Просвещение» для курса «Основы религиозных культур и светской этики» июнь 2010 // <http://uchitel.edu54.ru/node/76915>
2. Основы религиозных культур и светской этики // <http://www.apkpro.ru/content/view/2384/626/>
3. Официальный сайт Министерства образования Пензенской области // <http://www.minobr-penza.ru/razdel/ministry/22>
4. Подведены первые итоги введения в Тверской области курса «Основы религиозных культур и светской этики» // <http://www.newsru.com/religy/07may2010/uchkurs.html>

⁵ Региональная модель апробации комплексного учебного курса «Основы религиозных культур и светской этики» // http://www.hde.kurganobl.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=274: Региональная модель апробации комплексного учебного курса «Основы религиозных культур и светской этики» // http://www.hde.kurganobl.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=274:dokladkugana

⁵ Региональная модель апробации комплексного учебного курса «Основы религиозных культур и светской этики» dokladkugana

⁶ Региональная модель апробации комплексного учебного курса «Основы религиозных культур и светской этики» // http://www.hde.kurganobl.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=274:dokladkugana

⁷ Официальный сайт Министерства образования Пензенской области // <http://www.minobr-penza.ru/razdel/ministry/22>

⁸ Подведены первые итоги введения в Тверской области курса «Основы религиозных культур и светской этики» // <http://www.newsru.com/religy/07may2010/uchkurs.html>

5. Послание Президента России Владимира Путина Федеральному Собранию РФ // Российская газета. – № 90. – 2007. – 27 апреля.
6. Региональная модель апробации комплексного учебного курса «Основы религиозных культур и светской этики» // http://www.hde.kurganobl.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=274

Bibliography

1. What's New Exhibition Hall "Enlightenment" for the course «Fundamentals of religious cultures and secular ethics» in June 2010 // <http://uchitel.edu54.ru/node/76915>
2. Fundamentals of religious cultures and secular ethics // <http://www.apkpro.ru/content/view/2384/626/>
3. Official website of the Ministry of Education of the Penza region // <http://www.minobr-penza.ru/razdel/ministry/22>
4. The first results of the introduction of the Tver region of the course «Fundamentals of religious cultures and secular ethics» / / <http://www.newsru.com/religy/07may2010/uchkurs.html>
5. Message from the President of Russia Vladimir Putin, the Russian Federal Assembly // Rossiyskaya Gazeta. – № 90. – 2007. – 27 April.
6. The regional model validation comprehensive training course «Fundamentals of religious cultures and secular ethics» / / http://www.hde.kurganobl.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=274

УДК 140.8:2(470)+13.07

SOBORNOST IS THE MAIN NECESSARY CONDITION OF THE ORTHODOX ART REVIVAL

I. S. Kolesova
Ural State Pedagogical University, Novouralsk, Russia

СОБОРНОСТЬ КАК НЕОБХОДИМОЕ УСЛОВИЕ ВОЗРОЖДЕНИЯ ПРАВОСЛАВНОГО ИСКУССТВА

И. С. Колесова
**Уральский государственный педагогический университет,
г. Новоуральск, Россия**

Summary. Modern religious experts register a new evolution turn of the Russian Orthodox art. Meantime, the main requirement for its revival is sobornost. The question is to comprehend sobornost as fundamental value of the Russian spiritual culture, to find opportunities for its rebirth and operation in the present social situation of continuing immaterial crisis.

Keywords: sobornost, orthodox, art creation, icon-painting, transfiguration.

Аннотация. Современные специалисты отмечают новый виток в развитии русского православного искусства. Меж тем главное условие его возрождения – соборность. Вопрос состоит в том, чтобы понять соборность как базовую ценность русской культуры, возможность реального возрождения и функционирования православного искусства в нынешней бытийной ситуации продолжающегося кризиса духа.

Ключевые слова: соборность, православие, искусство, иконопись, преобразование.

The guidelines of the revival of the icon-painting in Russia is closely connected to the name of the Archimandrite Zinon, who was a monk of the the Pskov Dormition Monastery of the Caves. Icon-painting skills and divinity are combined in Zinon's creative work. For him the icon is not only for copying of the sample, but it can't exist without living faith experience as it is liturgical. Icon is the fruit of the clerical sobornal consciousness and not the work of personal creation. During his creative hunting Fr Zinon pushes forward to the Orthodox icon-painting source penetrating into the clerical tradition deeply.

Being sceptical about the existence of the national school of icon-painting in nowadays Russia, the master considers that the reason for its absence is the lack of spirituality. Fr Zinon records with a feeling of regret that many of contemporary icon-painters lack spiritual competence. That's why they accept archaistic manner of painting accompanied with worn spots, dark images, dull background, etc. Fr Zinon names this technique «fancy aestheticism», produced by inability of modern icon-painters to say their own word because of their poor spiritual education. Icon is the fruit of the clerical sobornal consciousness and doesn't exist without living faith experience. Scanty understanding of the icon sobornost deprives it of divinity content, so that it becomes meaningless. Aesthetics and visual characteristics prevail over authentic content. National icon-painting school can survive if only there is a recovery of the Byzantian tradition, that is the source of the Russian icon-painting school. «Nowadays each icon-painter has to cover the same way like Russian icon-painters had covered after Russia was converted to Christianity. Trying to penetrate as deeper as possible the magic of icon-painting one has to examine the best images and only in this case after being joined to it, you are able to add something yourself» [1, p. 34].

Zinon's creative work combining the art of icon-painting and theology let us call him a canonical iconography follower. His style is characteristic for the austerities of a hermit's life, concentration, peace and at the same time his images are full of strained intensity proceeding from the bottom of this peace.

The idea of the sobornal unity of the heavenly and the terrestrial under Christ's head is translated by the icon-painter with the help of some techniques. The iconographical plot of the «Descent to Hades» shows for example how the effect of the movement and the peace is attained.

Christ's figure leaning towards Adam is in the centre of the composition. Adam and Christ's hands binding together produce ascending diagonal, which is spread with the Christ's fluttering gown. This movement upwards includes Christ's erecting body. The cross in his hands makes the characters of the plot go out of the dead peace towards life's light, meaning sobornost.

The composition of the other icon on the subject «Resurrection» is very similar. The monumental static figure of the Saviour is in the centre. Dynamical strain is created by the imagining of the Saints and the Prophets gathered around Christ. Their hands in a prayerful movement, their looks at Christ upwards give the motion to the composition structure of the icon image field and penetrate the depth of the moral emotional experience of the Resurrection. The position and the gestures of the Saints as well as fine white lines emphasize spiritual sense of the icon. Exceptional charm of the Fr Zinon's icon doesn't divert attention from the divinity aspect of his works. Icon is «coloured theology» in master's considered opinion. Fr Zinon writes: «It throws back to the eucharistical experience of the Church, inseparably connected to it as well as with the moral life level. When the level was high and the ecclesiastical art was in its blossom, and when the church life fell into decay the ecclesiastical art was on the decline too. At the same time being a part of the sobornal creation of the Church icon-painting could influence the condition and development of the conciliar entity of the Church. That's why it is necessary to care about the Church in order «it can wholly express the beauty so characteristic of it» [1, p. 7].

Thus Fr Zinon associates the revival of the Orthodox Church with the icon revival.

In nowadays life situation when sensitivity for the Liturgy is lost and the names of St. Gregory the Theologian, St. Gregory of Nyssa, St. Maximus the Confessor are forgotten, artist has to accept creative work as kenosis or Golgotha sacrifice and «to be closer to the reality he witnesses». «Icon is created

out of the living experience of the Heavens and the Liturgy, that is why icon-painting has always been considered to be church ministry as well as the Mass. Moral requirements to icon-painters had been very high as well as to the priests and deacons» – writes Fr Zinon [1, p. 5].

The Orthodox Church interprets icon as a kind of divinity. Being comprehended like this icon makes the canon to be perceived not as a sample paralyzing master's creation but as a way which connects him to the tradition and gives opportunities to make a new image.

Every Fr Zinon's icon is painted following the canon of icon-painting. Every time he draws in a new way, giving a new meaning, being absorbed in the moral condition characteristic of «theologians of the first appeal icon», finding more accurate means to perceive a new depth of the eternal truth, «for it is the Orthodoxy, which can say much» [9, p.16].

Fr Zinon's «coloured divinity» is considered by many specialists to have been confirmed as leading trend in modern icon-painting. Since the 90's of the 20th century Fr Zinon's School has been distinguished.

Many contemporary talented icon-painters: A. Sokolov, A. Lavdanskij, A. Voronskij, V. Lyubarskij, A. Kugoev learnt at Fr Zinon and now work in Russia and abroad. Nevertheless, when asked if there is an icon-painting school in Russia Zinon gives a negative answer [2].

Zinon associates restoration of icon-painting with monastic life and believes that the future of the Church is impossible without icon-painting. The process of renewal of liturgical singing is bound with monastic life as well. «If life is considered to be a part of the hierarchical deifying cosmos which realizes its place and purpose in this hierarchy living as unity (i. e. the concept of conciliar nature of the Church is observed), this life is like a plain chant defining by both hierarchy and exposed structures as well as by harmonic correspondence and a single melodic principle.

Similar to a chant consisting of interpenetrating hierarchical structures pierced through with a single melodic principle, life transpierced with a single aspiration for God, can be regarded as a chant» [3, p. 20].

The chant is an acquire of the unity through spiritual and moral self-determination. Spiritual power arises as a result of praying deed which is the destiny of the life of asceticism. Thus and so, the restoration of true aspiration for God depends on the restoration of monastic or parish community.

The concept of chant tends to subordinate and combine all the psalm singings of the mass into a single melodic and rhythmic system. The whole mass becomes as if one chant run through unified sobornal divinity. Thus and so, the restoration of the office of the Old Russian chants, icon-painting, architecture and other kinds of the Church art is impossible without restoration of the idea of the Orthodox community and monasteries, that is social organizations working on the base of conciliar (sobornal) principle.

Bibliography

1. Archimandrite Zinon (Theodor). Icon-painter's talks. – Moscow. 2003 – p. 34
2. Art historian M. Gusev distinguishes several schools and trends in modern icon-painting: 1) School, concept of which can be defined as «icon-feast»; basic features characteristic for this school are high skills and aesthetic liberty. Icons of the artists closed to Ks. Pokrovskaya can be referred to this school. (Ks. Pokrovskaya lives in the USA now. She put into practice synthesis of modern Russian tradition of icon-painting in the arranged icon-painting studio. American School of the Orthodox icon makes its first steps in this studio. 2) School which concept is regarded as «icon-desert». It is characteristic for rigidity of the style, renunciation of emotional and material dominant for the sake of moral dominant which produces an image of inner reality contemplation.

- Icon-painter Al. Lavdanskij is an adherent of this concept. 3) School of «The concept of embodiment». Icon-painters working within this concept try to fix levels of embodiment, flesh transformation. Al. Sokolov and B. Bychevskij are followers of this concept // Church digest. Issue 1. – Moscow / 1991.– Pp. 16-18.
3. V. Martynov. The History of Liturgical Singing. Moscow – 1994 –. p. 200.

ФИЛОЛОГИЯ

УДК 8127

РОЛЬ ЯЗЫКА В СОЗДАНИИ ГУМАННОГО ОБЩЕСТВА

И. Л. Подгорная

Государственный университет – Высшая школа экономики г.
Москва, Россия

THE ROLE OF THE LANGUAGE IN HUMANE SOCIETY

I. L. Podgornaya

State University – the Higher School of Economics, Moscow, Russia

Summary. The article is devoted to the role of the language and education in foundation of humane society. Some methods and approaches offered in the article can help teachers to form positive thinking of their students who are part of humane society.

Keywords: linguistics, humane, language, nonviolence, positive thinking.

Статья Джимми Уэллса, а точнее, личное обращение создателя Wikipediа, названное им “Non killing linguistics”, заставило меня задуматься над тем, что создание гуманного общества не склонного к насилию, возможно, зависит не только от совместных усилий всех его членов с их знаниями и опытом, но и использованием языка и его общественной значимости.

Язык – важное средство для того, чтобы сделать мир лучше, так как он обладает огромной силой и способностью к трансформации. Так, к примеру, слово “violence” впервые появилось в письменном английском языке в начале 14 века. При помощи лингвистической силы отрицательной приставки “non”, согласно источнику “Random House” (1995 г.), в 1915 г. появилось слово “nonviolence”, термин-концепция Ганди, обозначающий политику отказа от применения насилия как выражение протеста властям. Такую же аналогию можно провести с глаголом “to kill”, который появился в письменном английском в 1175 году, согласно данным опубликованным в American Heritage Dictionary (2001 г.) [1]. Глагол “to kill” означает: 1) убивать, 2) лишать жизни, 3) вызвать прекращение функционирования чего-либо или работы. Однако же, добавляя приставку “non”, мы придаём позитивное значение этому деструктивному термину.

Другим примером может служить слово “nonproliferation”, которое приобрело историческое значение после подписания в 1968 г. США, СССР, Великобританией и более 80 неядерными державами Договора о нераспространении ядерного оружия. Таким образом, термин “nonproliferation” приобрёл положительное значение.

К сожалению, мы живём в мире, в котором на протяжении долгого времени существовало некоторое индифферентное отношение к насилию и его проявлению и, самое главное, это перестало нас беспокоить. В этой связи лингвисты могли бы объединить усилия с тем, чтобы при помощи лингвистических средств, способствовать позитивному, созидательному, миролюбивому мышлению.

Конечно, роль языка как в сохранении мира и созидании, так и в проявлении насилия и разрушения, не ограничивается только чисто лингвистическим или метафорическим использованием. В английском языке существует немало примеров использования метафор, относящихся к на-

силию, войне или конфликтам. Например, “to make a killing in a stock market”, “the war on the middle class”, “the battle of the sexes”, “to stab in the back”, “a war of words”. В учебнике *New Insights into Business* авторов Graham Tullis and Tonya Trappe [2], который является основным учебным пособием студентов 1 и 2 курсов факультета права Высшей школы экономики, так же встречается ряд метафор, связанных с военной терминологией. Так, в разделе, посвященном маркетингу, широко используются следующие выражения – aggressive advertising, a sales campaign, staff casualties, strong arm tactics, surprise attack, to be outgunned, to rage on и другие. В разделе, освещающем формы корпоративных слияний и поглощений, встречаются такие метафоры как coups, raids. В контексте Business English уместно упомянуть примеры, связанные с конкурентной борьбой на рынке между крупнейшими мировыми производителями безалкогольных напитков, такими как Pepsi и Cola, известной под названием “the Cola war”. Конкурентная борьба между производителями спортивной одежды, компаниями Nike и Reebok, получила название “the sportswear war”, в то время как соперничество между сетевыми ресторанами быстрого питания McDonald и Burger King известно как “the burger war”. Такого рода примеры можно продолжить. Так, в работе Курца Лестера (1999 г.) [3], которая называется *Encyclopedia of Violence*, имеются такие подразделы, как violent events, fights, attacks, actions and persons. Подраздел violent actions, включающий 300 наименований, как и само появление книги с таким названием, уже может служить подтверждением гипотезы о том, что человеческие существа являются наиболее деструктивными существами на нашей планете. Интересно, какой же перечень необходимо представить, чтобы доказать обратное.

В английском языке существуют также два существительных, относящихся к животным, несправедливо названным “killer whale” и “killer bee” с точки зрения эколингвистики. Такие ярлыки вызывают враждебные чувства к животным и насекомым из-за использования терминов, связанных с насилием.

Ещё одним ярким примером использования такой лексики являются популярные названия фильмов. Вот некоторые из них: “Kill Bill” (2003), “The Matador” (2005), “A time to kill” (1996). Эти названия можно продолжить, хотя вряд ли быстро вспомнятся названия фильмов несущих идеи миролюбия и позитивизма.

Язык тесно связан с человеческим опытом и охватывает все аспекты нашей жизни: от образования и профессии, развлечений и семейных отношений до конфликтов, дипломатии и действий правительства. Тем не менее, мы часто относимся к языку как к чему-то должному и не придаём значения его силе. Мы не используем язык как средство мирного диалога, нам подчас трудно произнести слово “прости”. Мы ещё до конца не осознаем, что язык может быть использован конструктивно и может помочь избежать серьёзных конфликтов как на межличностном уровне, так и глобально. Язык должен играть роль инструмента мира, а пользователи языка должны научиться общаться конструктивно и миролюбиво на благо человечества. В то же время лингвисты и преподаватели различных языков должны стать коммуникативными гуманистами, относящимися к носителям и пользователям языка с пониманием и достоинством.

Языки не существуют сами по себе и не являются хорошими или плохими, тем не менее они используются как проводники позитивного или негативного теми людьми, которые владеют ими. Каждый пользователь языка воздействует на него различными способами, изменяя, творче-

ски применяя, отказываясь или обогащая. Каждый пользователь языка также уникален, как и его опыт взаимоотношения с миром.

Признание многообразия пользователей, реалий использования языков и языковая вариативность являются основой построения общества, не склонного к насилию. Большая роль в построении такого общества отводится образованию. Преподавателям языков, лингвистам и психологам необходимо быть креативными, с тем чтобы для миролюбивых целей адаптировать, улучшать и расширять свой опыт, являющийся наиболее подходящим в данном социо-культурном контексте. Для этого могут быть использованы следующие приёмы. На уроках английского языка можно задать студентам вопрос “When do we kill a person linguistically?”. Ответом на этот вопрос может быть следующее – when we antagonize, frighten with threats of harm, intimidate violently, oppress or provoke in a violent way. Следующим вопросом может быть такой “How can we humanize a person linguistically?” Предполагаемым ответом может быть следующее – when we refer to him or her in admiring respectful ways. For instance, when we call the person a connoisseur, an expert, a peacebuilder, a creative genius, a mentor, a prodigy, a patriot, a prophet. Интересным для студентов может оказаться задание – придумать пословицы на тему “Nonkilling”. Например: “Wicked words wound the world” or “Nonkilling words nourish nonviolence”. Другими примерами творческих заданий могут быть следующие, которые так же приведены в книге Маршалла Розенберга [4]:

1. Создать конструктивные акронимы. Например, TTT – Transform Tension into Tranquility или VVV- Value a Vital Vocabulary.
2. Написать сочинение на тему “Why more nonviolent people are needed?”
3. Придумать слова, используя конструкцию NON + NOUN со словами, выражающими действия, которые необходимо избегать и расположить в алфавитном порядке, например:
4. Nonaggression, nonatrocities, nonbrutality, nonconspiracy, nondestruction, nondiscrimination, no exploitation, nonfear, nonharassment, nonhumiliation, noninvasion, nonoppression, nonslaughter, nonterrorism, nonwar, nonxenophobia.
5. Создать словарь слов, поощрения и похвалы (для увлечённых студентов).

Включение в учебный план приёмов позитивной коммуникации приведёт в конечном итоге к формированию миролюбивого мышления и созданию общества ненасилия. Конструктивное и позитивное общение улучшит жизнь миллионов людей на нашей планете, так как оно применимо повсеместно: в семье и аудитории, за столом переговоров и в зоне вооружённых конфликтов. Язык действительно может стать инструментом мира.

Библиографический список

1. American Heritage Dictionary of the English Language, 4th Edition, 2001.
2. Tullies Graham, Trappe Tonya. New Insights into Business, Pearson Education. – England, 2006.
3. Kurtz Lester. Encyclopedia of Violence. – San Diego: Academic Press, 1999.
4. Розенберг М. Язык жизни. Ненасильственное общение. – М.: СОФИЯ, 2009.
5. <http://en.wikipedia.org>

Bibliography

1. American Heritage Dictionary of the English Language, 4TH Edition, 2001.
2. Tullies Graham, Trappe Tonya. New Insights into Business, Pearson Education. – England, 2006.
3. Kurtz Lester. Encyclopedia of Violence. – San Diego: Academic Press, 1999.
4. Rosenberg, M. The language of life. Nonviolent communication. – М.: Sofia, 2009.
5. <http://en.wikipedia.org>

УДК 81'23

О СООТНОШЕНИИ ПОНЯТИЙ «ЯЗЫКОВОЕ СОЗНАНИЕ» И «ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ ЯЗЫКОВОЕ СОЗНАНИЕ»

И. С. Антонова

Первый Московский государственный медицинский университет им. И. М. Сеченова, г. Москва, Россия

ABOUT THE RELATIONSHIP BETWEEN CONCEPTS «LINGUISTIC CONSCIOUSNESS» AND «PROFESSIONAL LANGUAGE CONSCIOUSNESS»

I. S. Antonova

First Moscow State Medical University named by I. M. Sechenov, Moscow, Russia

Summary. The article discusses some aspects of professional verbal consciousness which is viewed as a part of verbal consciousness in general. We assume that professional verbal consciousness has its own specificity, which includes professional semantic fields of one and the same professional sphere as well as models of consciousness which externalize specific conscious images.

Keywords: psycholinguistics, verbal consciousness, professional verbal consciousness, models of consciousness.

Такие понятия, как «сознание», «языковое сознание» и «образ мира» становятся предметом многих психолингвистических исследований. Однако различные аспекты феномена языкового сознания, в том числе профессионального языкового сознания требуют уточнения и расширения. Необходимостью целенаправленного изучения и сравнения данных понятий обусловлена актуальность нашей работы.

Проблемы взаимоотношения языка и сознания, сознания и мышления, языка и культуры трактуются учеными с различных научных и методологических позиций. Анализ основных парадигм решения данной проблемы разными учеными (Э. Сепир, А. А. Потебня, Л. В. Щерба, Г. Г. Шпет, Л. В. Выготский, А. Н. Леонтьев, Н. И. Жинкин, А. А. Леонтьев, А. А. Залевская, Е. Ф. Тарасов, Ю. А. Сорокин, Н. В. Уфимцева и др.) позволяет сделать вывод о сложности понятия «языковое сознание». Несмотря на многочисленные исследования данной области на современном этапе преждевременно говорить о наличии единой целостной теории языкового сознания. Способы анализа языкового сознания сводятся к анализу форм его овнешнения, одной из которых (наиболее удобной и доступной) является язык.

Сущность языка выявляется в его двуединой функции: служить средством общения и орудием мышления. Сознание и язык образуют единство, в своем существовании они предполагают друг друга – язык есть непосредственная действительность мысли, сознания. Сознание не только выявляется, но и формируется с помощью языка. Связь между сознанием

и языком не механическая, а органическая. Их нельзя отделить друг от друга, не разрушая того и другого.

Как отмечает О. Л. Каменская, язык – не только средство приобретения и передачи знаний, но также опредмечивание знаний в особой структуре, определенная жизненная форма, так что использование языка есть использование определенной стратегии ориентации в мире, определенной интерпретации человеческой среды, определенной схемы поведения [4, с. 106]. В этом плане каждый язык отражает определенный способ восприятия и организации мира и выступает как система социальных ориентиров, необходимых для деятельности человека в окружающем его мире; т. о. языковое сознание является особой разновидностью освоения мира.

А. А. Леонтьев сопоставляет понятие «языковое сознание» с понятием «образ мира» и определяет последнее как «отображение в психике индивида предметного мира, опосредованное предметными значениями и соответствующими когнитивными схемами и поддающееся сознательной рефлексии» [7]. Он указывает, что образ мира многомерен, как сам мир, а знание о мире неразрывно с нашей деятельностью в мире.

Явления реальной действительности, воспринимаемые человеком в структуре деятельности и общения, отображаются в его сознании таким образом, что это отображение фиксирует причинные и пространственные связи явлений и эмоций, вызываемых восприятием этих явлений, и образ мира меняется от одной культуры к другой. Образ мира, в свою очередь, является основной компонентой культуры и содержит в себе все существенные с точки зрения данной культуры знания, необходимые для адаптации каждого ее члена к окружающей природной и социальной среде [13, с. 205]. Такой подход соотносим с позицией Л. Н. Гумилева, который полагал, что культура есть система сознания, связанная с определенной этнической системой, и соответственно, изучение этнического сознания в его языковой форме дает возможность раскрыть особенности образа мира, присущего представителям того или иного этноса. При этом, «в основе мировидения и миропонимания каждого народа лежит своя система предметных значений, социальных стереотипов, когнитивных схем» [7]. Следовательно, можно сделать вывод о том, что национальный образ мира представляет собой универсальную форму организации знаний каждого народа, которые отражают особенности мировоззрения его представителей и меняются от одной культуры к другой. Язык при этом трактуется как основная часть культуры, основной инструмент ее усвоения, носитель ее специфических черт.

Е. Ф. Тарасов определяет языковое сознание как совокупность образов сознания, формируемых и овнешняемых при помощи языковых средств – слов, свободных и устойчивых словосочетаний, предложений, текстов и ассоциативных полей. Главное в этой дихотомии «сознание и язык», естественно, сознание [10, с. 24]. И если в 1993 термины «сознание» и «языковое сознание» отождествлялись Е. Ф. Тарасовым как эквиваленты «для описания одного и того же феномена – сознания человека» [12], то определение, данное в 2000 году, дифференцирует эти понятия. Таким образом, Московская школа психолингвистики рассматривает языковое сознание как составную часть сознания вообще. Языковое сознание Е. Ф. Тарасов связывает с образами сознания как совокупностью перцептивных и концептуальных знаний личности об объекте реального мира, которые требуют овнешнений, достигнутых для стороннего наблюдателя. Эти ов-

нешения необходимы для «передачи» образов сознания от одного поколения другому [11, с. 10].

Язык служит системой ориентиров в предметном мире, мы используем его для собственной ориентировки и для ориентировки других людей. Ведь общение, коммуникация, как подчеркивает А. А. Леонтьев, это в первую очередь не что иное, как способ внесения той или иной коррекции в образ мира собеседника. Чтобы язык мог служить средством общения, за ним должно стоять единое или сходное понимание реальности. И наоборот: единство понимания реальности и единство и согласованность действий в ней имеют своей предпосылкой возможность адекватного общения [7, с. 272].

Для достижения взаимопонимания необходимо, чтобы коммуниканты обладали общностью знаний об используемом языке, а также общностью знаний о мире в форме образов сознаний. Причину непонимания в ситуации межкультурного общения психолингвисты видят, таким образом, именно в различии национальных сознаний коммуникантов, а не в различии языков. Любой диалог культур реально протекает только в сознании носителя конкретной культуры, которому удалось постигнуть образы сознания носителей другой (чужой) культуры в ходе рефлексии над различиями квази-идентичных образов своей и чужой культур [11, с. 9].

Поиск национально-культурной специфики языкового сознания задает статус самого сознания: оно рассматривается как средство познания чужой культуры в ее предметной, деятельностной и ментальной форме, а также как средство познания своей культуры. Онтологией исследования языкового сознания является межкультурное общение носителей разных культур, сопровождаемое неизбежными коммуникативными конфликтами (конфликтами неполного понимания) из-за недостаточной общности сознаний [14, с. 3].

Специфика общения при использовании конкретного национального языка состоит 1) в специфике построения речевой цепи, осуществляемого по грамматическим правилам этого языка; и 2) в специфике образов сознания, отображающих предметы конкретной национальной культуры. Следовательно, для достижения взаимопонимания необходимо, чтобы коммуниканты обладали 1) общностью знаний об используемом языке (и общностью навыков речевого общения), а также 2) общностью знаний о мире в форме образов сознаний. Таким образом, по мнению Е. Ф. Тарасова, для анализа проблем взаимопонимания (непонимания) в межкультурном общении целесообразно проблему «общения носителей разных национальных культур» понимать как проблему «общения носителей разных национальных сознаний» [11, с. 8].

Е. Ф. Тарасов делает важный вывод: нет одинаковых национальных культур, более того, нет одинаковых образов сознания, отображающих одинаковые или даже один и тот же культурный предмет. Если бы даже культурный предмет был перенесен из одной национальной культуры в другую, то, следовательно, чувственный образ должен был бы быть одинаковым, но этого не происходит, т. к. для его формирования используются не только перцептивные данные, полученные при чувственном восприятии этого предмета, но и априорные знания (перцептивные эталоны), содержащие концептуальные, культурные по природе, знания. Умственный образ этого предмета (перенесенного из одной культуры в другую) всегда несет в себе элементы национально-культурной специфики.

Следовательно, новые знания при постижении чужой культуры формируются познающим только тогда, когда он побуждается к этому не-

обходимостью искать различия между образами своей и чужой культур и выяснять суть этих различий, а это происходит в случае, когда познаваемый образ воспринимается как чужой, еще сохраняющий нечто непознанное. При таком способе познания чужой культуры нужно помнить, что новые знания о ней формируются (конструируются) из старых знаний субъекта анализа [11, с. 19].

Знание как феномен культуры обладает своими закономерностями развития, связанными как с общим процессом познания, так и с теми формами организации и осмысления действительности, которые вырабатываются культурой. Это, прежде всего, формы категориально-семантического строения знания, связанные со структурами восприятия и осмысления пространства, времени, движения, причинно-следственных связей [9, с. 5]. Культура каждого вида профессиональной деятельности выдвигает свои способы организации знания. Изучив правила построения знаний в профессиональной культуре, можно более адекватно распознать ценностно-смысловую структуру профессионального сознания.

В методологическом подходе профессиональное сознание выступает, прежде всего, как деятельностно организованное сознание. Важнейшей его характеристикой становится не просто наличие реальной рефлексии, но ее двойная, разновекторная направленность. «Кто бы и когда бы ни действовал, – отмечал Г. П. Щедровицкий, – он всегда должен фиксировать свое сознание, во-первых, на объектах своей деятельности – он видит и знает эти объекты, а во-вторых, на самой деятельности – он видит и знает себя действующим, он видит свои действия, свои операции, свои средства и даже свои цели и задачи» [16 – цитата по работе Е. И. Исаева].

Проблема развития и формирования профессионального сознания должна рассматриваться в единстве трех оснований бытия человека, представляющих собой целостную модель любого профессионализма: деятельность, сознание, общность. Так, профессиональная деятельность – всегда сознательна и совместна (осуществляется в сообществе); профессиональное сознание – деятельностно и интерсубъективно (существует и возникает в сообществе); профессиональная общность обусловлена включенностью субъектов в совместную коллективно-распределенную деятельность, которая основывается на сознательном позиционном самоопределении каждого [3].

Структура профессионального сознания задается посредством репрезентации профессии. В качестве важнейшего элемента такой структуры рассматривается образ профессии, который включает в себя следующие компоненты: цели профессиональной деятельности – отражение в сознании специалиста социального смысла данной профессии, ее значения для общества; средства, используемые профессионалом для реализации своих функций; профессиональная предметная область – знание круга явлений предметного мира, с которым оперируют представители данной профессии. Образ профессии представляет собой целостное отображение основного содержания профессии [1].

Е. А. Климов указывает на то, что в мире профессий в качестве очень важного выступает не общее, не то, что сходно у разных людей, а особенное и уникальное (единичное). Ученый подчеркивает, что образов мира столько же, сколько людей, и именно профессионально трудовая деятельность является одним из факторов типизации этих образов, их большего или меньшего сходства у разных людей как субъектов труда [5].

Отличие восприятия профана и профессионала заключается не в том, что профессионал видит большее число признаков объекта, а в том, что иначе их организует [6].

Р. М. Фрумкина отмечает, что «профессионал потому и профессионал, что существенные для его деятельности объекты представлены в его памяти в виде гештальтов (*образов*). Далее он может сделать следующий шаг: попытаться экстерииоризировать свое понимание, т. е. сделать явной для других лиц композицию признаков, на которой сам он интуитивно основывался, умозаключая о сходствах или различиях. Чтобы быть экспертом, профессионал должен уметь на этом шаге вербализовать свое чутье, т. е. вывести свой гештальт вовне» [15, с. 96].

Становление субъекта профессиональной деятельности происходит в учебно-профессиональном сообществе, которое становится средой развития способностей к рефлексии и целеполаганию, обеспечивающих организацию личностной и предметной позиции. В учебно-профессиональном сотрудничестве субъект получает возможность приобщения к опыту подлинно профессиональной деятельности (например, деятельности *медика, врача*) как необходимого условия смыслообразования, проблематизации и обретения способности к воспроизведению соответствующих форм сознания [2; цитата по работе Е. И. Исаева].

Профессиональное сознание формируется посредством определенных языковых средств, так как они обеспечивают соответствующую коммуникацию в системе общения специалистов. Овладение соответствующим языком профессиональной коммуникации становится возможным по мере выявления и осознанного освоения предметного содержания профессии и обеспечивает переход будущего специалиста от обыденного – к профессиональному сознанию [8].

Профессиональное языковое сознание определяется нами как особое (профессиональное, в отличие от обыденного) видение мира, формируемое и овнешняемое с помощью профессионально маркированных языковых средств.

Профессиональное сознание обладает определенной спецификой по сравнению с обыденным сознанием, которая включает, во-первых, определенную предметную область с профессионально ориентированными языковыми средствами; во-вторых, образы сознания, содержание которых отображают концептосферу профессиональной культуры.

Работ, посвященных описанию профессионального языкового сознания, не так много (хочется выделить исследования по изучению корпоративной культуры, проводимые под руководством Е. В. Харченко), тем не менее, данное направление является очень перспективным, поскольку расширяет представление о воздействии фактора профессии на языковое сознание индивида и может представлять интерес не только для лингвистов, психологов и методистов, но и для широкого круга лиц.

Библиографический список

1. Зиброва С. В. Профессиональное сознание: репрезентация и образ профессии (социально-философский анализ). Автореф. ... к. философ. н. – Красноярск, 1999. – 18 с.
2. Иванов В. П. Человеческая деятельность. Познание. Искусство. – Киев, 1977.
3. Исаев Е. И. и др. Становление и развитие профессионального сознания будущего педагога // HR-Portal: Сообщество HR-Менеджеров // <http://www.hr-portal.ru>.
4. Каменская О. Л. Текст и коммуникация. – М.: Высшая школа, 1990.
5. Климов Е. А. Образ мира в разнотипных профессиях: Учеб. пособие. – М.: Изд. МГУ, 1995. – 224 с.

6. Кудрук Г. Н. Отражение образа профессионала в языковом сознании: диссертация ... к. ф. н.: 10.02.19. – Челябинск, 2008. – 243 с.
7. Леонтьев А. А. Основы психолингвистики. – М.: Смысл, 1999. – 287 с.
8. Нечаев Н. Н., Резницкая Г. И. Формирование коммуникативной компетенции как условие становления профессионального сознания специалиста // Вестник УРАО. – 2002. – № 1.
9. Парахонский Б. А. Язык культуры и генезис знания. – Киев, 1988.
10. Тарасов Е. Ф. Актуальные проблемы анализа языкового сознания // Языковое сознание и образ мира / отв. ред. Н. В. Уфимцева. – М.: ИЯ РАН, 2000. – С. 24–32.
11. Тарасов Е. Ф. Межкультурное общение – новая онтология анализа языкового сознания // Этнокультурная специфика языкового сознания / отв. ред. Н. В. Уфимцева. – М.: ИЯ РАН, 1996. – С. 7–22.
12. Тарасов Е. Ф. О формах существования сознания // Язык и сознание: парадоксальная рациональность. – М.: ИЯ РАН, 1993. – С. 86–97.
13. Уфимцева Н. В. Археология языкового сознания: первые результаты // Язык. Сознание. Культура / отв. ред. Н. В. Уфимцева, Т. Н. Ушакова. – М.: ИЯ РАН, 2005. – С. 205–215.
14. Уфимцева Н. В. Ассоциативный тезаурус русского языка как модель языкового сознания русских // Языковое сознание: теоретические и прикладные аспекты / отв. ред. Н. В. Уфимцева. – М.: ИЯ РАН, 2004. – С. 177–188.
15. Фрумкина Р. М. Психолингвистика: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. – М.: Издательский центр «Академия», 2003. – 320 с.
16. Щедровицкий Г. П. Философия. Наука. Методология. – М., 1997.

Bibliography

1. Zibrova S. V. Career consciousness: representation and the image of the profession (socio-philosophical analysis). Summary ... of the candidate of philosophical sciences. – Krasnoyarsk, 1999. – 18 p.
2. Ivanov V. P. Human activity. Cognition. Art. – Kyiv, 1977.
3. Isaev E. I. etc. The formation and development of professional consciousness of future teachers. <http://www.hr-portal.ru> © 2004-2010, HR-Portal: Community of HR-Managers.
4. Kamenskaya O. L. Text and communication. – М.: Higher School, 1990.
5. Klimov E. A. The image of the world in diverse professions. – М.: MSU, 1995. – 224 p.
6. Kudruk G. N. Reflection image of a professional in the linguistic consciousness: the dissertation ... of the candidate of philosophical sciences: 10.20.19. – Chelyabinsk, 2008. – 243 p.
7. Leontiev A. A. Fundamentals of psycholinguistics. – М.: Smysl, 1999. – 287 p.
8. Nechaev N. N., Reznitsky G. I. Forming the communicative competence as a condition of professional consciousness of specialist // Vestnik URAO. – 2002. – № 1.
9. Parakhonsky B. A. Language and Culture of the genesis of knowledge. – Kyiv, 1988.
10. Tarasov E. F. Actual problems of analysis of language awareness // Language consciousness and the image of the world / ed. N. V. Ufimtseva. – М.: IYA RAN, 2000. – P. 24–32.
11. Tarasov E. F. Intercultural communication – new ontology analysis of language awareness // Ethno-cultural specificity of language consciousness / ed. N. V. Ufimtseva. – М.: IYA RAN, 1996. – P. 7–22.
12. Tarasov E. F. On the forms of consciousness // Language and consciousness: a paradoxical rationality. – М.: IYA RAN, 1993. – P. 86–97.
13. Ufimtseva N. V. Archaeology linguistic consciousness: the first results // Language. Consciousness. Culture / ed. N. V. Ufimtseva, T. N. Ushakova. – М.: IYA RAN, 2005. – P. 205–215.
14. Ufimtseva N. V. Associative thesaurus of the Russian language as a model of language consciousness Russian // Language consciousness: theoretical and applied aspects / ed. N. V. Ufimtseva. – М.: IYA RAN, 2004. – P. 177–188.
15. Frumkina R. M. Psycholinguistics. – Moscow: Publishing centre «Academia», 2003. – 320 p.
16. Shchedrovitskiy G. P. Philosophy. Science. Methodology. – М., 1997.

**THE ROLE OF INTERACTION OF VERBAL AND NON-VERBAL
MEANS OF COMMUNICATION IN DIFFERENT TYPES OF
DISCOURSE**

M. A. Orlova

State University – the Higher School of Economics, Moscow, Russia

**РОЛЬ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ВЕРБАЛЬНЫХ И НЕВЕРБАЛЬНЫХ СРЕДСТВ
ОБЩЕНИЯ В РАЗЛИЧНЫХ ТИПАХ ДИСКУРСА**

М. А. Орлова

Государственный университет – Высшая школа экономики, г. Москва, Россия

Summary. Communication relies on verbal and non-verbal interaction. To be most effective, group members need to improve verbal and non-verbal communication. Non-verbal communication fulfills functions within groups that are sometimes difficult to communicate verbally. But interpreting non-verbal messages requires a great deal of skill because multiple meanings abound in these messages.

Keywords: investigation, communication, verbal, non-verbal, interaction, chat, discourse, academic and professional training.

Аннотация. Общение опирается на вербальное и невербальное взаимодействие. Чтобы быть наиболее эффективными, членам группы необходимо улучшить вербальные и невербальные коммуникации. Невербальная коммуникация наиболее функциональна внутри групп, потому иногда устное общение затруднено. Но интерпретация невербальных сообщений требует большого мастерства, так как эти сообщения часто бывают многозначными.

Ключевые слова: исследование, коммуникации, вербальное, невербальное, взаимодействие, чат, дискурс, академическая и профессиональная подготовка.

Today the theory and practice of communication attract more and more scholars, as it has become evident that the investigation of its problems requires expertise from different areas of study. The present state of communication theory research is characterized by a lack of general methodological foundations and common conceptual approaches. There is no clear theoretical basis, commonly accepted terminology, fundamental assumptions, which would allow representatives of different directions and trends achieve mutual understanding. Opinions differ as to what should be seen as communication.

In the United States and other Western countries communication study is a well-developed field, but linguistic aspects of communication are largely ignored. In Russia, on the contrary, there is a strong preference for linguistics, whereas communication study is still at an early stage of its development. The most distinctive areas distinguished in Russia are as follows: speech communication: A. E. Voiskunsky, V. V. Bogdanov, O. L. Kamenskaya, E. F. Tarasov, O. Y. Goikhman, T. M. Nadeina, Pocheptsov; the relationship between consciousness and communication: A. Zimnaya, B. Gasparov, V. V. Krasnykh, V. Y. Shabes; language and human communicative behavior: T. G. Vinokur, I. P. Susov; the modeling of the communicative process: S. A. Sukhikh, V. Zelenskaya; communicative strategies: E. V. Klyuev; non-verbal communication: I. N. Gorelov, V. F. Yengalychev; computer-mediated communication: B. Y. Gorodetsky; phatic communion genres: V.V.Dementyev; culture of communication: N. I. Formanovskaya.

Many definitions of communication are used in order to conceptualize the processes by which people navigate and assign meaning. Communication is also understood as the exchanging of understanding.

We might say that communication consists of transmitting information from one person to another. In fact, many scholars of communication take this as a working definition, and use Lasswell's maxim, «who says what to whom in what channel with what effect», as a means of circumscribing the field of communication theory.

It is helpful to examine communication theory and interaction of verbal and non-verbal means of communication through one of the following viewpoints: mechanistic (considers communication as a perfect transaction of a message from the sender to the receiver), psychological (considers communication as the act of sending a message to a receiver, and the feelings and thoughts of the receiver upon interpreting the message), symbolic interactionist (considers communication to be the product of the interactants sharing and creating meaning), systemic (considers communication to be the new messages created via «through-put», or what happens as the message is being interpreted and re-interpreted as it travels through people), critical (considers communication as a source of power and oppression of individuals and social groups), constructionist view (assumes that «truth» and «ideas» are constructed or invented through the social process of communication). [2, p. 345].

The constructionist view is a more realistic view of communication because it involves the interacting of human beings and the free sharing of thoughts and ideas. Humans do not communicate simply as computers or robots so that's why it's essential to truly understand the constructionist view of communication well. We do not simply send facts and data to one another, but we take facts and data and they acquire meaning through the process of communication, or through interaction with others.

Another way of dividing up the communication field emphasizes the assumptions that undergird particular theories, models, and approaches. These approaches include:

- rhetorical approach – practical art of discourse,
- semiotic approach – intersubjective mediation through signs in order to mediate between different perspectives,
- phenomenological approach – experience of otherness, dialogue,
- cybernetic approach – information processing and explains how all kinds of complex systems, whether living or nonliving, macro or micro, are able to function, and why they often malfunction,
- sociopsychological approach – expression, interaction and influence critical - discursive reflection,
- sociocultural approach – reproduction of social order [2, p. 367].

Thus, communication theory remains a relatively young field of inquiry and integrates itself with other disciplines such as linguistics, philosophy, psychology, and sociology. The present state of communication theory research is characterized by a lack of general methodological foundations and common conceptual approaches.

Effective communicators have many tools at their disposal when they want to get across a message. Whether writing or speaking, they know how to put together the words that will convey their meaning.

Effective communicators reinforce their words with gestures and actions. They look you in the eye, listen to what you have to say, and think about your feelings and needs. At the same time, they study your reactions, picking up the nuances of your response by watching your face and body, listening to your tone of voice, and evaluating your words. They absorb information just as efficiently as they transmit it, relying on both non-verbal and verbal cues.

One should mention here, that an ever-growing interest to non-verbal means of communication has been concerned to a number of works, that focus their attention on the given subject considering the theory of communication, psycholinguistics (Leonhard K.), sociolinguistics, anthropogenic cultural sociology (Birdswistle), nonverbal semiotics (Veretscagin, Kostomarov, Gorelov, Kreydlin, Piz, Trusov and others) [3, p. 45].

The most basic form of communication is non-verbal. Non-verbal communication adds nuance or richness of meaning that cannot be communicated by verbal elements alone.

Non-verbal communication is usually understood as the process of communication through sending and receiving wordless messages, language is not the only source of communication, there are other means also. Nonverbal communication can be communicated through gesture and touch, by body language or posture, by facial expressions and eye contact.

Anthropologists theorize that long before human beings used words to talk things over, our ancestors communicated with one another by using their bodies. They gritted their teeth to show anger; they smiled and touched one another to indicate affection. Although we have come a long way since those primitive times, we still use non-verbal cues to express superiority, dependence, dislike, respect, love, and other feelings.

Non-verbal communication differs from verbal communication in fundamental ways. For one thing, it is less structured, which makes it more difficult to study. A person cannot pick up a book on non-verbal language and master the vocabulary of gestures, expressions, and inflections that are common in our culture. We don't really know how people learn non-verbal behaviour. No one teaches a baby to cry or smile, yet these forms of self-expression are almost universal. Other types of non-verbal communication, such as the meaning of colors and certain gestures, vary from culture to culture.

Non-verbal communication also differs from verbal communication in terms of intent and spontaneity. We generally plan our words. When we say «please open the door», we have a conscious purpose. We think about the message, if only for a moment. But when we communicate non-verbally, we sometimes do so unconsciously. We don't mean to raise an eyebrow or blush. Those actions come naturally. Without our consent, our emotions are written all over our faces.

Although you can express many things non-verbally, there are limits to what you can communicate without the help of language. If you want to discuss past events, ideas, or abstractions, you need words-symbols that stand for thoughts – arranged in meaningful patterns.

Some scientists put forward the hypothesis that whereas spoken language is normally used for communicating information about events external to the speakers, non-verbal codes are used to establish and maintain interpersonal relationships. It is considered more polite or nicer to communicate attitudes towards others non-verbally rather than verbally, for instance in order to avoid embarrassing situations.

They concluded there are five primary functions of nonverbal bodily behavior in human communication:

- express emotions,
- express interpersonal attitudes,
- to accompany speech in managing the cues of interaction between speakers and listeners,
- self-presentation of one's personality,
- rituals (greetings).

Words are the lifeblood of group interaction. Even when we communicate non-verbally, we translate those behaviors into words (thoughts, impressions) as we construct meaning for the behaviors. Verbal communication, or what we say, can hold a group together or drive a wedge among members, hindering the accomplishment of goals.

Although non-verbal communication is often unplanned, it has more impact than verbal communication. Non-verbal cues are especially important in conveying feelings; accounting for 93 percent of the emotional meaning that is exchanged in any interaction.

One advantage of non-verbal communication is its reliability. Most people can deceive us much more easily with their words than they can with their bodies. Words are relatively easy to control; body language, facial expressions, and vocal characteristics are not. By paying attention to these non-verbal cues, we can detect deception or affirm a speaker's honesty.

Not surprisingly, we have more faith in non-verbal cues than we do in verbal messages. If a person says one thing but transmits a conflicting message non-verbally, we almost invariably believe the non-verbal signal. To a great degree, then, an individual's credibility as a communicator depends on non-verbal messages.

Non-verbal communication is important for another reason as well: it can be efficient from both the sender's and the receiver's standpoint. You can transmit a non-verbal message without even thinking about it, and your audience can register the meaning unconsciously. When you have a conscious purpose, you can often achieve it more economically with a gesture than you can with words. A wave of the hand, a pat on the back, a wink—all are streamlined expressions of thought.

Facial expressions and other body movements such as gestures, posture, and eye behavior are referred to as kinesics. Gestures and body movements are often associated with leadership displays in groups. Eye contact is particularly important in group settings because it regulates who will talk next. When group members are willing to talk, they are more likely to look at the current speaker or at the leader or facilitator, signaling their intention to communicate. Group members often use facial expressions to demonstrate their approval or disapproval of the topic being discussed or the person making the presentation.

Proxemics, or the use of space, is particularly important in group interactions because where group members sit relative to one another affects the flow of the conversation. Generally, group members who are dominant tend to position themselves more centrally in the group's space. This is why group leaders often sit at the end of a conference table. Members who want to participate more position themselves where they are visible to more group members and more likely to be included in the flow of the conversation. Members who want to participate less are more likely to find a seating position that removes them from the flow of the conversation or from direct eye contact with other group members.

Haptics, or touch, is the use of nonverbal cues that demonstrate perceptions of warmth and liking. Group members can touch one another on the hands, shoulders, and arms to demonstrate their affiliation with one another. Handshakes are a common nonverbal cue used at the beginning and end of meetings.

The use of time, or chronemics, is also important in group interaction. How much members talk, or how much time they let elapse before responding to other group members contributes to perceptions of leadership and influence.

Likewise, showing up at a meeting on time or being habitually late nonverbally communicates information to other group members.

Speech contains nonverbal elements known as paralinguage, including voice quality, emotion and speaking style, as well as prosodic features such as rhythm, intonation and stress. Paralinguage (sometimes called vocalics) is the study of non-verbal cues of the voice. Various acoustic properties of speech such as tone, pitch and accent, collectively known as prosody, can all give off nonverbal cues. Paralinguage may change the meaning of words [9, p.108].

The type of non-verbal communication, vocalics, or vocal characteristics, accompanies everything we say. Meaning can be derived from how we use our voices while we talk. Vocalics include inflection (upward as in asking a question, downward as in making a statement), tone (monotone, excited), accent (southern, eastern seaboard), rate (fast, slow), pitch (deep, nasal), volume (fast, slow), number of vocal interrupters («aaaahhh,» «well,» «uh»), and quality of voice indicators (clear, scared). Subtle (and not so subtle) cues – like irony and sarcasm – about intensity and emotion are given through vocalics.

Thus, non-verbal communication differs from verbal communication in fundamental ways. Spoken language is normally used for communicating information about events external to the speakers, non-verbal codes are used to establish and maintain interpersonal relationships.

Verbal and nonverbal communication are intertwined. However, the two message systems are not always in agreement. Research has demonstrated that when receiving inconsistent messages—messages in which the verbal and nonverbal components do not agree—receivers are more likely to believe the nonverbal message.

An interesting question is: When two people are communicating face-to-face, how much of the meaning is communicated verbally, and how much is communicated non-verbally? This was investigated by a linguist Albert Mehrabian and reported in two papers.

In his studies, Mehrabian comes to two conclusions. Firstly, that there are basically three elements in any face-to-face communication:

- words,
- tone of voice,
- facial expression.

Secondly, the non-verbal elements are particularly important for communicating feelings and attitude, especially when they are incongruent: if words disagree with the tone of voice and facial expression, people tend to believe the tonality and facial expression.

According to Mehrabian, these three elements account differently for our liking for the person who puts forward a message concerning their feelings: words account for 7 %, tone of voice accounts for 38%, and body language accounts for 55 % of the liking. They are often abbreviated as the «3 Vs» for Verbal, Vocal & Visual.

For effective and meaningful communication about emotions, these three parts of the message need to support each other – they have to be «congruent». In case of any «incongruence», the receiver of the message might be irritated by two messages coming from two different channels, giving cues in two different directions.

When delivering a lecture or presentation, for instance, the textual content of the lecture is delivered entirely verbally, but non-verbal cues are very important in conveying the speakers attitude towards their words, notably their belief or conviction.

When communicating, nonverbal messages can interact with verbal messages in six ways: repeating, conflicting, complementing, substituting, regulating and accenting/moderating.

Repeating. «Repeating» consists of using gestures to strengthen a verbal message, such as pointing to the object of discussion.

Conflicting. Verbal and non-verbal messages within the same interaction can sometimes send opposing or conflicting messages. A person verbally expressing a statement of truth while simultaneously fidgeting or avoiding eye contact may convey a mixed message to the receiver in the interaction.

Conflicting messages may occur for a variety of reasons often stemming from feelings of uncertainty, ambivalence, or frustration. When mixed messages occur, non-verbal communication becomes the primary tool people use to attain additional information to clarify the situation; great attention is placed on bodily movements and positioning when people perceive mixed messages during interactions.

Complementing. Accurate interpretation of messages is made easier when non-verbal and verbal communication complement each other. Nonverbal cues can be used to elaborate on verbal messages to reinforce the information sent when trying to achieve communicative goals; messages have been shown to be remembered better when non-verbal signals affirm the verbal exchange.

Substituting. Non-verbal behavior is sometimes used as the sole channel for communication of a message. People learn to identify facial expressions, body movements, and body positioning as corresponding with specific feelings and intentions. Non-verbal signals can be used without verbal communication to convey messages; when non-verbal behavior does not effectively communicate a message, verbal methods are used to enhance understanding.

Regulating. Non-verbal behavior also regulates our conversations. For example, touching someone's arm can signal that you want to talk next or interrupt.

Accenting/Moderating. Non-verbal signals are used to alter the interpretation of verbal messages. Touch, voice pitch, and gestures are some of the tools people use to accent or amplify the message that is sent; non-verbal behavior can also be used to moderate or tone down aspects of verbal messages as well. For example, a person who is verbally expressing anger may accent the verbal message by shaking a fist.

In face-to-face communication, meaning is carried by blending two components: the verbal (with words) and the non-verbal (without words). Non-verbal communication adds nuance or richness of meaning that cannot be communicated by verbal elements alone. In real time, same place communication, face-to-face communication, ordinary chat, there are many opportunities for this blending to take place.

A contrast to this is an online chat. Academic literature indicates an increasing role for computer-mediated communication (Collis, 2008; Graebner, 2008; Hiltz, 2007; Nichols, 2007; Schweizer, Paecter & Weidenmann, 2006; Geer, 2005). Unfortunately, non-verbal elements are generally absent in online discourse. Online chat is simple and direct. While it contains many of the elements of face-to-face conversation: more than one person responding at the same time, overlapping, takeovers, digression from the main topic, slang expressions, and omissions, it is also different from it in that it is a textual representation of conversation. Online chat, therefore, can provide little opportunity for the non-verbal aspects of the ordinary conversational mode of communication.

In online chat people use verbal elements but they are often coupled with non-verbal elements in the same text message. The most common non-verbal elements include verbal pauses, repetition of words, emotive language, symbols and punctuation marks. Negative emotions and exclamations are usually used less frequently than positive, happy, agreeable exclamations. Non-verbal elements are generally absent in online discourse. People use verbal elements and adapt these to add non-verbal communication to their postings.

One of the main priorities of education nowadays is academic and professional training of specialists in humanities and sciences, specialists with a high level of professional and communicative competence. Academic culture of public presentations includes both verbal and non-verbal components. The coherent use of these two types of communication means creates the general style of presentation.

Alongside with great attention to such segments of the academic presentation as clear structure (logical organization of the talk and argumentative patterns used), cognitive potential (new information of the general humanistic character and new information on specific issues) and linguistic competence (grammar, academic vocabulary, terminological lexis, discourse markers, verbal means of attracting attention of the audience, intonation, pronunciation, fluency of speech), it is very important to develop extra-linguistic competence. The latter comprises body language, voice, eye-contact, mimics, gestures, and dress code. Besides, the students should be trained in the art of creating a friendly emotional atmosphere and skills of transition from a presenter's talk on the topic defined to a constructive discussion of its various aspects with the audience.

The pedagogical experience has proven that the competent use of rhetorical patterns, factual information, visuals (outline, hand-outs, pictures, graphs, tables, terminology lists) in the talk based on ethics of academic communication contributes greatly to the general success of public presentation.

Improving non-verbal communication skills is more difficult than improving verbal communication skills because we're less conscious of the non-verbal messages we send. Thus, the first step is to identify what non-verbal messages you send and how they influence the group's interaction. One way to do this is to ask a group member you trust to observe you during a group meeting. This person can help you identify those non-verbal messages that contribute to the group and those that detract from it.

Another way to learn more about how your non-verbal messages influence the group is to watch how others respond to you. Suppose you want to ask a question and look toward the group member speaking to get his attention, but he ignores you. What other non-verbal message could you use to establish your talking turn?

It's easy to assume that the other group member is being rude or impolite, but maybe your non-verbal cue wasn't strong enough to signal that you wanted to talk.

Perhaps you need to make your non-verbal message more direct and forceful. You could lean forward in your chair and open your mouth in preparation to speak while directing your gaze at the speaker. Or you could add a short verbal message, such as «Tom?» to your lean and gaze.

You can also improve your non-verbal communication skills by observing and analyzing the effectiveness of other group members. Select a group member whom you admire, and pay careful attention to the type of non-verbal cues he or she uses. Try to identify how those cues functioned during the meeting. You are

likely to identify a skill that you can incorporate into your communication repertoire.

When we think about how we communicate in groups, we often forget that, in addition to verbal and non-verbal messages, listening is a major part of the communication process. Because we focus so much energy on what we say and how we say it, we often overlook our listening skills. In the group context, listening is important because we spend far more time listening than talking.

The consequences of poor listening in groups include poor working relationships, ineffective group outcomes, and time lost to faulty group processes. Replace these ineffective listening habits with active listening—paraphrasing what the speaker has said, asking questions to confirm what was said, taking notes, and so on.

Bibliography

1. Arnold I.V. Basic methods in linguistics. – M.: Higher school, 1991. – 368p.
2. Bailenson J. N., Beall A. C., Blascovich J., Loomis J., & Turk M. Transformed social interaction, augmented gaze, and social influence in immersive virtual environments. *Human Communication Research*, 31, 2005. – p. 511–537.
3. Burgoon J. K. A communications model of personal space violations: Explications and an initial test. *Human Communications Research*, 4, 1983. – p. 129–142.
4. Carey J. W. *Communication as culture: Essays on media and society*. Winchester, MA: Unwin Hyman, 1994. – 234 p.
5. Galperin I. R. Text – object of linguistic study. – M: Academia. – 2007. – 356 p.
6. Hewings M. Intonation and feedback in the EFL classroom, en Coulthard, M. (ed.), *Advances in Spoken Discourse Analysis*. London, Routledge., 1997. – 448p.
7. Kearsley G. P. Questions and question asking in verbal discourse: A cross-disciplinary review, *Journal of Psycholinguistic Research*, 5, 4, S. Nooteboom, «The prosody of speech: Melody and rhythm,» in *The Handbook of Phonetic Sciences*, W. J. Hardcastle and J. Laver, Eds. Blackwell, 1997. – 680 p.
8. Teliya V. N. *Russian Phraseology. Semantic, Pragmatic, and Linguocultural Aspects*. – Moscow: Languages of Russian Culture, 1996. – 448 p.
9. Maslova I. A. *Cultural Linguistics*. – Moscow: «Academia», 2001. – 356 p.
10. Milone D. H. and A. J. Rubio. «Prosodic and accentual information for automatic speech recognition» / *IEEE Transactions on Speech and Audio Processing*. Vol. 11. – No. 4. – 2003. – pp. 321–333.

Appendix 1

Types and numbers of nonverbal expressions used

Nonverbal cue	Number of occurrences
Multi ...	210
Multi !!!!	73
Multi ?????	45
Capitals	21
LOL	39
See ya	37
Okay	27
:~)	22
Oops	17
Oh	15

Yep	14
Wow	6
Hey	5

Appendix 2

Intent of nonverbal communication used and number of occurrences

Intent of nonverbal communication	Number of occurrences
Exclamation for emphasis	90
Show happiness	72
Show agreement	51
Question	48
Negative exclamation	41
Exit word	40
Negative emotion	32
Emphasis	29
Positive exclamation	19

УДК 82...А/Я.08

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ НАЦИОНАЛЬНОГО КОРПУСА РУССКОГО ЯЗЫКА ДЛЯ ИССЛЕДОВАНИЙ В ОБЛАСТИ МЕТАФОРЫ

А. Д. Плисецкая

**Государственный университет – Высшая школа экономики,
г. Москва, Россия**

USING THE NATIONAL CORPUS OF RUSSIAN LANGUAGE IN METAPHOR STUDIES

A. D. Plisetskaya

State University – the Higher School of Economics, Moscow, Russia

Summary. The article describes using The National Corpus of Russian Language for metaphor studies. We analyzed the metaphor 'val'utny koridor' (currency corridor) looking into the context of its usage in the media and found out some interesting collocations dealing with the origin of the metaphor. The research can be useful for students learning how to use the national language database.

Keywords: metaphor, corpus, context, concept.

Цель настоящей работы – проанализировать, каким образом с помощью корпуса можно исследовать значение метафоры.

Как убедительно показали Дж. Лакофф и М. Джонсон в своей знаменитой монографии «Метафоры, которыми мы живем» [Metaphors we live by, Chicago-London 1980], вся наша повседневная и профессиональная речевая деятельность метафорична по своей природе. Метафора оказывается не просто риторическим приемом, средством украшения речи, но способом познания и понимания. Многие научные термины образованы метафорически. Как меняется семантика исходного слова в метафоре? Какие смыслы слова уходят и появляются? Каким образом контекст употребления метафоры позволяет нам глубже раскрыть ее значение? Каков творческий потенциал метафоры, как обыгрывают ее разные носители языка, разные авторы текстов? Национальный корпус русского языка дает нам уникальную возможность попытаться ответить на эти и другие вопросы, используя обширную базу данных. Возьмем для примера финансовый термин «валютный коридор» и попробуем реконструировать значение метафоры, лежащей в его основе.

Задав лексико-грамматический поиск выражения «валютный коридор» в основном корпусе, получим страницу с примерами. Легко видеть, что все они – из современной российской публицистики, будь то популярные СМИ, специализированные экономические издания или статьи и книги известных политиков, бизнесменов, общественных деятелей.

На странице сказано, сколько в основном корпусе имеется примеров употребления этого словосочетания:

Найдено 45 документов, 81 вхождение.

Это значит, что словосочетание «валютный коридор» встретилось в Корпусе 81 раз. Однако поскольку словосочетание «валютный коридор» могло встретиться в одном тексте (то есть документе) несколько раз, указывается также и количество текстов, в которых оно встречается: 45.

Как лучше понять семантику этой метафоры, ставшей финансовым термином, условия ее возникновения и бытования в языке и тексте? Для того чтобы понять, как соотносится значение этой метафоры со словарным значением слова «коридор», нужно проанализировать контекст ее употребления, посмотреть, с какими словами она сочетается. Это можно сделать, упорядочив все примеры по левому контексту. Чтобы контекст употребления метафоры стал более наглядным, можно посмотреть упорядоченные примеры в таблице Excel:

	C	D	E	F	
1	Left context	Center	Right context	Title	
2	При этом вариант	валютного	коридора	изначально рассматривался как предпочтительный	Вячес
3	Введение	валютного	коридора,	которое, казалось бы, должно	Финан
4	событием прошедших недель было введение	валютного	коридора.		Финан
5	В действительности введение	валютного	коридора —	это политика укрепления курса	Финан
6	И все же введение	валютного	коридора	в Белоруссии свидетельствует о	Юрий
7	снижение курса доллара и введение	валютного	коридора,	который, как подчеркнул премьер	Татьян
8	Авторы «Эксперта» подробно комментируют введение	валютного	коридора	в этом номере - см	Осенн
9	экспортерам может не понравиться введение,	валютного	коридора».		Осенн
10	их финансовом положении сказалось введение	валютного	коридора.		Глеб Е
11	году Сергей Дубинин считает введение	валютного	коридора.		Яросл
12	Кроме того, введение «	валютного	коридора»	в середине 90-х	Впере
13	ЦБ стабилизировать финансовый рынок введением	валютного	коридора.		Финан
14	смягчения курсовой политики и введении	валютного	коридора.		Юрий
15	постепенной либерализации курсовой политики — введению «	валютного	коридора».		Три ас
16	что ЦБР рассматривал возможность введения	валютного	коридора	еще в ноябре прошлого	Осен
17	До введения	валютного	коридора	считалось, что государству поддерживать	Вадим
18	Белоруссии подводились первые итоги введения	валютного	коридора	и делались осторожные прогнозы	Юрий
19	Он считает, что от введения	валютного	коридора	особенно никто не пострадал	Осенн
20	После введения	валютного	коридора	началось заметное падение объема	Финан
21	из графика 1, после введения	валютного	коридора	основным ориентиром для доходностей	Финан
22	и четвертом квартала (после введения	валютного	коридора)	наблюдалось существенное (примерно в	Алекс
23	Тем более что после введения	валютного	коридора	операции типа валюта—ГКО	Игорь
24	введение в июле 1995 года	валютного	коридора.		Леони
25	введение в середине 1995 года «	валютного	коридора»	и рост рынка ГКО	Юрий
26	150 пунктов ниже верхней границы	валютного	коридора	до 4994 руб./\$	Вячес

Анализ сочетаемости выражения «валютный коридор»

Из таблицы видно, что наиболее часто встречается выражение «ввести валютный коридор» (здесь и далее сокращенно ВК). Лексемы могут быть различные: *введение ВК, введен, вводится ВК* (всего 31 пример из 81). Также в Основном корпусе встретились словосочетания *установление ВК, установлен ВК* (4), *действие ВК* (3), *рамки ВК* (3), *появился, появление ВК* (2), *симметричного ВК* (2), *жесткого ВК* (1), *зловещий ВК* (1), *в условиях ВК* (1), *убрали ВК* (1), *границы ВК* (1), *функция ВК* (1), *режим ВК* (1), *забресжил свет в ВК* (1), *очутившись в ВК* (1), *существовавшего ВК* (1), *ВК заменен* (1), *ВК выбран* (1), *ВК изменен* (1), *ВК подавляет* (1), *ВК допускает* (1), *удерживать ВК* (1), *прочертили ВК* (1), *использовал ВК* (1), *паритет ВК* (1), *поплывет ВК* (1), *ВК держит* (1), *опираться на ВК* (1);, *ВК как инструмент* (1), *с помощью ВК* (1). Кроме того, словосочетание «валютный коридор» часто употребляется просто как имя ситуации, название темы:

«К вопросу о валютном коридоре вернулись уже в 1996 году — указ все же был подписан. [Юрий Калашнов. Рынок ОКВ (1996) // «Коммерсантъ-Daily», 1996.01.19] [омонимия не снята] ←...→». Такое употребление выражения можно назвать пропозициональным. Примеров такого употребления мы насчитали 17.

Когда же появился финансовый термин «валютный коридор»? Если упорядочить все примеры по дате создания, то можно увидеть, что самые старые примеры Основного корпуса датированы 1995 годом.

Уточнив по Интернету, узнаем, что именно тогда правительство Ельцина и ввело это меру.

Однако сам термин, по-видимому, появился раньше — в словаре русского публичного языка конца XX века, составленном сотрудниками еженедельника «Коммерсант-ВЛАСТЬ», говорится:

Валютный коридор

18 ноября 1991 года

пресса

газета "Коммерсантъ-Daily"

Впервые в российских СМИ этот экономический термин был упомянут управляющим биржи Baltic Stock Exchange Вадимом Пчелкиным: "На прошедших торгах акции приобретались как за валюту, так и за рубли – с учетом обменного курса так называемого 'валютного коридора'. Суть 'коридора' заключается в том, что биржа зарезервировала для брокеров \$800 тыс. и в пределах этой суммы можно покупать акции за рубли по обменному курсу BSE. 13 ноября рубль на BSE обменивался на доллар в отношении 140:1". Но в нынешнем понимании термин "валютный коридор" (то есть отклонения от среднесрочного тренда курса валюты) был впервые упомянут в газете "Коммерсантъ-Daily" 2 ноября 1992 года в статье "Прогноз курса рубля": "В этом номере эксперты Ъ попытались дать прогноз 'валютного коридора' до конца 1992 года, основываясь на экстраполяции среднесрочного тренда".

Библиотека Якова Кротова, цит. по

http://www.google.com/gwt/x?source=m&u=http%3A%2F%2Fkrotov.info/history/20/1950/history.html&wsi=d5b51da2d5c5e746&ei=aO3kTM7oJoWv1Aa5sO_H1CA&wsc=eb&ct=pg1&whp=30

Неудивительно, что этот термин активно обсуждается в СМИ. Как же описывается этот термин, каково его происхождение? Особый интерес представляют примеры с формами именительного падежа – именно в них объясняется термин. Снова обратимся к Корпусу. Сначала опять упорядочим примеры по левому контексту, затем зададим расширенный контекст для одного из примеров, где выражение «валютный коридор» стоит в форме именительного падежа, а значение его объясняется.

Национальный корпус русского языка - Прегла

Яндекс Погода Гисметео Яндекс

Меню Поиск в корпусе. Нац... Национальный корпус... Загрузки Gmail - Входящие (1609... Мобильные Яндекс.Ка... Поиск в Google

http://search.ruscorpora.ru/search.xml?sort=cont-2&out=normal&ssp=508&seed=209228&mycorp=8&mysent=8&mysizi

НАЦИОНАЛЬНЫЙ КОРПУС РУССКОГО ЯЗЫКА

Результаты поиска [перейти на страницу поиска](#) [выбрать подкорпус](#) [версия с ударениями](#) [настройки](#) [english](#)

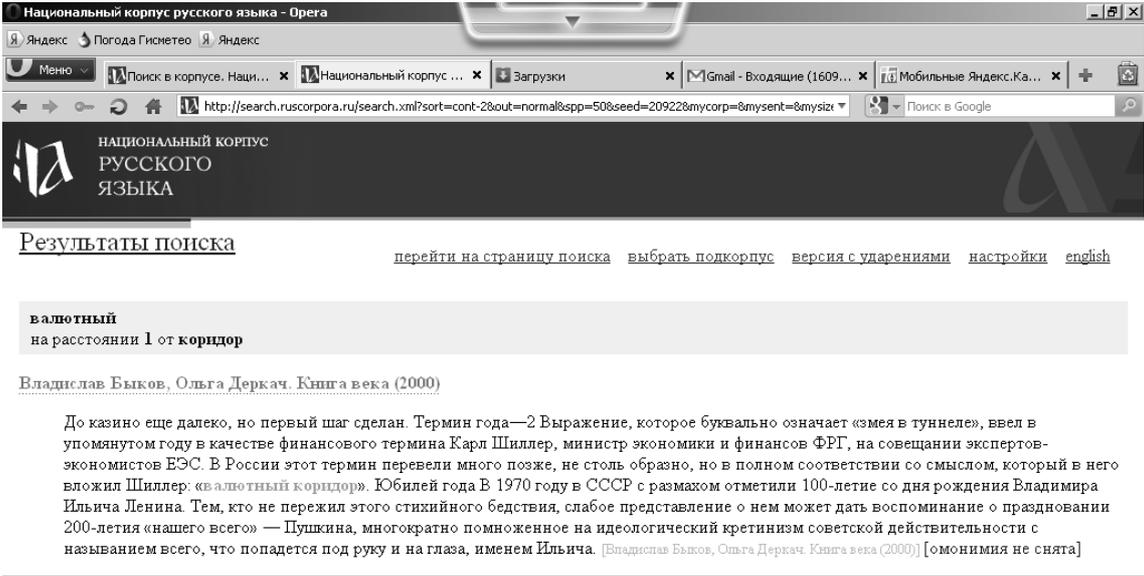
валютный
на расстоянии 1 от коридор

Капитал устал ждать (1995) // «Эксперт», 1995.07.25

Еще одна сторона валютной проблемы: форсированное укрепление рубля может лишить экономику России стратегических перспектив. Будет обидно Татьяна Гурова, Никита Кириченко, Валерий Фадеев «Валютный коридор» — фиксация российской властью верхнего и нижнего значений, которые курс доллара в период до 1 октября не может преодолеть, заставляет нас вновь обратиться к проблеме взаимосвязи курса национальной валюты с экономической силой государства. Уверенность, с которой ЦБ и правительство установили границы колебаний курса, произвела впечатление, и аналитики довольно осторожно комментировали последствия. Однако как очевидные, так и неочевидные несообразности нововведения от этого никуда не исчезают. Вот о них-то мы и расскажем. [Капитал устал ждать (1995) // «Эксперт», 1995.07.25] [омонимия не снята]

Поиск осуществлен системой [Index Server](#)
При цитировании примеров просим ссылаться на Национальный корпус русского языка

Откуда же появилась эта метафора, кто ее придумал? Рассмотрим еще один пример.

Национальный корпус русского языка - Орега

Яндекс Погода Гисметео Яндекс

Меню Поиск в корпусе. Нац... Национальный корпус... Загрузки Gmail - Входящие (1609... Мобильные Яндекс.Ка... +

http://search.ruscorpora.ru/search.xml?sort=cont-2&out=normal&ssp=50&seed=20922&mycorp=&mysent=&mysiz

Поиск в Google

НАЦИОНАЛЬНЫЙ КОРПУС РУССКОГО ЯЗЫКА

Результаты поиска [перейти на страницу поиска](#) [выбрать подкорпус](#) [версия с ударениями](#) [настройки](#) [english](#)

в алюотный
на расстоянии 1 от коридор

Владислав Быков, Ольга Деркач. Книга века (2000)

До казино еще далеко, но первый шаг сделан. Термин года—2 Выражение, которое буквально означает «змея в туннеле», ввел в упомянутом году в качестве финансового термина Карл Шиллер, министр экономики и финансов ФРГ, на совещании экспертов-экономистов ЕЭС. В России этот термин перевели много позже, не столь образно, но в полном соответствии со смыслом, который в него вложил Шиллер: «в алюотный коридор». Юбилей года В 1970 году в СССР с размахом отметили 100-летие со дня рождения Владимира Ильича Ленина. Тем, кто не пережил этого стихийного бедствия, слабое представление о нем может дать воспоминание о праздновании 200-летия «нашего всего» — Пушкина, многократно помноженное на идеологический кретинизм советской действительности с названием всего, что попадет под руку и на глаза, именем Ильича. [Владислав Быков, Ольга Деркач. Книга века (2000)] [омонимия не снята]

Поиск осуществлен системой [Index Server](#)
При цитировании примеров просим ссылаться на Национальный корпус русского языка

Доступно обновление Вид (100%)

Из примера следует, что этот термин переводной, а гораздо более яркий образ – «змея в тоннеле» – придумал в 1970 году министр экономики и финансов ФРГ Карл Шиллер. Попробуем проверить эту информацию.

На сайте электронной библиотеки по истории Европы European navigator, http://www.ena.lu/european_currency_snake-020100278.html, также сказано, что термин ввел в 1970–1971 гг. во время крупного валютного кризиса в Европе министр экономики и финансов ФРГ Карл Шиллер – он же предложил и эту меру для поддержания европейской валюты. Выражение «змея в тоннеле» включено и в Словарь современных цитат Константина Душенко.

http://librus11.ilive.ro/konstantin_dushenko_slovar_sovremennih_citat_57859.html

В чем же смысл этого образа? Прежде чем попытаться ответить на этот вопрос, зададим еще один поиск. Поскольку сам термин касается экономической политики государства и встречается только в публицистике, имеет смысл также поискать примеры употребления этого метафорического словосочетания в Газетном корпусе.

AB	C	D	E	F
1	Left context	Center	Right context	Title
2	рубля" в рамках новых границ "	валютного	коридора" (от 6 до 9	Дефо
3	рубля" в рамках новых границ "	валютного	коридора" (от 6 до 9	Экспе
4	на ЕТС расчетами tomorrow, границы	валютного	коридора являются гораздо более широкими	Цена €
5	курс доллара надо выпускать из	валютного	коридора.	ЭХО Д
6	Даже без заранее объявленного	валютного	коридора Центральному банку удается добиваться	Дьяче
7	плавающий курс лиры, отказавшись от	валютного	коридора.	Дьяче
8	воля руководства страны, отстаивавшего сохранение «	валютного	коридора» ради спасения банковской системы	Андре
9	Вместо искусственно удерживаемого	валютного	коридора нужно было использовать плавающий	Голов
10	и энергоресурсы внутри страны, установка	валютного	коридора при экспортно ориентированном сбыте	Юдин
11	по удержанию курса доллара в	валютном	коридоре.	ЭХО Д
12	рукой держал курс рубля в	валютном	« коридоре».	Андре
13	А как же меры правительства,	валютные	коридоры, плавающий курс и т	Рубль
14	Тогда был	валютный	коридор, в котором доллар почти	Алекс
15	указом № 244. Через год ввели "	валютный	коридор". Через четыре года наступил	Алекс
16	результате в январе 1999 г.	валютный	коридор оказался прорван, и реал	Дмитр
17	и скачков не уберегал даже	валютный	коридор—гарантии правительства удерживать курс	Дьяче
18	1998 года у нас действовал	валютный	коридор.	Федот
19	искусственно удерживали низкий курс доллара, "	валютный	коридор", который и ускорил обрушение	ЧТОБЬ
20	внутреннего спроса, кризис неплатежей и	валютный	коридор—стало тяжелым испытанием для	Витал
21	Так называемый «	валютный	коридор» – плод первого срока Бориса	Влади
22	1998 годы действовал так называемый "	валютный	коридор", в рамках которого Центробанк	Дьяче
23	Правительство долго использовало так называемый	валютный	коридор, который резко снижал конкурентоспособность	Витал
24	Заглядывал в глаза. Убуждал: "Отменяйте	валютный	коридор. Переходите на плавающий курс	Алекс
25	на 50 процентов был расширен	валютный	коридор рубля, однако российская валюта	Новый
26	Поздно. Вчера решили:	валютный	коридор отменяем. Долги не платим	Алекс

Здесь всего 29 вхождений, однако некоторые примеры крайне любопытны. Посмотрим, какие контексты дает нам Газетный корпус: *границы ВК* (3), *объявленного ВК* (1), *отказаться от ВК* (1), *сохранение ВК* (2), *удерживать/держат/удержание ВК* (4), *выпускать из ВК* (1), *ВК прорван* (1), *ВК не уберегал* (1), *ввели ВК* (1), *действовал ВК* (2), *использовать ВК* (1), *отменять ВК* (2), *отказаться от ВК* (1), *расширить ВК* (1), *установка ВК* (1); есть также случаи пропозиционального употребления (6).

Как же соотносятся примеры употребления словосочетания «валютный коридор» с исходным значением слова «коридор»? Обратимся к словарям. Толковый словарь С. И. Ожегова дает такое определение коридора:

КОРИДОР, -а, м. 1. Проход (обычно узкий, длинный), соединяющий отдельные части квартиры, здания. 2. перен. Узкое, длинное пространство, соединяющее собой что-н., проход. *Горный к. Воздушный к.* (полоса пролета для самолетов). ***В коридорах власти** (книжн.) - в кругах, близких к властям, к правительству. || прил. коридорный, -ая, -ое (к 1 знач.). *Коридорная система* (расположение комнат, жилых помещений вдоль большого коридора).

Толковый словарь Ожегова. С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. 1949-1992.

Что же такое валютный коридор?

ВАЛЮТНЫЙ КОРИДОР – пределы колебаний валютного курса, устанавливаемые как способ его государственного регулирования и поддерживаемые центральным банком посредством закупок и продажи валюты.

Словарь банковских терминов – <http://bankir.ru/slovar/>

Итак, что объединяет и различает обычный и валютный коридор?

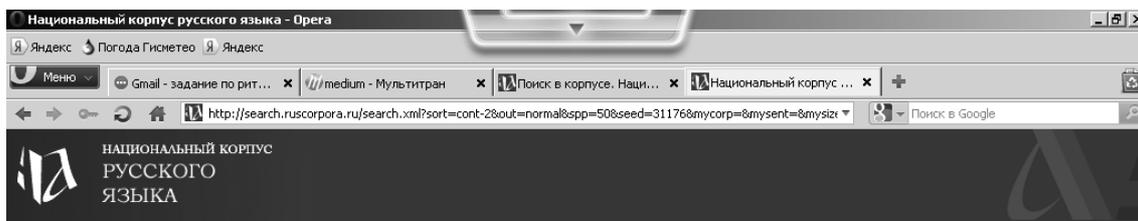
1. Из Основного и газетного корпуса мы видим, что во многих статьях валютный коридор описан как некая сложившаяся ситуация или явление, существующее как данность (*когда существовал "валют-*

ный коридор" и курс доллара искусственно занижался; появился... валютный коридор).

2. Более того – валютный коридор часто оказывается активным существом (он *подавляет, допускает, держит, действует* и даже *плывет*).
3. Это живое существо контролируют власти (*удержать валютный коридор, держать валютный коридор*).
4. С другой стороны, валютный коридор появляется и исчезает не сам по себе, он является мерой, используемой людьми (*введение валютного коридора, установить валютный коридор, заменить валютный коридор, выбрать валютный коридор, сохранить валютный коридор, валютный коридор не уберегал, объявить валютный коридор, отменить валютный коридор, отказаться от валютного коридора, убрать валютный коридор*).
5. Очевидно также инструментальное значение валютного коридора (*использовать валютный коридор, режим валютного коридора, функция валютного коридора, валютный коридор как инструмент, с помощью валютного коридора*).
6. Важнейшая черта валютного коридора – наличие узких, жестких границ (*границы валютного коридора, жесткий валютный коридор, рамки валютного коридора, расширить валютный коридор, выпускать из валютного коридора, валютный коридор прорван*).
7. Валютный коридор геометричен: *прочертить валютный коридор, симметричный валютный коридор*.
8. Валютный коридор пропорционален: *симметричный валютный коридор, паритет валютного коридора*.
9. Валютный коридор устойчив (на него *опираются*) и в то же время подвижен, текуч (он *плывет*, его *удерживают*).
10. Валютный коридор – это объемное пространство (*очутиться в валютном коридоре*).
11. Наконец, валютный коридор темный и мрачный: (*зловещий валютный коридор; в валютном коридоре забрезжил свет*).

Как видим, семантика слова «коридор» в термине «валютный коридор» отличается от исходного значения слова. Есть и общие семы – **наличие объема, геометричность, устойчивость, отсутствие света, наличие границ, рукотворность**. С другой стороны, валютный коридор является экономическим **инструментом** (терминологическое значение), но вместе с тем и **живым, подвижным, самостоятельным, властным и непослушным существом**. Каким же образом появляются эти смыслы и как они согласуются с прямым значением слова?

Еще раз обратимся к происхождению этой метафоры. Вспомним, что это перевод гораздо более яркой метафоры «змея в тоннеле», и многие переносные значения, проявившиеся в метафоре «валютный коридор», станут понятнее. Смысл придуманного министром ФРГ Карлом Фишером образа в том, что валюта – существо скользкое, юркое, неуправляемое и опасное, поэтому единственный способ как-то утихомирить ее – это поместить ее в темный узкий тоннель, где она будет тщетно биться в поисках выхода. В самом деле, как видно из примеров Корпуса, альтернативой валютному коридору экономисты называют плавающий валютный курс:

Результаты поиска

[перейти на страницу поиска](#) [выбрать подкорпус](#) [версия с ударениями](#) [настройки](#) [english](#)

валютный
на расстоянии 1 от коридор

С. Р. Монсеев. Таргетирование реального валютного курса: теория, мировая практика и возможность применения в России (2003) // «Финансы и кредит», 2003.02.03

Предварительная оценка автокорреляции показала, что текущий прирост ИШЦ коррелирует с со своим предыдущим значением с лагом от одного до трех месяцев. В результате регрессионная модель инфляции приобрела следующий вид (2): [формула] (2) Δ Весь период наблюдения был разбит на два подпериода, характеризующих режим валютного коридора (июль 1995 года — декабрь 1998 года) и плавающего валютного курса (январь 1999 года — октябрь 2002 года). Результаты оценки регрессионной модели инфляции приведены в табл. 2. В 1995 — 1998 годах, когда власти использовали номинальный валютный курс в качестве якоря денежно-кредитной политики, инфляция определяется динамикой курса с лагом в 0, 1 и 2 месяца. [С. Р. Монсеев. Таргетирование реального валютного курса: теория, мировая практика и возможность применения в России (2003) // «Финансы и кредит», 2003.02.03] [омонимия не снята]

Поиск осуществлен системой [Index Server](#)

При цитировании примеров просим ссылаться на Национальный корпус русского языка

Метафора «деньги есть жидкость» крайне характерна и для разговорной, и для профессиональной речи: деньги *утекают сквозь пальцы*, рубль *отпускают в свободное плавание*, *финансовые потоки* и т.д. Валюта понимается как самостоятельная субстанция, плохо поддающаяся контролю, именно поэтому валютный коридор *подавляет*, его надо *удерживать*; наконец, он сам *плывет*. В этом смысле показателен также контекст «*валютный коридор прорван*»: как раз прорвать может плотину, дамбу, трубу, и оттуда хлынет вода. Интересно, что хотя образ «змея в тоннеле» изначально негативен, а «валютный коридор» нейтрален, некоторые найденные в корпусе примеры также содержат отрицательную оценку: *зловещий коридор*, *коридор не уберег*, *коридор подавляет*, *в валютном коридоре забрезжил свет*. Любопытно также, что, в отличие от тоннеля, в коридоре могут быть окна, однако валютный коридор оказывается темным, в полном соответствии с исходной метафорой.

Таким образом, мы видим, что многие семы, актуализированные в метафоре «валютный коридор», органичны для исходной метафоры, обозначающей тот же термин: «змея в тоннеле». В метафоре «валютный коридор» семантика неизменности, пропорциональности, четкой очерченности, ограниченности, жесткости входит в противоречие с зыбкостью, непостоянством и коварством самого объекта метафоризации, что возвращает нас к глубинному, архетипическому представлению о деньгах и о том, как сложно контролировать их движение.

Библиографический список

1. Lafoff G; Johnson M. Metaphors we live by. – Chicago University Press, 1980.
2. Национальный корпус русского языка // www.ruscorpora.ru
3. Толковый словарь Ожегова / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – М., 1949–1992.
4. Электронный словарь банковских терминов, <http://bankir.ru/slovar/>
5. Электронный словарь современных цитат Константина Душенко // http://librus11.ilive.ro/konstantin_dushenko_slovar_sovremennih_citat_57859.html

6. Электронная библиотека по истории Европы «European navigator»,
http://www.ena.lu/european_currency_snake-020100278.html
7. Электронная библиотека Якова Кротова,
<http://www.google.com/gwt/x?source=m&u=http%3A%2F%2Fkrotov.info/history/20/1950/history.html&wsi=d5b51da2d5c5e746&ei=aO3kTM7oJoWv1Aa5soH1CA&wsc=eb&ct=pg1&whp=30>

Bibliography

1. Lafoff G; Johnson M. Metaphors we live by. – Chicago University Press, 1980.
2. Russian national corpus // www.ruscorpora.ru
3. Collegiate dictionary by Ozhegov / S. I. Ozhegov, N. Yu. Shvedova. – M., 1949–1992.
4. Electronic dictionary of banking terms // <http://bankir.ru/slovar/>
5. Electronic dictionary of contemporary quotations by Constantin Dushenko // http://librus11.ilive.ro/konstantin_dushenko_slovar_sovremennih_citat_57859.html
6. Electronic library on the history of Europe «European navigator» // http://www.ena.lu/european_currency_snake-020100278.html
7. Electronic library by Yakov Krotov // <http://www.google.com/gwt/x?source=m&u=http://krotov.info/history/20/1950/history.html&wsi=d5b51da2d5c5e746&ei=aO3kTM7oJoWv1Aa5soH1CA&wsc=eb&ct=pg1&whp=30>

УДК 81'811.111

ПРОГНОСТИЧЕСКАЯ ВАЛИДНОСТЬ ГЛАГОЛЬНЫХ ФОРМ ДЛИТЕЛЬНОГО АСПЕКТА В КОРПУСНОЙ ЛИНГВИСТИКЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

Е. М. Попкова

Государственный университет – Высшая школа экономики,
г. Москва, Россия

A CORPUS LINGUISTICS PERSPECTIVE ON THE PREDICTIVE VALIDITY OF THE ENGLISH PROGRESSIVE

E. M. Popkova

State University – the Higher School of Economics, Moscow, Russia

Summary. The article discusses the most recent trends in the development of the English progressive. A corpus-based approach to linguistic research is seen as an effective means of determining reliability of the data retrieved and helps track the major diachronic dynamic in the increasing frequency of the progressive aspect that has taken place since the beginning of the 20th century. The article specifically deals with the extension of the progressive to new constructions, such as modal, present perfect and past perfect passive progressive, and also accounts for the use of progressive forms in the contextual environment not generally characteristic of them.

Keywords: corpus linguistics, progressive forms, English verb, syntactical changes, perfect progressive passive, modalised passive progressive, stative verbs, contextual environment, grammatical transformations.

Представленный ниже материал продолжает ряд статей автора, посвященных исследованию вопроса о тенденциях эволюции языковых единиц на различных сегментных уровнях современного английского языка. Однако же в то время, как предыдущие исследования автора фокусировались на изменениях, происходящих на морфематическом и фразематическом (денотативном) уровнях языка, представленные ниже данные касаются вопроса преобразований языковых форм на уровне пропозем (уровне предложений), продолжая линию исследований перестройки синтаксического строя.

Общеизвестным фактом в лингвистике является то, что, с точки зрения скорости развития, изменения в синтаксическом строе языка происходят гораздо медленнее, чем в других областях, иногда растягиваясь на столетия. Другой отличительной особенностью изменений в синтаксисе можно назвать тот факт, что подобные изменения, именно ввиду их вышеупомянутой растянутости во временной плоскости до полного установления в качестве нормы, зачастую не в полной мере осознаются говорящими, вследствие чего многие утверждения о происходящих в английской грамматике изменениях, основанные на личных ретроспективных наблюдениях лингвистов, являются абсолютно ненадежными [9, с. 318]. Помимо этого, темпы синтаксических изменений также различаются в зависимости от регионального варианта английского языка, стиля и жанра текста. Так, в частности, К. Майер и Дж. Лич на основании данных 4 корпусов английского языка (2 из которых – корпуса британского варианта английского языка, 2 – американского) установили тот факт, что вопреки установившемуся мнению, озвученному Э. Сепиром в своем классическом труде «Language» еще в 1921 г., форма местоимения *whom* вовсе не сходит на нет, а скорее меняет область употребления, переходя в разряд лексики, принадлежащей письменному стилю. Более того, корпуса американского варианта английского языка зафиксировали почти пятнадцатипроцентное возрастание частоты употребления указанного местоимения в период с 1961 по 1991 гг. [там же, с. 325].

В этой связи главнейшим принципом отбора языкового материала для исследования послужило привлечение статистических данных, источником которых непременно является массив аутентичных текстов, собранных в современных корпусах (банках) английского языка. Корпусная лингвистика позволяет отойти от декларативных заявлений о том, что «должно быть» правильно в языке, и перейти от прескриптивизма в грамматике к дескриптивному подходу, показывая, что наиболее правильным в языке является лишь то, что эффективно используется в процессе коммуникации. Убедительные аргументы по этому поводу изложены В. А. Плунгяном в публичной лекции «Почему современная лингвистика должна быть лингвистикой корпусов»⁹. Наиболее значимая роль языковых корпусов в исследовании синтаксических, и не только, изменений заключается как в том, что собранные в них данные помогают опровергнуть неверные гипотезы, так и в том, что они позволяют обнаружить происходящие изменения, еще не замеченные исследователями.

В качестве исследуемой категории в данной статье выступают семантико-синтаксические значения личных форм глагола, как центра предикации в предложении грамматического строя, а именно функционирование глагольных форм длительного аспекта (*continuous / progressive*) в нехарактерном для них контексте наряду с явлением их значительно возросшего употребления, с точки зрения частотности, в синтаксической системе английского языка последнего столетия.

В общей сложности в функционировании указанных форм четко прослеживаются 2 основные тенденции: 1) возрастание частотности употребления длительных форм в целом; 2) постепенное укоренение форм длительного аспекта в нескольких незанятых «нишах» глагольной парадигмы, для которых употребление этих форм было нехарактерно до XX ве-

⁹ Плунгян В. А. Почему современная лингвистика должна быть лингвистикой корпусов // Полит.ру: публичные лекции. 2010. URL: <http://www.polit.ru/lectures/2009/10/23/corpus.html> (дата обращения: 27.11.2010).

ка. И хотя зачатки вышеуказанных тенденций расширения сферы функционирования форм длительного аспекта наблюдаются еще в позднем среднеанглийском периоде [5, с. 177], именно за последнее столетие темпы возрастания частотности длительных форм стали наиболее интенсивными [8, с. 328].

Объяснение данного факта вряд ли лежит на поверхности. Подобное резкое увеличение глагольных форм длительного аспекта за указанный период, включая их употребление и в письменной речи, можно рассматривать и как пример непосредственного грамматического изменения в строе языка, так и в качестве одного из показателей общей тенденции сдвигов в границах функциональных стилей современного английского языка, при которой нормы письменной речи постепенно приближаются к нормам устного общения, где длительные формы считались традиционно более распространенными. [2, с. 461–63].

При этом речь не идет об увеличении случаев употребления длительных форм со стативными глаголами (*stative/non-progressive verbs*). Свидетельства подобного употребления, которые были зафиксированы в последнее время, слишком малочисленны, чтобы их можно было учитывать в статистическом подсчете. Во многих случаях употребление форм длительного аспекта со стативными глаголами вовсе не выпадает из общего правила и не является сверхновым явлением в грамматике, а всего лишь представляет случаи полисемии. Приведем лишь некоторые примеры, когда перемена значения делает возможным использование глагола в длительной форме:

- глагол *forget* в значении «пренебрегать, не делать нужного»: ‘It is only a “win-win” if you are forgetting to count what really matters.’ [Financial Times, 07.04.2008]; ‘You’re forgetting your mother.’ [прим. прив. по 9, с. 328]
- глагол *see* в значении «встречать»: ‘I am seeing the manager tomorrow.’
- глагол *hear* в значении «получать известия»: ‘I’m hearing a lot of good reports about your work these days.’ [прим. прив. по 3, с.4]
- употребление глаголов восприятия для передачи повторяемости чувственных восприятий, как правило, «галлюцинаторных»: ‘He’s seeing stars.’ ‘She’s hearing voices.’ [прим. прив. по 10, с.75]
- глагол *wish* в значении «загадывать желание»: ‘I’m wishing I were rich.’ [там же]
- глагол *love* в значении «наслаждаться, получать удовольствие»: ‘The children are loving having Jean stay with us.’ (прим. прив. по 3, с.4) ‘She was loving every minute of it.’ [прим. прив. по 6, с. 176].

В других случаях можно говорить о контекстуально-обусловленном изменении значения стативного глагола, когда его длительная форма служит целям передачи определенного коммуникативного значения. Ср.: *Are you seeing what I am seeing?* [прим. прив. по 9, с. 328] – Смысл подобного употребления длительной формы глагола восприятия в том, что в данном случае визуальное восприятие, которое обычно представляет собой неосознанный процесс, становится предметом сознательной рефлексии. Здесь также можно говорить об акцентировании длительности действия: ‘I’m actually hearing your voice!’ [прим. прив. по 10, с. 74].

Как показывает анализ, длительные формы стативных глаголов в подавляющем большинстве случаев служат выражению двух *контекстно-обусловленных коммуникативных значений*:

а) подчеркивание изменяющейся или быстро развивающейся ситуации: ‘These days, more and more people are preferring to take early retirement.’ [прим. прив. по 13, с. 458] ‘The water is tasting better today.’ [там же] ‘As I get older, I’m remembering less and less.’ [там же] ‘I’m liking it here more and more as time goes by.’ [там же] ‘Surely many people are now remembering that economics is a social science ...’ [Financial Times, 09.08.2010] ‘...she was liking it less and less.’ [прим. прив. по 6, с. 176] ‘...given that the number of active users is rapidly approaching 500 million, that would suggest that approximately 26 percent of users are liking items once they login to Facebook each day.’¹⁰ В последнем примере наряду с выражением «быстро развивающейся ситуации» форма длительного аспекта глагола *like* также связана с измененным значением данного глагола – в данном случае глагол *like* выступает не в основном своем значении «находить что-либо приятным, любить что-либо», а в новом для себя значении «проголосовать за что-либо», которое появилось у него в последнее время в связи с развитием социальных сетей и распространенной в них функцией голосования за понравившиеся вещи, обозначаемой кнопкой «*like*».

б) подчеркивание временности происходящего, обратимости ситуации: ‘You are hating being here.’ [прим. прив. по 6, с. 176] – В подобном примере речь идет о временно испытываемом чувстве, а не стабильном отношении к ситуации. Ср. также: ‘You’re still not understanding me.’ [там же, с.179] Длительный аспект глагола *understand* в данном случае подразумевает ограниченную по времени продолжительность действия, а не общее непонимание между говорящим и слушающим. В следующем же примере глагол *know* в длительной форме выражает стиль поведения одного человека по отношению к другому, принятый для конкретной ситуации: ‘He was not knowing me again.’ [прим. прив. по 6, с. 180]. Ср. также: ‘They were liking that kind of thing just then.’ [там же, с. 176].

Помимо рассмотренных выше контекстно-обусловленных коммуникативных значений, передаваемых формами длительного аспекта стативных глаголов, нельзя не упомянуть случаи *нисходящего транспозиционного замещения по виду глагола*, которые, как известно из теории оппозиционного замещения, служат созданию экспрессивности высказывания. Как правило, здесь речь идет о случаях использования формы длительного аспекта глаголов, объединенных семантикой положительного / отрицательного отношения к чему-либо и выражающих определенные эмоциональные состояния, таких как *want, love, like*, целью чего является передача всей полноты выражаемых ими чувств. Ср.: ‘I’m loving it.’ (официальный лозунг сети ресторанов быстрого обслуживания Макдоналдс); ‘I’ve just been invited to Sidney. It’s wonderful – I’ve been wanting to go to Australia for years. [прим. прив. по 13, с. 458]. ‘I’ve been long wanting to tell you...’ (из личной переписки автора с одним из носителей английского языка).

Возвращаясь к вопросу выхода форм длительного аспекта глаголов в целом (а не только стативных глаголов) в новые для них сферы употребления, прежде всего стоит упомянуть совершенно новую функциональную особенность длительной формы, как то передачу «пояснительного» значения (*interpretative use*), при котором происходит расширение базового значения формы длительного аспекта и процессная ситуация представляется как бы «изнутри». По выражению Р. Хаддлстона и Г. Паллума

¹⁰ Almost 65 Million Facebook Users “Like” Things Daily/ All Facebook: The Unofficial Facebook Resource. 2010. URL: <http://www.allfacebook.com/almost-65-million-facebook-users-like-things-daily-2010-07> (дата обращения: 27.11.2010).

«взгляд изнутри соответствует пояснительной функции предложения – подчеркивая процесс, форма длительного аспекта образно замедляет или растягивает (во времени) ситуацию, позволяя сконцентрироваться на пояснении ее содержания» [10, с. 165; перевод автора]. Ср.: ‘When he speaks of apocalypse, however, he is not speaking of it in the literal and popular sense.’ [прим. прив. по 9, с. 328] В приведенном примере вторая часть предложения представляет собой своего рода толкование первой части, что, впрочем, наблюдается и в других многочисленных примерах подобного рода. Ср.: ‘When I said the ‘boss’ I was referring to you.’ [прим. прив. по 4, с. 165] ‘If you pull that lever you will be killing me’ [прим. прив. по 8, с. 77]. Как отмечают Дж. Лич и К. Майер, случаи подобного употребления выводят общее на метакоммуникативный уровень [9, с. 329].

Сюда же можно отнести случаи употребления длительных форм для добавления деталей к описываемой ситуации при ее дальнейшем описании: ‘She went up to the man and looked straight into his eyes. She was carrying a bag full of shopping...’ [прим. прив. по 3, с.4]. ‘King serves to the left hand court and Adams makes a wonderful return. She’s playing magnificent tennis in this match...’ [там же].

В конце концов, употребление длительного аспекта в нехарактерных для него контекстах может выражать нерешительность или вежливость: ‘I am hoping you will come’ [прим. прив. по 11, с. 202]. ‘What were you wanting?’ [там же]. ‘I’ve been meaning to tell you about Andrew. He...’ [прим. прив. по 13, с. 458]. ‘Will you be needing the car this afternoon?’ [там же]. ‘I’ve been hoping you would come’ [прим. прив. по 6, с. 175]. Н. Смит отмечает, что подобная функция длительного аспекта довольно характерна для деловой переписки, и приводит примеры из деловых писем, где употребление длительных форм следует рассматривать как проявление тактичности и вежливости, а отнюдь не как переход на неофициальный стиль общения: ‘I regret to inform you that we will be terminating all our contracts with you as of Monday 22nd of July 1991.’ [12, с. 717]. ‘Following our telephone conversation yesterday, I am writing to confirm that the theatre will be undergoing a reorganisation of staffing following the departure of the Deputy Manager William Brown.’ [там же].

Рассматривая вопрос о переходе длительного аспекта в некоторые нехарактерные для него сегменты глагольной парадигмы, нельзя не коснуться вопроса о радикальных изменениях в парадигме глагольных форм, касающихся проникновения длительного аспекта в формы перфекта пассивного залога (*perfect progressive passive*), а также формы инфинитива в пассивном залоге, являющихся частью составного глагольного сказуемого с модальными глаголами (*modalised passive progressives*). Данные формы встречаются исключительно редко для того, чтобы можно было с уверенностью делать выводы об устойчивости происходящих процессов. При этом наиболее редко встречаются формы перфектно-длительного аспекта в пассивном залоге. К. Майер и Х. Линдквист указывают, что подобная форма на момент проводимого ими исследования не была засвидетельствована ни в одном из известных корпусов английского языка, содержащих по миллиону слов (Brown, Frown, LOB, FLOB, the Wellington Corpus of Written New Zealand English, the Australian Corpus of English). И даже в Британском национальном корпусе английского языка (*British National Corpus*), содержащем в конце XX века около 100 миллионов слов, по свидетельству указанных авторов, был зафиксирован лишь один пример указанной глагольной формы: ‘That er, er, little action has been taken in the last thirty forty years since this has been being discussed, erm, I think the first international

conference erm, produced their own report in nineteen sixty.’ [прим. прив. по 7, с. 99]. Немаловажно отметить, что это был пример записанной неподготовленной речи.

В то же время в языковых источниках последнего десятилетия автором статьи было зафиксировано дальнейшее увеличение случаев употребления форм перфектно-длительного аспекта в пассивном залоге – в одной лишь газете «Financial Times», вышедшей в последнее десятилетие, зафиксировано уже 3 примера подобной формы: ‘He may well have been being catapulted with tomatoes – not the sun-dried kind...’ [Financial Times, 18.06.2010]. ‘Preferred bidders have been being announced like there is no tomorrow...’ [Financial Times, 01.07.2010] ‘Retailers say that this goal had been being undermined by the high price of the alternative.’ [Financial Times, 27.07.2010].

Длительные формы инфинитива в пассивном залоге в комбинации с модальными глаголами встречаются более часто. Как показывают исследования Дж. Лич и К. Майер, данную форму нетрудно найти в корпусных текстовых массивах конца XX века, содержащихся как в Британском национальном корпусе английского языка, так и в других корпусах. Авторы приводят следующие примеры комбинации модальных глаголов с инфинитивом длительного аспекта пассивного залога: ‘... and the seeds of any amount of trouble are sown, the harvest of which may still be being reaped at forty or fifty.’ ‘... a rare state in our stationary process will just as likely be being approached as being departed from.’ ‘So the news that a second park-and-ride route could be being introduced for a trial period at Clifton Moor north of the city should be welcomed...’ [9, с. 330]. Подобные конструкции также приобрели бóльшую распространенность в последнее десятилетие: ‘The flood of credit has raised concerns that a new crop of future bad loans could be being created by the banks’ rush to lend.’ [Financial Times, 30.10.2009]. ‘Brown said he feared that he may be being manipulated.’ [The Times, 29.07.2010]. ‘... has expressed concern that the drug may be being used for its cosmetic benefits rather than treating glaucoma.’ [The Times, 24.11.2007].

Итак, анализ языкового материала показывает, что в течение XX века количество рассмотренных выше глагольных форм перфектно-длительного аспекта в пассивном залоге и длительных форм инфинитива в пассивном залоге в комбинации с модальными глаголами значительно возросло по сравнению с предыдущими периодами, что, по-видимому, отражает общую тенденцию увеличения частотности форм длительного аспекта в языке. С другой стороны, подобное явление можно рассматривать как еще одно подтверждение развития языковой системы в сторону аналитических форм, наряду со следующими изменениями: 1) общая тенденция регуляризации неправильных форм глагола [1, с. 115; 9, с. 122]; 2) постепенная замена синтетических форм сравнения прилагательных аналитическими [1, с. 115]; 3) постепенная регуляризация форм множественного числа заимствованных существительных [там же]; 4) построение отрицательных и вопросительных форм глагола *have* (в своем прямом значении «обладать чем-либо») во времени *Present Simple* по общепринятому для других глаголов образцу (Have you any money? → Do you have any money? и I haven’t any money → I don’t have any money.) [9, с. 122]; 5) Унификация способов построения времени *Future Simple* (отмирание глагола *shall* как маркера будущего времени) [там же], и некоторые другие, описание которых можно найти во многих лингвистических исследованиях последнего времени.

Таким образом, приведенные выше сведения убедительно демонстрируют, что за последнее столетие действительно произошли существенные сдвиги в использовании глагольных форм длительного аспекта как с точки зрения их частотности в языке, так и с точки зрения их функциональных особенностей, что задокументировано в «корпусных» массивах текстов. Как представляется, последующие исследования в данной области должны строиться с учетом более подробного детализирования особенностей функционирования глагольных форм длительного аспекта в нехарактерных для них с точки зрения «нормативной» грамматики контекстах, а также с учетом их зависимости от функциональных стилей и региональных вариантов стандартного английского языка.

Библиографический список

1. Попкова Е. М. Диспозитивные нормы в морфологии современного английского языка // Современные гуманитарные исследования. – 2008. – № 6. – С. 113–117.
2. Biber D., Johansson S., Leech G., Conrad S. & Finegan E. (1999). The Longman grammar of spoken and written English. – London: Longman.
3. Hewings M. Advanced Grammar in Use. Cambridge University Press, 2000.
4. Huddleston R., & Pullum, G. K. (2002). The Cambridge grammar of the English language. – Cambridge: CUP.
5. Jespersen O. A Modern English Grammar on Historical Principles: Volume 4. Syntax (third volume). – Copenhagen: Munksgaard, 1954.
6. Jørgensen Erik. The Progressive Tenses and the So-called 'Non-conclusive' Verbs. English Studies 2 (1991). – P. 173–182.
7. Lindquist H. and Mair C. Corpus Approaches to Grammaticalization in English. – Amsterdam, 2004.
8. Ljung M. Reflections on the English Progressive. Gothenburg Studies in English 46. – Gothenburg: Acta Universitatis Gothoburgensis, 1980.
9. Mair C. and Leech, Geoffrey (2006) Current change in English syntax. In: Aarts, Bas and MacMahon, A., (eds.) The Handbook of English Linguistics. Blackwell. – Oxford. – P. 318–342.
10. Palmer F.R. The English Verb. 2nd edition. Longmans, 1988.
11. Quirk R., Greenbaum S., Leech G. and Svartvik J. A Comprehensive Grammar of the English Language. – London: Longman, 1985. 197–213
12. Smith N. A quirky progressive? A corpus-based exploration of the *will + be + -ing* construction in recent and present day British English / D. Archer, P. Rayson, A. Wilson & T. McEnery (Eds). Proceedings of the Corpus Linguistics 2003 Conference. Lancaster University: UCREL Technical Papers Vol. 16. – P. 714–723.
13. Swan, Michael. Practical English Usage. – Oxford University Press, 2005.

Bibliography

1. Popkov E. M. Discretionary rule in the morphology of contemporary English: Modern Humanities Research. – 2008. – № 6. – С. 113–117.
2. Biber D., Johansson S., Leech G., Conrad S. & Finegan E. (1999). The Longman grammar of spoken and written English. – London: Longman.
3. Hewings M. Advanced Grammar in Use. Cambridge University Press, 2000.
4. Huddleston R., & Pullum, G. K. (2002). The Cambridge grammar of the English language. – Cambridge: CUP.
5. Jespersen O. A Modern English Grammar on Historical Principles: Volume 4. Syntax (third volume). – Copenhagen: Munksgaard, 1954.
6. Jørgensen Erik. The Progressive Tenses and the So-called 'Non-conclusive' Verbs. English Studies 2 (1991). – P. 173–182.
7. Lindquist H. and Mair C. Corpus Approaches to Grammaticalization in English. – Amsterdam, 2004.
8. Ljung M. Reflections on the English Progressive. Gothenburg Studies in English 46. – Gothenburg: Acta Universitatis Gothoburgensis, 1980.
9. Mair C. and Leech, Geoffrey (2006) Current change in English syntax. In: Aarts, Bas and MacMahon, A., (eds.) The Handbook of English Linguistics. Blackwell. – Oxford. – P. 318–342.

10. Palmer F.R. The English Verb. 2nd edition. Longmans, 1988.
11. Quirk R., Greenbaum S., Leech G. and Svartvik J. A Comprehensive Grammar of the English Language. – London: Longman, 1985. 197–213
12. Smith N. A quirky progressive? A corpus-based exploration of the *will + be + -ing* construction in recent and present day British English / D. Archer, P. Rayson, A. Wilson & T. McEnery (Eds). Proceedings of the Corpus Linguistics 2003 Conference. Lancaster University: UCREL Technical Papers Vol. 16. – P. 714–723.
13. Swan, Michael. Practical English Usage. – Oxford University Press, 2005.

ПСИХОЛОГИЯ

УДК 159.923.2

«СИНДРОМ ИСЧЕЗНУВШЕГО БЛИЗНЕЦА» КАК ОДИН ИЗ ПРЕНАТАЛЬНЫХ ФАКТОРОВ ФОРМИРОВАНИЯ ЛИЧНОСТНЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ ЧЕЛОВЕКА

С. С. Дмитриева, Л. Л. Панченко
Морской государственный университет им. Г. И. Невельского,
г. Владивосток, Россия

«VANISHING TWIN SYNDROME»
AS ONE OF THE PRENATAL FACTORS OF FORMATION OF HUMAN
PERSONALITY FEATURES

S. S. Dmitrieva, L. L. Panchenko
Maritime state university, Vladivostok, Russia

Summary. This article is about the vanishing twin syndrome. Scientists have started to speak about this syndrome 20–30 years ago in connection with improvement of methods of super-sonic diagnostics of pregnant women. Different modern psychological researches of this subject are analysed in the article. The material will be interesting to the psychologists working in area perinatal of psychology and psychology of the person.

Keywords: twins, vanishing twin syndrome, personality features.

Интерес исследователей с каждым годом все чаще сосредотачивается на проблемах раннего развития человека. При этом, говоря о личностных особенностях человека, важно понимать, чем они обусловлены. Значительный вклад в понимание детерминации развития человека внесла Теория Вероятностного Эпигенеза Гильберта Готтлиба (2002), которая утверждает, что развитие (в том числе пренатальное) определяется «критическим взаимодействием эндогенных и экзогенных факторов на четырех уровнях (генетическая деятельность, нейрональная деятельность, поведение и окружающая среда). С этой точки зрения функция (опыт, или «функциональная деятельность», или «поведение») влияет на соответствующую структуру. Можно сказать, что там, где происходит развитие, факторы окружающей среды определенно играют свою роль: нет развития без опыта. Таким образом, факторы окружающей среды влияют на развитие еще нерожденного человека «с самого начала» и даже до того, например, через уникальные индивидуальные качества спермы и яйцеклетки, через качество физической и эмоциональной экологии женского тела и т. д. Эта перспектива также применима к анатомии и физиологии, как и к поведению и эмоциональному опыту. Именно пренатальное развитие ясно показывает, что тело и психика неразрывно связаны.

Окружающая среда, особенно в течение определенных чувствительных фаз, может оказать влияние на еще нерожденного человека и, вероятно, на всю его жизнь. Были сделаны удивительные находки в исследованиях «пренатального программирования» хронических заболеваний, таких как сердечно-сосудистые заболевания, повышенное давление, диабет и ожирение. Эксперименты на животных показывают, что плод адаптируется к враждебным условиям окружающей среды, используя свою энергию, в первую очередь, для развития мозга и в гораздо меньшей степени

для развития других телесных функций. В результате это приводит, кроме всего прочего, к меньшему весу при рождении, который рассматривается как симптом неоптимальной пренатальной окружающей среды [13].

На сегодняшний день проведен целый ряд исследований, посвященных теме пренатальных и перинатальных влияний на личность и психофизическое развитие человека. Например, исследования стресса и психотравмирующих ситуаций представляют доказательства того, что не только физические, но также и психологические условия, будучи передаваемыми организмом беременной женщины, влияют на психофизическое развитие ребенка. Долгосрочные исследования показывают, что последствия пренатального стресса и психотравмирующих ситуаций могут быть самые различные. Приведем примеры только некоторых из них. В младенческом возрасте это невропатия, чрезмерная возбудимость и нарушение саморегуляции. В детском возрасте это более раннее появление страхов, снижение адаптивности, недостаточный контроль импульсов, повышенная агрессивность, эмоциональные расстройства, поведенческие нарушения и высокий уровень социальных проблем. Во взрослом это могут быть специфичные страхи, склонность к асоциальному и суицидальному поведению, конфликтность и стремление самоутвердиться, нарушения половой идентификации, поиск помощи извне в ситуации стресса и др. [2, 3, 4, 12]. Ряд этих последствий может оставлять заметный отпечаток на личности человека и, возможно, на всю его последующую жизнь.

Одним из малоизученных, но очень важных пренатальных факторов, влияющих на личностные особенности человека, является «синдром исчезнувшего близнеца». Суть этого синдрома заключается в том, что во время беременности двойней на определенном сроке, как правило, в первом триместре, один из близнецов по ряду причин погибает. В некоторых случаях зародыш вместе с зародышевым мешком абсорбируется в организм матери или близнеца, в других случаях происходит выкидыш, но, так или иначе, теряется только один ребенок из пары [1, 6, 7, 17].

Об этом феномене в психологическом аспекте зарубежные ученые впервые активно заговорили в 80-е – 90-е годы XX века. К этому периоду был накоплен значительный практический опыт «клиент-терапевтических» отношений по данной проблеме, и по мере совершенствования процедур УЗИ, все больше прояснялись и подтверждались подлинные психологические причины возникающих у ряда детей и взрослых психологических затруднений. Отметим, что мнения ученых расходятся в вопросе о том, с какого срока беременности потеря близнеца оказывает влияние на выжившего близнеца. Одни авторы считают, что о последствиях утраты можно говорить только в случае гибели эмбриона после 10–15 недели беременности [15, 17], другие говорят о том, что психологические последствия утраты могут иметь место и до 10–12 недель [7, 16, 17]. В настоящее время споры по этому вопросу продолжаются, и в данном направлении необходимы дальнейшие исследования.

Для того чтобы понять последствия потери близнеца, необходимо понять характер их взаимоотношений. Близнецы имеют сильную привязанность друг к другу. Р. Сэндвисс говорит о том, что связь между ними может быть настолько глубокой и интимной, что она пересекает эмоциональные, психологические, духовные и даже физические границы [16]. Науке известно много фактов, когда близнецы разделены с рождения, но интуитивно знают о существовании брата или сестры. А в случае воссоединения во взрослом возрасте между ними быстро устанавливается высокий уровень интимности, свойственный близнецам, растущим с рождения вме-

сте [9]. Потеря близнеца может вызвать глубокое потрясение. Это может привести к нарушениям идентичности, стратегий выживания, механизмов совладания со стрессом, а также может стать основой эмоциональных и психологических проблем у выжившего близнеца. Ряд психологов утверждают, что выжившие близнецы могут настолько глубоко страдать от потери, что некоторые из них требуют поддержки на протяжении всей жизни [8, 15 и др.].

Дж. Вудвард, психотерапевт из Великобритании, провела обширные исследования потери близнецов в своей клинической практике. Она пришла к выводам, что такого рода потеря может повлиять в целом на личность выжившего близнеца, его способность доверять окружающим, на его эмоциональное состояние, на желание жить [18].

Другой психотерапевт из Великобритании, О. Сэндбэнк, приводит доказательства влияния пренатальных и перинатальных потерь близнеца на личность выжившего. В частности, некоторые из них переживают глубокое чувство утраты без сознательного знания того, что они близнецы [15]. В свою очередь, американская исследовательница К. Дэнис говорит о том, что страх спать в одиночестве, внезапный страх потеряться или быть брошенным, глубокое одиночество, беспокойство, возвращающиеся сны о близнеце, расстройство пищеварения, «голоса», критическая эмоциональная чувствительность, шизофрения и даже раздвоение личности – все это может быть следствием «синдрома исчезнувшего близнеца». Если выживший близнец не знает, что он «безблизнецовый близнец», он не может справиться с этими непонятными эмоциями. Если же он знает о том, что потерял близнеца, то возможности терапии такой травмы очень велики [11].

На основании анализа работ разных авторов можно выделить следующие психологические проявления последствий утраты близнеца в утробе матери: склонность к депрессии, изоляции, одиночеству, чувству вины, чувству незащищенности, тревоге, горю, печали; триада чувств «вина, гнев, страх»; восприятие мира как небезопасного, страх смерти, агрессия по отношению к окружающим; дезориентация, диссоциация, нарушения структур привязанности; сложности идентификации и выстраивания отношений; психосоматические расстройства и др. [7, 9, 10, 11, 14, 15, 16, 17, 18].

По результатам данных исследований мы видим, что выживший близнец может переживать патологическое горе, иметь разного рода эмоционально-личностные нарушения и психосоматические заболевания, что, несомненно, делает очень значимой проблему психологической помощи и поддержки людям, потерявшим близнеца до рождения. Здесь важно принимать во внимание принятое в современной психологии и психотерапии многими авторами мнение о том, что чем раньше в онтогенетическом цикле произошла потеря или травма, тем более глубинные структуры психики она затрагивает. Также необходимо подчеркнуть значимость того, чтобы родители знали об исчезновении одного из своих близнецов и говорили об этом с выжившим ребенком. Для этого необходима комплексная систематическая работа по психологизации современного общества.

Библиографический список

1. За рубежом. – № 7. (1440). – 1988.
2. Забозлаева И. В., Козлова М. А., Чернышева Л. В. Влияние психотравмирующих ситуаций во время беременности на дальнейшее развитие ребенка // Перинатальная психология и нервно-психическое развитие детей; Сборник материалов межрегиональной конференции. – Спб., 1998.

3. Захаров А. И. Влияние перинатального опыта на развитие страхов у детей // Перинатальная психология и нервно-психическое развитие детей: сборник материалов межрегиональной конференции. – Спб., 1998.
4. Кренц, И. Кренц Х. Пренатальные отношения: размышления об этиологии расстройств личности // Психотерапия: Ежемесячный рецензируемый научно-практический журнал. – 2003. – № 8. – С. 25–34.
5. Лившиц В. М. Перинатальная психология // Научная и популярная психология: история, теория, практика URL: <http://www.psychology-online.net/link.php>. (дата обращения 20.12.2009).
6. Лонгитюдное генетическое исследование показателей IQ у близнецов 5–7 лет // Вопросы психологии. – № 4. – 1997.
7. Babcock B. H. (2009). *My twin vanished: did yours?* USA, Tate Publishing&Enterprises, LLC.
8. Boklage C. (1981). *Twin Research 3: Twin Biology and Multiple Pregnancy*, pp 155–165. On the Timing of Monzygotic Twinning Events.
9. Brandt, W. (2001). *Twin loss: a book for survivor twins*. Leo, IN: Twinsworld.
10. Case, B. (2001). *Living without your twin*. – Portland, OR: Tibbutt.
11. Dennis Caryl, (1997), Whitman Parker. *The Millennium Children:Tales of the Shift*.
12. Huizink A. (2000). *Prenatal stress and its effect on infant development*. Unpublished doctoral thesis: <http://www.library.uu.nl/digiarchief/dip/diss/1933819/inhoud.htm>.
13. Nathanielsz PW. *Life in the womb: The origin of health and disease*. Ithaca, New York: Promethean Press, 1999.
14. Piontelli, A. (2002). *Twins: From fetus to child*. – London: Routledge.
15. Sandbank A. (1999). *Twin and Triplet Psychology: Multi-Professional Guide to Working with Multiples*. – London: Routledge.
16. Segal, N., & Blozis, S. (2002). Psychobiological and evolutionary perspective on coping and health characteristics following loss: A twin study. *Twin Research*, 5(3), 175-187.
17. What Are the Rates and Mechanisms of First and Second Trimester Pregnancy Loss in Twins? // *Clinical Obstetrics and Gynecology*: March 1998. – Volume 41. – Issue 1. – pp 37–45.
18. Woodward, J. (1999). *The lone twin: Understanding twin bereavement and loss*. – London: Free Association Books.

Bibliography

1. *Abroad*. – № 7. (1440). – 1988.
2. Zabozaeva I. V., Kozlova M. A., Chernysheva L. V. Influence of stressful situations during pregnancy on the further development of the child / *Perinatal psychology and neuro-psychological development of children*, Proceedings of the Interregional Conference. – Spb., 1998.
3. Zakharov A. I. Effect of prenatal experience on the development of fears in children // *Perinatal psychology and neuro-psychological development of children: Proceedings of the Interregional Conference*. – Spb., 1998.
4. Krenz, I. Krenz H. Prenatal Relations: Reflections on the etiology of personality disorders / *Psychotherapy: A monthly peer-reviewed scientific journal*. – 2003. – № 8. – P. 25–34.
5. Livshits V. M. *Perinatal Psychology / academic and popular psychology: History, Theory and Practice* URL: <http://www.psychology-online.net/link.php>. (Date accessed 12/20/2009).
6. Longitudinal genetic study of performance IQ in twins 5–7 years // *Questions of psychology*. – № 4. – 1997.
7. Babcock B. H. (2009). *My twin vanished: did yours?* USA, Tate Publishing&Enterprises, LLC.
8. Boklage C. (1981). *Twin Research 3: Twin Biology and Multiple Pregnancy*, pp 155–165. On the Timing of Monzygotic Twinning Events.
9. Brandt, W. (2001). *Twin loss: a book for survivor twins*. Leo, IN: Twinsworld.
10. Case, B. (2001). *Living without your twin*. – Portland, OR: Tibbutt.
11. Dennis Caryl, (1997), Whitman Parker. *The Millennium Children:Tales of the Shift*.
12. Huizink A. (2000). *Prenatal stress and its effect on infant development*. Unpublished doctoral thesis: <http://www.library.uu.nl/digiarchief/dip/diss/1933819/inhoud.htm>.
13. Nathanielsz PW. *Life in the womb: The origin of health and disease*. Ithaca, New York: Promethean Press, 1999.
14. Piontelli, A. (2002). *Twins: From fetus to child*. – London: Routledge.

15. Sandbank A. (1999). *Twin and Triplet Psychology: Multi-Professional Guide to Working with Multiples*. – London: Routledge.
16. Segal, N., & Blozis, S. (2002). Psychobiological and evolutionary perspective on coping and health characteristics following loss: A twin study. *Twin Research*, 5(3), 175-187.
17. What Are the Rates and Mechanisms of First and Second Trimester Pregnancy Loss in Twins? // *Clinical Obstetrics and Gynecology*: March 1998. – Volume 41. – Issue 1. – pp 37–45.
18. Woodward, J. (1999). *The lone twin: Understanding twin bereavement and loss*. – London: Free Association Books.

УДК 159.923+17.022.1: 316.6

ЦЕННОСТНАЯ СИСТЕМА ЛИЧНОСТИ – ВЫСШИЙ УРОВЕНЬ СОЦИАЛЬНОЙ РЕГУЛЯЦИИ

Д. В. Ефимова

**Пензенская государственная технологическая академия,
г. Пенза, Россия**

VALUABLE SYSTEM OF THE PERSON – THE HIGHEST LEVEL OF SOCIAL REGULATION

D. V. Efimova

Penza state Technological Academy, Penza, Russia

Summary. In article the sight on valuable system of the person as a highest level of public regulation is submitted. Three basic are considered a component of system valuable orientations of the person: (1) cognitive, (2) emotional, (3) behavioral. It is determined, that mastering of values of culture is process of acceptance of public experience of the individual. Actualization valuable orientations of the person in interpersonal dialogue are connected to filling by the concrete contents of its motivational semantic sphere. Valuable orientations of the person act as means of a choice and selection of social and cultural forms of dialogue, adjust mutual relation of the individual with group, a society, promote its self-realization. Features of display of mentality on super ethnic, but also at a sub ethnic level are considered. The author asserts, that universal values integrate in themselves system of values and valuable orientations of the person and the national states. This position is caused by that, that by virtue of increase of interdependence between all peoples national values can not be high-grade and even are impossible without taking into account universal.

Keywords: valuable system, person, cognitive, emotional, behavioral.

Система ценностей выступает как интегрированная основа культуры, отдельной личности, социальной группы, нации, всего человечества. Разрушение ценностной основы рассматривается как кризис личности, общества, культуры. Ни одна из национальных культур не смогла искоренить различие темпераментов, но способствовала формированию стереотипов восприятия национальных характеров. Ценности – важнейшие компоненты человеческой культуры наряду с нормами и идеалами. Их существование укоренено в экзистенциальной активности субъекта культурного творчества, его диалоге с другими людьми, ориентированном не только на область сущего, но и на значимое, нормативно должное [4, с. 141].

С изменением общественных отношений происходит переоценка ценностей. В рамках той или иной концепции у человека формируется определенный набор ценностных ориентаций, иерархическая структура, которая динамична, ценности выступают как интегративная основа как для отдельно взятого индивида, так и для любой, независимо от ее количественного состава, социальной группы, культуры, нации, всего человечества. Разрушение ценностной основы связано с кризисом как отдельно взятой

личности, так и общества, культуры, но не с окончательной гибелью, а ее возрождением через обновление ценностей и преобразование старых. Тем не менее, ценностная система личности выступает в качестве высшего уровня социальной регуляции.

Ценностные ориентации человека выступают как цементирующее основание в поведении людей, обеспечивающее их взаимодействие и определяющие социальные и культурные интересы личности.

Изучая социальные и культурные ценности в процессе развития различных культур, многие исследователи пришли к выводу: понимание культуры вне соответствующей ценностной системы невозможно. Так, Д. Ли в разных культурах различает ценности вообще (a value) и ценности конкретной культуры (system of values). Первые ценности, по его мнению, воспринимаются как некоторое ощущение значимости и осмысления ситуации и не всегда осознаваемое руководство к действию, а вторые служат основой для индивидуального выбора и ценностных суждений. Но существует и такая точка зрения, согласно которой некоторые элементы культуры в форме культурных архетипов, связанных с менталитетом, все же наследуются генетически.

«Отрицательных ценностей» нет и, следовательно, определение культуры посредством термина «ценностей» является узким и односторонним. Между тем в понятии «ценности» заключен не только позитивный смысл. Наряду с положительными ценностями существуют ложные ценности, ценности абсурдные, псевдоценности и антиценности и т. д.

Развитие культуры и приращение новых ценностей проходит через плотное сито традиций. В ходе такого отбора ценностей, основанном на длительной их адаптации к господствующим культуuroобразующим компонентам, формируется ядро культуры, основное содержание которого передается от поколения к поколению и остается неизменным. Благодаря такой консервативности, каждая отдельно взятая культура имеет свое лицо, свою ценностную определенность и неповторимость.

Существуют многочисленные типологии ценностей. Так, согласно одной из них, ценности подразделяются на четыре категории. К первой группе относится ценностная способность вещей и идей выступать средством удовлетворения потребностей человека или социальной группы; вторая группа составляет значимость вещей и идей для жизнедеятельности субъекта; третья группа связывается со специальной формой проявления ценностного отношения между субъектом и объектом; специфика четвертой группы определяется посредством ценностных форм индивидуального и общественного сознания, выступающих в виде идеалов, норм, побуждений и т. д. Усвоение личностью этих ценностей включает в себя два момента. Во-первых, объектно-содержательный, когда субъект осознает и выделяет себя как личность, а ценности обуславливают определенное «видение» окружающей действительности, в основе которого лежит установка, готовность к восприятию «значимой» действительности. Во-вторых, субъектно-содержательный момент усвоения ценностей, с которым связывается их отбор и выбор, формирование внутренней системы ценностных ориентаций личности.

Система ценностных ориентации личности включает три компонента: 1) когнитивный, или познавательный, который связан с выражением взглядов, мнений, интересов, убеждений личности; 2) эмоциональный, характеризующийся степенью значимости ценностей; 3) поведенческий, отражающий готовность к тому или иному виду действия. Их усвоение и содержание зависят от типа личности (биогенетической основы и социа-

лизации). В усвоении тех или иных ценностей человек проявляет избирательность, что обусловлено его психосоциальной природой и системой уже сложившихся ценностей определенной культуры. Фактически усвоение ценностей культуры есть процесс социализации индивида, способ адаптации личности.

Культура представляет собой динамическую систему. При относительной устойчивости отдельных ее элементов происходят те или иные изменения в ходе ее развития. Наиболее изменчива система традиционных ценностей, что проявляется в приращении новых культурных ценностей, отбрасывании некоторых «старых ценностей». Ценностные ориентации личности тоже динамичны, их устойчивость относительна. Так, изменение общественных отношений приводит к переоценке ценностей. Много из того, что считалось абсолютным и непреложным, зафиксированным в культуре в форме ценностных идеалов, культурных стереотипов, видоизменяется и проявляется в формировании новых ценностных ориентаций личности. Более устойчивые ценностные ориентации личности связаны с усвоением традиционных ценностей культуры в виде общечеловеческих ценностей, относящихся к уровню «высокой культуры». Менее устойчивые, меняющиеся ценностные ориентации личности связаны с усвоением новых культурных образований, относящихся к уровню массовой культуры («низовой культуры»).

Таким образом, некоторые особенности и функции ценностно-смысловой организации сознания каждой отдельной личности, проявляющиеся в различных типах коммуникационных воздействий (внешних и внутренних), присущи любой культуре и определяют ее ценности, будь то предмет материальной или духовной культуры, ее включенность в социально-коммуникативный процесс, в процессе общей жизнедеятельности человека.

Итак, актуализация ценностных ориентаций личности в межличностном общении связана с наполнением конкретным содержанием его мотивационно-смысловой сферы. Ценностные ориентации личности выступают как средство выбора и отбора социальных и культурных форм общения, регулируют взаимоотношения индивида с группой, обществом, способствуют ее самореализации.

Если социальные ценностные ориентации этнических общностей кристаллизуются, прежде всего, в религиозных верованиях, то возникает вопрос о том, в каком соотношении находятся понятия «менталитет» и «религия»? Как нам представляется, выбор религии опосредован влиянием тех ментальных структур общественного сознания этнических общностей, образование которых есть результат воздействия природных и социокультурных факторов. Религия же, став фактором этнического сознания, во многом определяет такой элемент менталитета, как социальный контекст. Естественно, принятие христианства тогдашней Русью не было безболезненным актом. Так, например, в Новгороде сохранилась легенда о введении там христианства епископом Иоакимом Корсунянином и княжескими воеводами Добрыней и Путятой, когда «Путята крестил мечом, а Добрыня огнем» [6, с. 18]. Таким образом, принятие христианства Киевской Русью, мы считаем, во многом было предопределено особенностями менталитета той этнической общности, которая составляла ее население. Но, если рассматривать роль православия по отношению к этнической общности, образовавшейся в Московской Руси (великороссам), то нам представляется, что именно тогда этот социокультурный ген выполнил, по выражению И. Экономцева, роль «духовной закваски русского этногенеза»

[8, с. 163]. Особенно заметно это проявилось в период татаро-монгольского правления, когда православие было основным этноконсолидирующим фактором. Митрополит был религиозным представителем «всех Руси» гораздо раньше, – отмечал П. Н. Милюков, – чем московский князь сделался ее политическим представителем [2, с. 35].

Если мы признаем, что православие играло роль «духовной закваски этногенеза русского народа», то закономерным представляется вопрос о том, в какой степени ценности, укорененные в православии, являются этническими? В данном случае, видимо, следует иметь в виду то, что, воспринимаясь этнической общностью, формируя ее в известной степени, религия и ценности, постулируемые ею, претерпевают модификацию, адаптируются в соответствии с особенностями менталитета и конкретными историческими и социокультурными условиями. Как известно, не всё население Древней Руси стало приверженцами православия. Часть из них приняла католицизм. Чем это было вызвано? Видимо, не только исторической ситуацией, но и особенностями менталитета различных групп формирующейся этнической общности. Православие – это не столько совокупность догматических формулировок, канонов и обрядов, сколько определенный строй духовной жизни, духовный такт и даже «вкус». Православие, по мнению Л. Н. Гумилева, являлось основным объединяющим фактором российского суперэтноса, причем не только как религия, но и как ментальность. К российскому суперэтносу, название, которому дали русские, Л. Н. Гумилев относил финно-угорские народы Восточной Европы: карелов, вепсов, зырян (коми), мордву, удмуртов, а также православных украинцев, чувашей и множество сибирских народов, включая алеутов. Единство данной суперэтнической группы поддерживалось во многом степенью близости их систем социальных ценностных ориентации, которые были сформированы в русле православной традиции.

Особенности менталитета проявляются не только на суперэтническом, но и на субэтническом уровне. Многие поведенческие реакции человека, его общечеловеческие принципы своим исходным началом имеют созданные естественным отбором врожденные запреты. Один из основных запретов у очень многих видов «не убей своего». Для различения своих и чужих, следовательно, должна быть программа. У хорошо вооруженных природой животных есть запреты применять смертоносное оружие или убийственный прием в драке со своим. Человек от природы вооружен слабо, поэтому и врожденные ограничения у него слабы. Компенсацией этому могут быть только культурные факторы. Четко выражен запрет в мире животных: не бей того, кто принял позу покорности (у людей: не бей лежащего; повинную голову меч не сечет). Человек есть часть природы. Действие ее законов отчасти распространятся и на него. В своих фундаментальных проявлениях законы природы действуют одинаково на всей планете. Значит ли это, что основные социальные ценностные ориентации человека в главных своих духовных проявлениях совпадают, и тогда вопрос об особых социальных ценностях этнических общностей, если рассматривать природный аспект их детерминации, является неправомерным? Видимо, верным будет то, что человечество имеет совпадающие основные социальные ценности. Различия, на наш взгляд, будут заключаться в иерархии этих ценностей и степени их выраженности. Мысль о том, что истоки нравственности надо искать в самом человеке, высказывалась русскими философами и ранее. К. Г. Юнг утверждал, что мораль не была ниспослана свыше в форме синайских скрижалей и навязана народу, а напротив, мораль есть функция человеческой души, и стара, как само человечество. По-

терявшему контакт с природой и во многом лишившемуся корней «естественной нравственности» человеку «понадобилось сохранить от забвения прежние нравственные нормы, записать и проповедовать их в назидание как предостережение против выбора иных жизненных установок», – считает Ю. Салин. Безусловно, во всех системах существуют нравственные нормы, представляющие ценностные ориентации для социальных общностей, разделяющих их. «Преодоление собственной алчности, любовь к ближнему, поиск истины (в отличие от некритического знания фактов) – вот цели, общие всем гуманистическим системам Запада и Востока», – отмечал Э. Фромм [7, с. 287].

Религиозные и философские системы призваны обеспечить духовный базис для выживания человечества и составляющих его этнических групп в новых, несомненно более сложных условиях. Ограниченность действия ценностных установок локальных культур К. Г. Юнг определял следующим образом: «Моральные законы имеют силу лишь внутри группы живущих совместно людей. За ее пределами их действие прекращается. Вместо них там действует старая истина: «человек человеку – волк». С развитием культуры удается подчинить все большее количество людей власти одной и той же морали, хотя до сих пор не удалось добиться господства морального закона даже и за пределами границ сообществ, то есть в свободном пространстве сообществ, независимых друг от друга. Там с древних времен господствуют бесправие, распушенность и вопиющая безнравственность, о чем вслух говорят лишь враги» [9, с. 56]. Видимо, недостаточной зрелостью человечества можно объяснить существующее и поныне деление на внешнюю и внутреннюю мораль.

Кризис, который переживает наше общество, есть отражение духовного кризиса, переживаемого человечеством в настоящее время. Данное обстоятельство понимается все большим количеством людей. Способом существования человеческого рода является этническая общность. Разрушение этнической целостности какой-либо общности это обеднение рода человеческого в целом.

Но могут ли ценности, определяемые западным менталитетом (индивидуализм, прагматизм, утилитаризм, техницизм и активизм) рассматриваться в качестве общезначимых культурных мотиваций для всего человечества? Такие выдающиеся западные философы, как К. Ясперс, М. Хайдеггер, А. Камю, Х. Ортега-и-Гассет, Э. Фромм считали, что названные ценности ведут к обесцениванию духовных и этических начал человеческого существования, к смыслоутрате и дегуманизации самого человека. Как нам представляется, в современный век ни одна социокультурная система не может оставаться самодостаточной, так как ничье автономное существование сегодня в принципе невозможно. Следовательно, человечество должно, исходя из своих общих ментальных основ, согласиться с тем, что высшими ценностями являются те, что позволяют сохранить нашу планету в состоянии, которое бы обеспечивало развитие на ней всего живого, без утраты качественного своеобразия. «Многокрасочность» мира нужна не сама по себе, а как возможность человечества находить внутри себя элементы, позволяющие стать основой для выживания (адаптации) на каждом из исторических витков спирали. Локальные цивилизации не являются искусственными образованиями, они есть результат адаптации, развития этносов, этнических групп на достаточно длительном историческом отрезке времени. Правомерной, на наш взгляд, является постановка вопроса о необходимости соотнесения воспроизводства этносов, цивилизаций, как части воспроизводства человечества и экосистемы в целом.

Ценности как интериоризованные в сознании личности нормы и правила общества представляют собой результат действия различных механизмов социализации (инкультурации), под воздействием которых человек оказывается с самого рождения. Так рассуждает об этом В. В. Столин в своей работе «Самосознание личности»: «Культура первоначально не выступает для ребенка абстрактно, она проявляется для него в конкретном общении, в живой совместной деятельности, в виде образцов поведения других людей, их стремлений и ценностей, их отношений между собой и к ребенку, их действий <...> Приобщаясь к конкретным людям в конкретных отношениях и уподобляясь им, ребенок в то же время приобщается к культуре вообще. Однако разные люди несут в себе разные взгляды, ценности, способы жизни, поэтому, приобщаясь к одним, он одновременно и дифференцируется от других людей» (Столин В. В., 1983, с. 184).

Будучи внутренними регуляторами поведения, ценности, как интериоризованные нормы играют существенную роль во взаимодействии этносов. Ценности относятся к важнейшим параметрам этнической группы и формируются «на основании выработки определенного отношения к социальным явлениям, продиктованным местом данной группы в системе общественных отношений, ее опытом в организации определенной деятельности» [1, с. 147]. Следовательно, если кросс-культурная специфика ценностей этнической группы определяется ее уникальным опытом жизнедеятельности, продукт этой деятельности ценности культуры несет в себе в определенной мере сакральный смысл для общности, его создавшей.

Подтверждается тот факт, что общечеловеческие ценности есть нечто трансцендентное по отношению к самосознанию, которое должно признать эти ценности и следовать им. Общечеловеческие ценности интегрируют в себе систему ценностей и ценностных ориентаций личности и национальных государств. Это положение обусловлено не только тем, что по природе своей общечеловеческие ценности являются высшей ступенью в иерархии социальных ценностей, а прежде всего тем, что в силу возрастания взаимозависимости между всеми народами национальные ценности не могут быть полноценны и даже невозможны без учета общечеловеческих.

Библиографический список

1. Андреева Г. М. Социальная психология. – М.: Аспект Пресс, 1999. – 429 с.
2. Байбаков А. М. Модель развития толерантности старшего подростка как ориентир в педагогическом целеполагании // <http://boritko.nm.ru/papers/subject2/baibakov.html>.
3. Карсавин Л. П. Восток, запад и русская идея // Русская идея. – М.: Республика, 1992. – С. 322.
4. Лихачев Б. Т. Методы воспитания в системе целостного педагогического процесса и психологическое воздействие // Психологический журнал. – 1987.– № 4. – С. 141–146.
5. Ничипоров Б. В. Введение в христианскую психологию: Размышления священника-психолога. – М.: Школа-Пресс, 1994. – С. 31.
6. Русское православие: веки истории / науч. ред. А. И. Калибанов. – М., Политиздат, 1989. – С. 18.
7. Фромм Э. Психоанализ и этика. – М.: Республика, 1993. – С.287.
8. Экономцев И. Православие. Византия. Россия. – М.: Христианская литература, 1992. – С. 163.
9. Юнг К. Г. Психология бессознательного. – М.: Канон, 1994. – С. 56–57.

Bibliography

1. Andreeva G. M. Social Psychology. – Moscow: Aspekt Press, 1999. – 429 p.

2. Baibakov A. M. Model of tolerance older teenager as a landmark in the pedagogical goal setting //http://boritko.nm.ru/papers/subject2/baibakov.html.
3. Karsavin L. P. East, West and the Russian idea / Russian idea. – Moscow: Republic, 1992. – P. 322.
4. Likhachev B. T. Methods of education in the holistic educational process and the psychological impact / Psychological Journal. – 1987. – № 4. – P. 141–146.
5. Nichiporov B. V. Introduction to Christian Psychology: Reflections of a priest-psychologist. – M.: School Press, 1994. – P. 31.
6. Russian Orthodoxy: Milestones in the history / scient. ed. A. I. Calibanov. – M., Politizdat, 1989. – P. 18.
7. Fromm E. Psychoanalysis and ethics. – Moscow: Republic, 1993. – P. 287.
8. Ekonomtsev I. Orthodoxy. Byzantium. Russia. – Moscow: The Christian literature, 1992. – P. 163.
9. Jung, C. G. Psychology of the unconscious. – Moscow: Canon, 1994. – P. 56–57.

УДК 159.937+159.922.736.4:373:376+316.356.2

ИССЛЕДОВАНИЕ ВОСПРИЯТИЯ И ПЕРЕЖИВАНИЙ ОТНОШЕНИЙ В СЕМЬЕ У ПОДРОСТКОВ 5–9 КЛАССОВ ИЗ КОРРЕКЦИОННОЙ ШКОЛЫ VII ВИДА И ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ШКОЛЫ

Д. В. Ефимова

**Пензенская государственная технологическая академия,
г. Пенза, Россия**

RESEARCH OF PERCEPTION AND EXPERIENCES OF ATTITUDES IN FAMILY AT TEENAGERS OF 5–9 GRADES FROM CORRECTIONAL SCHOOL OF VII KIND AND THE COMPREHENSIVE SCHOOL

D. V. Efimova

Penza state Technological Academy, Penza, Russia

Summary. Search of new model of public education of the person in the open social environment has designated one of problems formation of an optimum level of tolerance. The optimal place for formation of the tolerant relation, in our opinion is the family. In article results of diagnostics with application of a technique «Figure of family» on schoolboys of 5–9 grades from correctional school of VII kind with the diagnosis are given: a delay of mental development and schoolboys from the usual comprehensive school, developing in norm which have allowed to establish: the degree of development of graphic culture during drawing; features of a mental, physical status of the child during drawing; features of attitudes inside family and emotional state of health of the child; the general picture of perception and experiences by the child of attitudes in family. At the comparative statistical analysis of results reliability of differences under factors considered in a technique is determined.

Keywords: education, tolerance, correctional school.

Статистические данные свидетельствуют об ухудшении состояния семьи. Демографы фиксируют катастрофическое падение рождаемости, социологи отмечают рост числа асоциальных семей и предсказывают снижение жизненного уровня, падение нравственных устоев семейного воспитания.

Важность семьи как института воспитания обусловлена тем, что в ней ребенок находится в течение значительной части своей жизни, и по длительности своего воздействия на личность ни один из институтов воспитания не может сравниться с семьей. В ней закладываются основы личности ребенка, и к поступлению в школу он уже более чем наполовину формируется как личность.

Семья может выступать в качестве как положительного, так и отрицательного фактора воспитания. Положительное воздействие на личность ребенка состоит в том, что никто, кроме самых близких для него в семье людей – матери, отца, бабушки, дедушки, брата, сестры – не относится к ребенку лучше, не любит его так, и не заботится столько о нем. И, вместе с тем, никакой другой социальный институт не может нанести столько вреда при воспитании детей, сколько семья.

Непростая ситуация, в которой оказалось наше общество, потребовала поиска новой модели общественного воспитания толерантной личности в открытой социальной среде. Особая воспитательная роль отводится именно семье. Это обусловлено ее глубоким влиянием на весь комплекс физической и духовной жизни растущего в ней человека. Семья для ребенка является одновременно и средой обитания, и воспитательной средой.

Главное в воспитании маленького человека – достижение душевного единения, нравственной связи родителей с ребенком. Родителям ни в коем случае не стоит пускать процесс воспитания на самотек и в более старшем возрасте, оставлять повзрослевшего ребенка наедине самим с собой.

Именно в семье ребенок получает первый жизненный опыт, делает первые наблюдения и учится, как себя вести в различных ситуациях. Очень важно, чтобы то, чему мы учим ребенка, подкреплялось конкретными примерами, чтобы он видел, что у взрослых теория не расходится с практикой.

В рамках осуществляемого диссертационного исследования нами было проведено исследование восприятия и переживаний отношений в семье у подростков 5–9 классов из коррекционной школы VII вида и общеобразовательной школы с помощью методики «Рисунок семьи» (В. Хьюлс, А. И. Захарова, Л. Корман).

В исследовании участвовали более 200 учащихся: школьники 5–9 классов из коррекционной школы VII вида с диагнозом: задержка психического развития (ЗПР) и школьники из общеобразовательной школы, развивающиеся в норме (НПР).

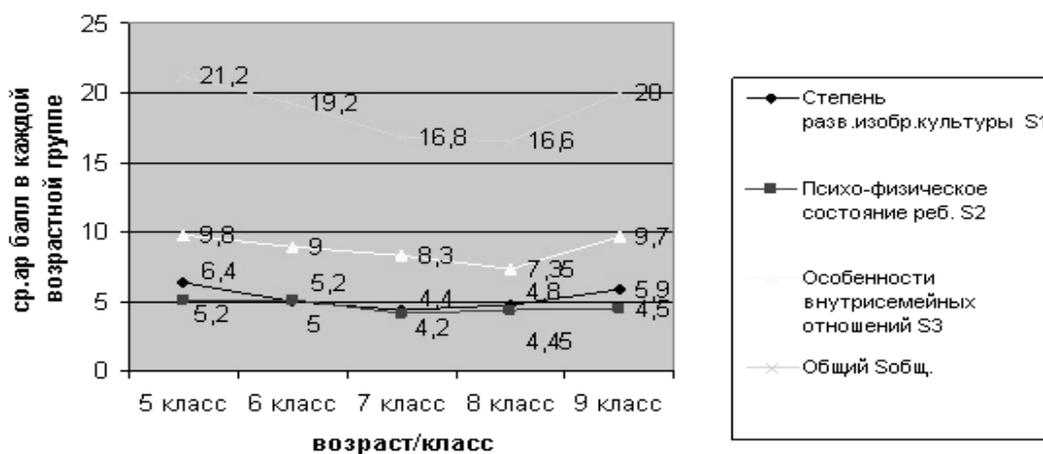

Рис. 1. Показатели средних арифметических по методике «Рисунок семьи» (оценка особенностей восприятия и переживаний ребенком отношений в семье) у подростков с ЗПР разных возрастов (5–9 классы)

Анализ результатов данной методики (см. рис 1, 2) выявил следующее.

У подростков с диагнозом ЗПР степень развития изобразительной культуры во время рисования имеет наивысший показатель в 5-м классе и снижается к 7-му классу. Психофизическое состояние ребенка незначительно снижается в 7-м классе. Особенности внутрисемейных отношений и эмоциональное самочувствие ребенка ухудшаются в 8-м и 9-м классе. Общее восприятие и переживания ребенком отношений в семье наиболее обострены в 7-м и 8-м классе, а в 9-м классе показатели возвращаются на более высокий уровень – 5-го класса.

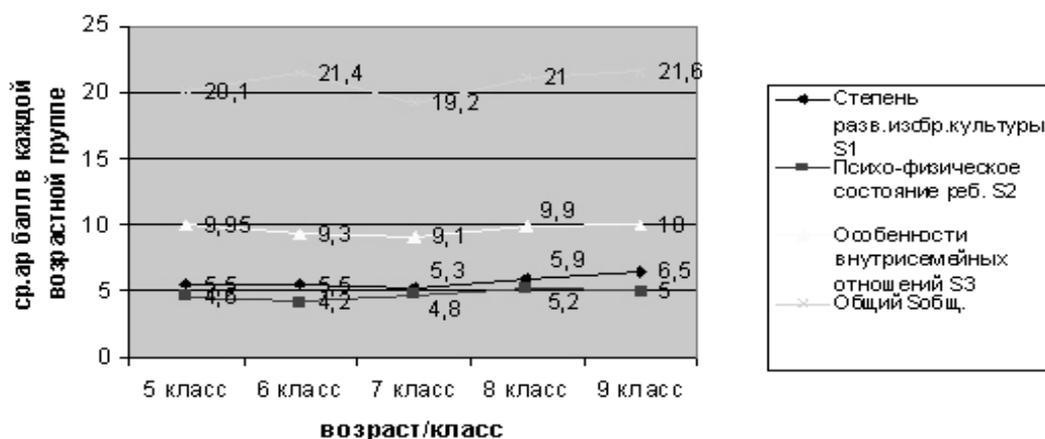

Рис. 2. Показатели средних арифметических по методике «Рисунок семьи» (оценка особенностей восприятия и переживания ребенком отношений в семье) у подростков с НПР разных возрастов (5–9 классы)

У группы подростков с НПР степень развития изобразительной культуры во время рисования имеет прогрессирующий характер и возрастает к 9-му классу. Психофизическое состояние ребенка незначительно снижается в 6-м классе. Особенности внутрисемейных отношений и эмоциональное самочувствие ребенка незначительно ухудшаются в 6-и и 7-м классе. Общее восприятие и переживания ребенком отношений в семье наиболее чувствительны в 7-м классе, а в 9-м классе показатели поднимаются на самый высокий уровень.

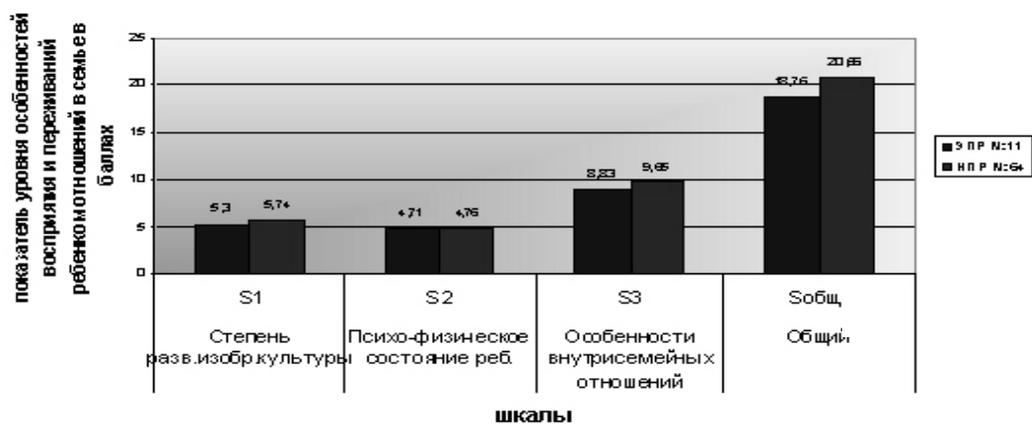

Рис. 3. Показатели средних арифметических по методике «Рисунок семьи» (оценка особенностей восприятия и переживания ребенком отношений в семье) у подростков из школ ЗПР и НПР разных возрастов (5–9 классы)

Сравнительный анализ учащихся с ЗПР и с НПР (рис. 3) позволил определить отличия: у учащихся с НПР более развита степень развития изобразительной культуры, выше показатели по шкале «Особенности внутрисемейных отношений», что свидетельствует о более теплой атмосфере в семье. Применение математической статистики (критерий Стьюдента) позволило обнаружить достоверность отличий между выборочными средними.

При сравнении результатов учащихся 5-х классов с ЗПР и НПР обнаружена достоверность отличий по фактору «Степень развития изобразительной культуры во время рисования» (0,0146).

При сравнении результатов учащихся 6-х классов с ЗПР и НПР выявлены отличия по факторам «Степень развития изобразительной культуры во время рисования» (0,0039) и «Особенности психофизического состояния ребенка во время рисования» (0).

При сравнении результатов учащихся 7-х классов с ЗПР и НПР выявлены отличия по факторам: «Степень развития изобразительной культуры во время рисования» (0,0085); «Особенности психофизического состояния ребенка во время рисования» (0,0006); «Особенности внутрисемейных отношений и эмоциональное самочувствие ребенка» (0,0355) и «Общий балл восприятия и переживаний ребенком отношений в семье» (0,0033).

При сравнении результатов учащихся 8-х классов с ЗПР и НПР выявлены отличия по факторам: «Степень развития изобразительной культуры во время рисования» (0); «Особенности психофизического состояния ребенка во время рисования» (0,0058); «Особенности внутрисемейных отношений и эмоциональное самочувствие ребенка» (0) и «Общий балл восприятия и переживаний ребенком отношений в семье» (0).

При сравнении результатов учащихся 9-х классов с ЗПР и НПР выявлены отличия по факторам: «Степень развития изобразительной культуры во время рисования» (0,0309); «Особенности психофизического состояния ребенка во время рисования» (0,0091) и «Общий балл восприятия и переживаний ребенком отношений в семье» (0,0044).

Таким образом, можно сделать вывод, что семья играет огромную роль в полноценном развитии детей и подростков, и что на сегодняшний день именно в семье могут и должны закладываться основы толерантного поведения, способствующего благоприятной адаптации детей и подростков в социуме.

Библиографический список

1. Гуров В. Н. Семья и школа: деятельностные взаимоотношения // Педагогика. – № 7. – 1992.
2. Павлов Б. С. Матери. Отцы. Дети. – М., 1984.
3. Яновская М. Г. Эмоциональные аспекты нравственного воспитания. – М., 1979.

Bibliography

1. Gurov V. N. Family and school: activity relationships // Pedagogy. – № 7. – 1992.
2. Pavlov B. S., Mothers. Fathers. Children. – M., 1984.
3. Yanovskaya M. G. Emotional aspects of moral education. – M., 1979.

ВЛИЯНИЕ НАРУШЕНИЙ ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ СЕМЬИ НА СОЦИАЛЬНУЮ ДЕЗАДАПТАЦИЮ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Л. В. Попова

Государственный университет управления, г. Москва, Россия

EFFECT OF VIOLATIONS OF FUNCTIONAL FAMILY STRUCTURE FOR MINORS SOCIAL MALADJUSTMENT

L. V. Popova

State University of Management, Moscow, Russia

Summary. An important characteristic of the family is its functional structure. Under the functions of the family understand the direction of its activity, expressing the essence of the family, her social status and social role. The article describes the experience of working on the identification of social maladjustment of children under the influence of impaired functional structure of the family.

Keywords: functions of the family, socialization, maladjustment, antisocial behavior, character accentuation.

Важной характеристикой семьи является ее функциональная структура. Под функциями семьи понимают направления ее деятельности, выражающие сущность семьи, ее социальный статус и социальную роль. Во всех обществах семья развивается как институциональная структура, призванная решать определенные социальные задачи. Основной функцией любого института является удовлетворение социальных потребностей, ради чего он был создан и существует.

Система функций семьи является отражением взаимосвязей двоякого рода. Семья как первичная ячейка общества – социальная, демографическая, экономическая и биологическая – тесно связана с другими элементами существования общественной системы. Общество влияет на семью, формирует определенный уклад жизни, а семья оказывает обратное воздействие на социальную организацию общества.

Поэтому проблема функций семьи в значительной степени есть проблема взаимосвязи и взаимодействия семьи и общества. Эти взаимосвязи могут быть самыми разнообразными, что определяется многочисленными индивидуальными (на уровне семьи) факторами и обстоятельствами.

В более широком определении под функцией семьи понимается свойство той или иной системы; в более узком смысле под функциями понимается определенное действие системы по реализации ее потребностных установок.

Общепринятой классификации семейных функций нет, однако между ними существует взаимосвязь и взаимодополняемость. К основным функциям семьи (по Харчеву А. Г., Мацковскому М. С.) относятся следующие:

1. Репродуктивная – воспроизводство в детях численности родителей. Семья – основной институт, ответственный за воспроизводство новых членов общества.
2. Воспитательная – (удовлетворение потребности людей в любви, материнстве, отцовстве, супружестве, личном счастье). Семья – необходимое условие для нормального развития детей (общественное сознание не может заменить семейного). Семья дает детям первый жизненный опыт, от нее во многом зависит направление интересов

и склонностей подрастающего поколения. Сюда также включают социализацию молодого поколения.

3. Хозяйственно-бытовая – охватывает различные аспекты семейных отношений: ведение домашнего хозяйства, соблюдение домашнего бюджета, управление семьей, проблема женского труда, социализация.
4. Экономическая – распоряжение материальными средствами, составление бюджета семьи.
5. Сфера первичного социального контроля – регламентация поведения членов семьи в разных сферах, ответственность и обязательство родителей перед детьми и другие аспекты семейного контроля. Эта функция важна, так как в семье закладываются основы нормативной культуры, которая указывает на стандарты правильного поведения (нравственные нормы передаются от родителей к детям).
6. Сфера духовного общения – духовное взаимообогащение членов семьи.
7. Социально-статусная ориентация – удовлетворение потребности в социальном продвижении (каждый человек, воспитанный в семье, получает в качестве наследия некоторые статусы, близкие к статусам членов его семьи (статусы: национальность, место в городской или сельской культуре и др.).
8. Досуговая функция – удовлетворение потребности в совместном проведении досуга.
9. Эмоциональная функция – эмоциональная поддержка в семье.
10. Защитная функция – осуществление физической, психической и экономической поддержки и защиты своих членов семьи.
11. Функция сексуального регулирования.

Важнейшая социальная функция семьи – репродуктивная. Она связана с рождением в семье того или иного числа детей. От выполнения семьей этой функции зависит воспроизводство населения страны, республики, региона, т. е. темпы роста населения.

Однако не менее важной социальной функцией семьи является воспитательная, которая реализуется в передаче детям правил общения, поведения, взаимоотношения с другими людьми, формирования личности ребенка, его духовного, психического и физического развития.

Семейное воспитание имеет ряд несомненных достоинств. К ним следует отнести, благоприятный эмоциональный и морально-психологический климат, атмосферу любви, заботы и поддержки, близость родительского воздействия, духовную связь и преемственность между поколениями, постоянный пример взрослых, нравственное воспитание личности, через усвоение системы ценностей, семейных традиций, стереотипов поведения и общения и т. д. Однако встречаются так называемые неблагополучные семьи, воспитание в которых, как правило, деформирует личностное развитие ребенка. Кроме того, неблагополучные семьи являются источником социального сиротства. Исследователи проблемы социального сиротства (В. В. Чечет, Л. И. Смагина, А. К. Воднева, Л. М. Шипицына и др.) среди основных причин данного явления указывают на кризис института современной семьи. Можно назвать целый ряд факторов определяющих семейное неблагополучие и влияющих на рост числа детей, лишенных родительской опеки:

- снижение жизненного уровня, безработица и низкие доходы семьи, ухудшение условий содержания детей;

- структурные изменения в семьях – увеличивается число неполных семей, а также детей, рожденных вне брака матерями-одиночками или несовершеннолетними матерями, в силу чего растет число отказных детей;
- отсутствие или недостаток в семьях эмоционального, доверительного общения, высокий уровень конфликтности в отношениях между взрослыми членами семьи и в детско-родительских отношениях, неблагоприятный эмоциональный фон в целом, педагогическая некомпетентность родителей и т. д.;
- падение нравственных устоев семьи, алкоголизм и наркомания родителей, а отсюда – жестокое обращение с детьми, пренебрежение их интересами и потребностями.

Несмотря на предпринимаемые в рамках государственных национальных проектов меры, нацеленные на решение вопросов в сфере жизнедеятельности семьи, выполняемых ею целей, задач, функций, в Российской Федерации сохраняется значительное количество проблем, вызывающих серьезную обеспокоенность государственных органов, общества в плане семейного воспитания, социально-правовой защиты, оказания различных видов помощи семье и детям. По-прежнему чрезвычайно актуальны проблемы роста числа семей, где дети находятся в социально опасном положении, что ведет к ухудшению их физического и психического здоровья, появлению социального сиротства, безнадзорности, преступности, аддиктивных и девиантных форм поведения среди детей и подростков.

Анализ данных социологических, психолого-педагогических исследований, официальной статистики позволяет сделать вывод об имеющей место так называемой обездоленности детей и подростков в России. Среди таких проблем следует указать следующие:

- ухудшение состояния физического и психического здоровья детей и подростков;
- акты насилия и жестокости над детьми;
- нарушение прав детей и подростков;
- вытеснение из общеобразовательных школ учащихся из семей с низким социальным статусом, материальным положением, детей, требующих специальных дополнительных педагогических усилий;
- отсутствие единой общегосударственной системы трудоустройства детей;
- отсутствие единой общегосударственной программы, направленной на социализацию, обучение и воспитание детей и подростков «группы риска».

Одной из насущных проблем остается отсутствие координации действий между различными государственными структурами, направленными на предупреждение и коррекцию школьной и социальной дезадаптации детей и подростков. По-прежнему остается в центре внимания проблема детской безнадзорности и беспризорности. При разработке форм и методов работы с проблемными семьями необходимо опираться на научно обоснованные факты, полученные в результате исследований.

В 2008 году на базе Армавирского социально-реабилитационного центра для несовершеннолетних «Улыбка» проводилось исследование, целью которого являлось изучение структурно-содержательных характеристик социально-психологической дезадаптации детей и подростков, находящихся в центре с января по август 2008 года, с учетом специфики семьи и семейного воспитания.

Исходя из данной цели, были выделены следующие задачи исследования:

- изучение социально-психологического портрета семьи воспитанников центра, и ее влияние на социально-психологическую дезадаптацию детей;
- исследование семейных факторов, способствующих дезадаптации ребенка;
- изучение структурно-содержательных характеристик социально-психологической дезадаптации воспитанников центра;
- определение наиболее эффективных мер, направленных на профилактику дезадаптивного поведения среди детей и подростков
- внедрение программы «Социализация», направленной сопровождение – оказание помощи, поддержки детям и подросткам их семьям в социализации личности.

В ходе исследования были изучены 39 семей, в которых воспитываются 78 детей. Для решения поставленных задач в качестве основных направлений исследования семьи и детей выступали:

- социальное, позволяющее оценить социальный статус семьи (родителей и детей);
- медицинское, позволяющее определить состояние здоровья и преобладающие заболевания (родителей и детей);
- педагогическое, позволяющее выявить уровень сформированности социальных навыков и умений у детей;
- психологическое, позволяющее изучить структурно-содержательные характеристики адаптивности ребенка к окружающей среде, которые влияют на успешность (неуспешность) его адаптации.

Обобщенный портрет неблагополучной семьи выглядит следующим образом. Родители до 30 лет составляют 32 % от общего числа родителей, от 31 до 40 лет – 51 %, от 41 до 50 лет – 17 %. Несовершеннолетних и пожилых родителей в 2008 году не было зарегистрировано. То есть максимальный процент неблагополучных семей, из которых дети поступают в центр, составляют родители в возрасте от 18 до 40 лет. Этот возраст родителей совпадает с периодом молодости и взрослости, когда потенциальные возможности для родительства достаточно велики. Но, увы, факты говорят об обратном.

Уровень образованности родителей: 17,9 % матерей имеют неполное среднее образование, 64,2 % – среднее образование, 17,9 % – среднее специальное образование. Соответственно 14,3 % отцов имеют неполное среднее образование, 71,4 % – среднее образование, 14,3 % – среднее специальное. С высшим образованием родителей в неблагополучных семьях нет.

По составу полных семей 35 %, неполных – 30 %, одинокие матери – 35 %. По количеству детей преобладают семьи с одним ребенком, они составляют 41 %, двоих детей имеют 33,4 % семей, троих – 15,4 %, и 10,2 % имеют более трех детей. Многодетные семьи составляют 22,5 %.

Социальный статус родителей: безработные составляют 48 %, рабочие – 37,5 %, категория служащих – 2 %, предприниматели – 2 %, нетрудоспособные – 10,5 %. Неработающие матери составляют 50 %, неработающие отцы – 67 %.

Полные семьи с двумя безработными родителями составляют 21,4 %, в 50 % полных семей один из родителей имеет статус безработного. (Среди безработных – 35 % женщин – одинокие матери).

Семьи с низким материальным уровнем жизни составляют 98 %.

Таким образом, преобладающее число семей воспитанников центра – это малообеспеченные, неполные семьи, со средним уровнем образования родителей.

Очевидно, что образовательный уровень родителей, наличие или отсутствие полной семьи свидетельствуют о таких важных условиях семейного воспитания, как общекультурный уровень семьи, ее способность развивать духовные потребности, познавательные интересы детей, т. е. выполнять функции института социализации. Вместе с тем сами по себе такие факторы, как образование родителей и состав семьи еще с полной достоверностью не характеризуют образа жизни семьи, ценностных ориентаций родителей. Поэтому нами были изучены социальные характеристики образа жизни семей.

Полученные данные свидетельствуют о том, что здоровый образ жизни ведут 35,7 % отцов и 51,4 % матерей. Среди матерей имеет место злоупотребление алкоголем в 43,5 % случаев, на учете у нарколога 5,1 % матерей. Среди отцов злоупотребление алкоголем составляет 57,2 %, 7 % отцов состоят на учете у нарколога.

Кроме того, 5 % матерей и 7 % отцов состоят на учете у психиатра, 10 % матерей находятся под следствием либо в местах лишения свободы.

Среди безработных матерей в возрасте до 30 лет злоупотребляющие алкоголем составляют 40 %, от 31 до 40 лет – 100 %, от 41 до 50 лет – пьющих матерей нет. Среди безработных отцов до 30 лет злоупотребляющие алкоголем составляют 100 %, от 31 до 40 лет – 100 %, от 41 до 50 лет – 66,6 % (см. таблицу 2).

Анализ причин безработности родителей показал следующее:

- среди одиноких безработных матерей 20 % временно не работают (здоровый образ жизни), 80 % – злоупотребляют алкоголем;
- в неполных семьях 33,4 % матерей временно не работают, 66,6 % злоупотребляют алкоголем;
- среди безработных отцов 25% – временно не работают, 62,5 % отцов злоупотребляют алкоголем, 12,5 % употребляют наркотики.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что пристрастие к алкоголю занимает одно из первых мест в иерархии ценностей родителей наших воспитанников и является основной причиной безработности. Общеизвестно, что в семьях, где родители злоупотребляют алкоголем, ведут аморальный образ жизни, дети во много раз чаще подвергаются различным видам жестокого обращения.

Изучение фактов жестокого обращения в семьях воспитанников центра позволило выявить такие его формы, как физическое насилие, психическое (эмоциональное) насилие, сексуальное насилие и пренебрежение основными нуждами ребенка (моральная жестокость). Часты случаи, когда ребенок в семье подвергается разным формам насилия (например, пренебрежение нуждами ребенка и физическое насилие). Обращает на себя внимание тот факт, что на первом месте стоит пренебрежение нуждами ребенка – в 59 % случаях.

На втором месте – психическое насилие, на третьем – физическое. Имеют место и факты сексуального насилия, что составляет 3,8 % от общего количества.

Исследуя источники поступления детей в центр, было выявлено, что 42 % детей поступает по путевке Учреждения социальной защиты населения как находящиеся в трудной жизненной ситуации, 50 % – по акту милиции.

Таким образом, портрет семьи воспитанников центра представлен низким социальным и материальным статусом родителей, недостаточным уровнем образованности и культуры, нацеленностью родителей на удовлетворение своих естественных потребностей низшего ранга. Не работающих, ведущих праздный образ жизни, имеющих те или иные психические отклонения. Что, безусловно, сказывается на эффективности семейного воспитания.

Обобщенный психолого-педагогический портрет воспитанников центра. Среди детей с социальной дезадаптацией дошкольники составляют 29 % от общего числа детей, – младшие школьники – 38 %, – подростки – 33 %. Большую часть детей с искаженной социализацией составляют мальчики – 56 % .

Изучение морально нравственного облика показывает следующее: у большинства дошкольников и младших школьников и у половины подростков показатели не соответствуют нормативам возраста.

Рассматривая гуманность как качество воспитуемости и показатель духовного развития, можно констатировать, что оно не сформировано у 93 % дошкольников, у 60 % младших школьников и у 41 % подростков.

Культурные навыки, включающие в себя культуру взаимодействия с окружающими людьми и со средой проживания, не сформированы у 73 % дошкольников, 70 % младших школьников и у 47 % подростков.

Гигиенические навыки не сформированы у 7 % дошкольников, 45 % младших школьников и у 41 % подростков остаются на уровне элементарных.

Трудовые навыки не сформированы у 73 % дошкольников, 70 % младших школьников и у 59 % подростков.

Таким образом, педагогический портрет воспитанника, поступающего в центр, представлен следующими особенностями развития: имеется недостаточный уровень сформированности социальных навыков и умений в области культурно-коммуникативной, морально-нравственной, деятельности сферах, гигиенических навыках и умениях; несоответствие возраста классу обучения в общеобразовательных учреждениях; большую часть детей составляют мальчики; большой процент поступающих в центр детей – это младшие школьники и подростки; чем выше возрастной ценз воспитанника, тем сильнее выражены проблемные зоны социализированности, обученности и воспитанности.

Составление психологического портрета воспитанников центра было основано на исследовании показателей адаптивности – способности ребенка к адаптации во всех ее видах и в первую очередь социально-психологической адаптации. Адаптивность как свойство и качество человека позволяет ребенку быть успешным или не успешным в плане адаптации. И те проблемы и трудности, которые испытывает ребенок в поведении, в отношениях с другими людьми, к самому себе, определяются, прежде всего, низкой или недостаточно развитой адаптивностью. В качестве показателей адаптивности исследовались тревожность; коммуникативные умения и навыки; склонность к агрессии и ее виды; самооценка и уровень притязаний; уровень интеллектуального развития; наличие акцентуаций характера у подростков; направленность личности.

Научно установлено, что характерными деформациями, затрудняющими процесс адаптации, являются нарушения в эмоциональных показателях адаптации (это высокий уровень общей тревожности и агрессии, направленной на окружающих, незащищенность, фрустрацию); индивидуально-психологических особенностях (темперамент, акцентуации харак-

тера, уровень развития интеллекта); уровень развития сознания и самосознания (образ Я).

По результатам исследования тревожности у воспитанников центра повышенный уровень тревожности отмечается у дошкольников и составляет 69 %, у младших школьников повышенный и высокий уровень тревожности встречается в 40 %. В подростковом возрасте отмечается либо нормальный, либо высокий уровень тревожности. В целом большинство детей, находящихся в центре, имеют повышенный или высокий уровень тревожности. В основе тревожности лежит неудовлетворенность потребностей ребенка, пренебрежение со стороны родителей. Создавая ситуации страха, они порождают тревожность у детей. И, как следствие, неадекватные формы поведенческого реагирования (агрессию, аутизм, и др.).

Результаты исследования коммуникативных умений и навыков показали, что у 80 % детей они не сформированы, дети испытывают проблемы и трудности взаимодействия как в системе «ребенок-ребенок», так и в системе «ребенок – взрослый».

Изучение агрессии и агрессивности у детей позволяет отметить, что у дошкольников преобладает физическая агрессия – 47 %, младших школьников – вербальная и косвенная (по 75 %). Данные показатели говорят о том, что неумение себя вести в обществе других людей, презентовать себя заставляет ребенка использовать первый попавшийся путь разрешения конфликта – драку, словесные оскорбления и унижения, ябедничанье, ехидство и т. д.

В подростковом возрасте агрессия и агрессивность определяется, прежде всего, чувством вины (у половины подростков). Объясняется это тем, что развитие рефлексии в подростковом возрасте позволяет ребенку понимать не только свой внутренний мир, но и другого человека. Подросток испытывает чувство стыда за свою семью, неудовлетворенность тем, что он ничего не может изменить в сложившейся ситуации. И как следствие – проявление физической и вербальной агрессии, негативизма, подозрительности и обиды.

Агрессивность детей объясняется глубокими психологическими причинами. Прежде всего, агрессия – это следствие неудовлетворенной потребности в родительской, материнской любви. У таких детей не удовлетворены и другие социальные потребности – в неформальном общении, в самоутверждении, во взрослом как идеале и т. п. И именно эта тотальная неудовлетворенность ведет их к агрессивности. Наряду с этим у детей агрессия возникает как специфическая реакция на чувство обиды, ненависть на других, их действия, поступки, отношения. Не умея отразить свои качества, особенности, паттерны поведения ребенок принимает защитные формы поведения за основу. А в его неблагоприятных поступках, образе жизни виноваты все, кроме него самого. Не владея адаптивными стратегиями поведения, ребенок использует первый попавшийся, на его взгляд правильный тип поведения (защитное поведение преобладает), который не всегда является социально и нормативно одобряемым.

Результаты изучения самооценки и уровня притязаний позволяют нам говорить о том, что большинство детей имеют высокую самооценку, переоценивают свои возможности и силы, личностные качества. А высокий уровень притязаний у подростков свидетельствует о не критичном отношении к себе, о неумении ставить реалистичные цели, о личностной незрелости.

Изучение уровня интеллектуального развития воспитанников центра показало, что большинство детей имеют уровень развития ниже сред-

него: 69 % у дошкольников, 70 % у школьников и 54 % у подростков, у них не сформированы базовые учебные навыки, недостаточно развиты психические функции (память, мышление, воображение).

В результате изучения акцентуаций характера, как внутреннего фактора, способствующего дезадаптивным формам поведения, выявилось, что 80 % воспитанников центра обладают выраженной и явно выраженной формой акцентуаций, доминирующими среди которых выступают эмотивная, застревающая, демонстративная и циклотимная, имеют место гипертимная и возбудимая форма акцентуаций. Подростки, имеющие подобные акцентуации, более склонны к совершению асоциальных поступков и правонарушений.

Аналитический обзор психолого-педагогической литературы, посвященной проблемам акцентуированности характера у подростков, позволяет выделить факторы, влияющие на формирование акцентуаций и проявление специфического для них дезадаптивного поведения. Во-первых, это условия воспитания, способствующие развитию негативных тенденций в поведении: безнадзорность, условия жестких взаимоотношений, чрезмерность требований и ожиданий по отношению к ребенку, недостаток любви и общения с ребенком и т. д. Все эти средовые воздействия, накладываясь на определенные формально-динамические качества ребенка, создают почву для формирования той или иной акцентуации.

Немаловажную роль в появлении дезадаптации и девиаций поведения играет наличие неадекватной, негативной, несоциализированной направленности личности. Выступая основополагающим структурным компонентом личности, направленность отвечает за то, что человек хочет, чем живет, каковы его мотивы, потребности, цели, жизненные задачи. Изучение направленности личности, которое проводилось на основе методики Б. И. Додонова, показало, что большинство подростков склонны к романтизму, генодистической направленности, альтруизму, коммуникации и борьбе (пугническая направленность).

Романтизм подростка проявляется в том, что он стремится быть свободным, поскольку привык к свободному времяпрепровождению и бесконтрольности. В то же время жизнь ставит перед ним определенные проблемы, а это порождает выраженную потребность в борьбе за выживание. Примечательно, что у детей центра не утратилась потребность в альтруизме – желание жить среди людей, делать им добро, быть полезным. Ребенок открыт миру, несмотря на жизненные условия. Он не потерял для общества и это хороший потенциал для работы с ним.

Таким образом, несмотря на все сложившиеся не зависящие от ребенка условия его жизнедеятельности, у него имеется потенциал для своего собственного развития, что и используется коллективом центра по работе с данным контингентом детей и подростков.

Обобщая итоги проведенной работы, можно сделать вывод о том, что проведенное исследование не исчерпывает всех аспектов данной проблемы. В ходе исследования были получены уникальные материалы, позволяющие сотрудникам центра разрабатывать и внедрять новые инновационные программы социализации детей и подростков в условиях социально-реабилитационного центра для несовершеннолетних, направленные на сопровождение, оказание помощи и поддержки воспитанникам центра и их семьям.

Библиографический список

1. Девиантное (отклоняющееся поведение подростков: многообразие, опыт, трудности, поиск альтернатив / под ред. Ю. А. Клейберга. – Тверь, 2000.
2. Диагностика и коррекция социальной дезадаптации подростков: пособие для психологов, педагогов, психосоциальных и социальных работников / под ред. С. А. Беличевой. – М., 1999.
3. Карabanова О. А. Психология семейных отношений и основы семейного консультирования. – М., 2004.
4. Наумчик В. Н., Паздников М. А Социальная педагогика: Проблема «трудных» детей: Теория. Практика. Эксперимент. – Мн., 2005.
5. Основы профилактики безнадзорности и беспризорности несовершеннолетних / под ред. Ф. А. Мустаевой. – М., 2003.
6. Основы психологии семьи и семейного консультирования / под общей ред. Н. Н. Посыsoева. – М., 2004.
7. Шакурова М. В. Методика и технология работы социального педагога. – М., 2002.

Bibliography

1. Deviant (deviant behavior of adolescents: diversity, experience difficulties, the search for alternatives / ed. Yu. A. Clayburgh. – Tver, 2000.
2. Diagnosis and correction of adolescent social maladjustment: A guide for psychologists, teachers, social workers, psychosocial and / ed. S. A Belicheva. – M., 1999.
3. Karabanova O. A. Psychology of family relations and the basis of marital counseling. – M., 2004.
4. Naumchik V. N. Pazdnikov M. A Social Pedagogy: The problem of «difficult» children: Theory. Practice. Experiment. – Mn., 2005.
5. Fundamentals of preventing child neglect and abandonment of minors / ed. F. A. Mustaeva. – M., 2003.
6. Basic of family psychology and marital counseling / ed. N. N. Posysoeva. – M., 2004.
7. Shakurova M. V. Technique and technology of social educator. – M., 2002.

УДК 159.923

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ОСУЖДЁННЫХ, СОВЕРШИВШИХ ПРЕСТУПЛЕНИЯ СЕКСУАЛЬНОГО ХАРАКТЕРА

Р. В. Кадыров, Е. В. Янкина
Владивостокский государственный медицинский университет,
г. Владивосток, Россия

PSYCHOLOGICAL PROPERTIES OF PEOPLE WHICH DID BY A CRIME OF SEXUAL CHARACTER

R. V. Kadyrov, E. V. Jankina
Vladivostok State Medical University, Vladivostok, Russia

Summary. The comparative analysis of psychological properties of criminals, models of person G. Amona, in view of features of age of the raped.

Keywords. psychological features, sex violence, aggression, pavor, sexuality, narcissism, human relations.

Исследование психологических особенностей лиц, совершающих сексуальные преступления, представляется особенно актуальной проблемой. Во-первых, с изменением отношения социума к этой проблеме возникает необходимость её нового осмысления с учётом менталитета общества и конкретных социальных задач. Во-вторых, в сегодняшнем обществе объективно назрела необходимость исследования психологических осо-

бенностей осуждённых за сексуальные преступления по отношению к детям до 14 лет – в связи с ростом преступлений этого характера. В-третьих, для эффективного решения задач психологической практики есть теоретическая и эмпирическая необходимость в осмыслении и раскрытии механизмов влияния бессознательных характеристик личности на её преступное поведение.

Обзор большого числа современных исследований по данной проблеме включает рассмотрение социальных и правовых характеристик преступника, а также рассмотрение его социального и семейного статуса и других социально-психологических характеристик [1–10, 13–16, 19]. При этом недостаточно изученными остаются причины формирования и психологические особенности личности сексуального насильника.

Для нового взгляда на эмпирическое рассмотрение психологических особенностей лиц, совершающих сексуальные преступления, необходимо использовать гуманитарную модель личности Г. Аммона [18]. Под структурой личности он понимает сложное многоуровневое структурное образование с выделением первичных нейрофизиологических и биологических функций человека; центральные бессознательные функции, такие как агрессия, страх, сексуальность, креативность, нарциссизм т. д.; вторичные сознательные функции, которые определяют содержание способностей и навыков человека.

Основным понятием личности у Г. Аммона является Я-идентичность. Именно она представляет собой ядерное психологическое образование, обеспечивающее целостность личности и теснейшим образом связана с другими центральными функциями, деятельность которых ею опосредуется. Структура центральных Я-функций, будучи в значительной мере обусловлена характером идентичности, в свою очередь, обеспечивает её сохранение и развитие [18]. Поэтому процесс развития психологических качеств личности насильника может пониматься в рамках этой модели как процесс преобразования Я-идентичности.

Вторичные Я-функции (переживания, способности и навыки) представляют собой поведенческую реализацию центральных Я-функций, опосредованную телесными особенностями индивида. Эти функции в отличие от центральных, осознаются и определяют конкретное содержание психической активности и своеобразие жизненного стиля человека. При этом гуманитарная модель личности по Г. Аммону, и это отличает её от большинства психологических концепций личности, рассматривает индивида в процессе его взаимодействия со средой.

Таким образом, развитие и функционирование личности сексуального насильника может быть понято через рассмотрение психологического (сознательного и бессознательного) функционирования как результат взаимодействия индивидуума и окружающей среды, при этом в качестве важнейшего средового фактора выступают межличностные отношения. Интегрированная совокупность межличностных отношений фактически представляет собой ту психодинамическую почву, в которую вписываются индивидуум в процессе социализации, т. е. формирование специфики личности, совершившей сексуальное насилие.

Г. Аммон выделяет три составляющие функциональной организации Я в межличностных отношениях: конструктивность, деструктивность и дефицитарность [18]. Эти три организации Я он рассматривает через их проявление в каждом бессознательном образовании личности: агрессия, страх, контроль границ Я, нарциссизм и сексуальность.

ИСПЫТУЕМЫЕ И МЕТОДИКИ ИССЛЕДОВАНИЯ

С целью изучения причин формирования и психологических особенностей личности осуждённых, совершивших преступления сексуального характера, в течение апреля-декабря месяцев 2009 г. было проведено исследование, охватившее все подразделения УИС Дальневосточного Федерального округа.

Выборка испытуемых состояла из трёх групп (всего 747 человек) и формировалась на основании следующих критериев: 1) совершение преступления сексуального характера (все три группы); 2) совершение преступления сексуального характера в отношении лиц моложе 14 лет (1 группа); 3) совершение преступления сексуального характера в отношении лиц в возрасте от 14 лет до 18 лет (2 группа); 4) совершение преступления сексуального характера в отношении лиц старше 18 лет (3 группа).

1. Группа I (172 человека) – осуждённые, которые совершили преступления сексуального характера в отношении лиц моложе 14 лет, возрастная категория осуждённых данной группы разделена между возрастными от 18 до 30 лет (22,6 %), от 45 и старше (24,4 %), от 30 до 45 лет (41,8 %) и моложе 18 лет (11,04 %).

2. Группа II (153 человека) – осуждённые, которые совершили преступления сексуального характера в отношении лиц в возрасте от 14 лет до 18 лет. Возрастная категория осуждённых данной группы разделена между возрастными от 18 до 30 лет (52,2 %), от 45 и старше (10,45 %), от 30 до 45 лет (32,6 %) и моложе 18 лет (1,96 %).

3. Группа III (422 человека) осуждённые, которые совершили преступления сексуального характера в отношении лиц старше 18 лет, возрастная категория осуждённых данной группы разделена между возрастными от 18 до 30 лет (51,8 %), от 45 и старше (4,02 %), от 30 до 45 лет (42,65 %) и моложе 18 лет (0,94 %).

Разделив обследованных осуждённых по группам согласно возрасту потерпевших, получаем следующие результаты социального анамнеза, представленные в таблице 1.

Таблица 1

Результаты анализа социального анамнеза по группам согласно возрасту потерпевших

Характеристики группы	Возраст потерпевших		
	до 14 лет (кол-во / %)	14–18 лет (кол-во / %)	старше 18 лет (кол-во / %)
1. Знакомство с потерпевшими			
1.1. Ранее не знакомы с потерпевшими	92 (53 %)	105 (69 %)	316 (75 %)
1.2. Знакомы с потерпевшими	41 (23,8 %)	33 (21,6 %)	97 (23 %)
1.3. Состоят в родственных отношениях с потерпевшими	39 (22,7 %)	14 (9,1 %)	9 (2 %)
2. Наличие рецидива			
2.1. Сексуальный рецидив	27 (15,7 %)	10 (6,5 %)	39 (9,2 %)
2.2. Преступный рецидив	73 (42 %)	67 (43,8 %)	197 (46,7%)
2.3. Отсутствие рецидива	72 (42%)	75 (49%)	186(44 %)
3. Пол потерпевшего			
4.1. Женский	123 (71,5%)	134 (88%)	405 (96%)
4.2. Мужской	49 (28,5%)	19 (12,4%)	17 (4%)
4. Нанесение телесных повреждений			
5.1. Телесные повреждения средней тяжести	3 (1,7 %)	6 (4 %)	33 (7,8 %)

5.2. Телесные повреждения тяжелой степени	2 (1,2 %)	1 (0,6 %)	13 (3 %)
5.3. Телесные повреждения, сопряженные со смертью	8 (4,6 %)	11 (7,2 %)	48 (11,2 %)
5.4. Без нанесения телесных повреждений	155 (90,1 %)	135 (88,2 %)	325 (77 %)

Таким образом, основная часть осуждённых имеет возраст от 18 до 30 лет (45,8 %) и от 30 до 45 лет (40,6 %). В последующем количество осуждённых за изнасилование снижается и достигает минимума в возрасте от 45 лет и старше (10,2 %). Чаще всего преступления совершают люди, которые не состоят в браке (68,7 %). Осуждённые, которые состоят в гражданском (7,4 %) или в официальном браке (18,6 %), реже совершают изнасилование. Среди обследованных осуждённых преобладают лица с низким образовательным уровнем: имеют неполное (45,6 %) и полное среднее образование (51 %). Меньше всего их среди людей с высшим профессиональным образованием (2,4 %). Наибольший процент осуждённых за сексуальные преступления составляют судимые неоднократно (55,3 %). В том числе рецидивы по сексуальным преступлениям отмечены в 76 случаях, что составляет 10,2 % от общего числа обследованных осуждённых. 129 обследуемых (17,3 %) совершили свои преступления с отягчающими обстоятельствами: с нанесением тяжких телесных повреждений, в том числе приведших к смерти потерпевших, сопряжённые с убийствами потерпевших. В группе было совершено 240 преступлений сексуального характера (32,1 %). Чаще преступления сексуального характера совершались осуждёнными в отношении незнакомых лиц (68,7 %). Сексуальное насилие со стороны родственников выявлено в 61 случае (8 %).

Методы исследования:

1. Методика определения смысложизненной ориентации (адаптация Д. А. Леонтьева) [12]. Это адаптированный Д. А. Леонтьевым вариант методики «Цель в жизни» Д. Крамбо и Л. Махолика. И оригинал, и отечественный вариант методики отражают стремление к смыслу жизни в описании В. Франкла [20].

2. Я-структурный тест Аммона (ISTA) разработан Ю. Я. Тупицыным, В. В. Бочаровым, Т. В. Алхазовой, Е. В. Бродской (институт им. В. М. Бехтерева) при участии А. А. Чуркина и Б. С. Положего (ГНИЦ и СП им. В. П. Сербского) [18].

Полученные результаты обрабатывались с использованием программы SPSS, версия 11.5. для Windows [17]. Для оценки достоверности сравниваемых значений использовался непараметрический критерий Манна-Уитни [11].

РЕЗУЛЬТАТЫ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

Сравнительный анализ результатов теста «Смысложизненные ориентации» Д. А. Леонтьева у испытуемых группы I, II и III показал, что в группе I результаты по шкалам: «Процесс жизни», «Локус контроля – Я», «Общий показатель осмысленности жизни» достоверно ($p < 0,05$) выше, чем в II, и помимо всех изложенных плюс по шкале «Цель жизни» в группе III (табл. 2).

Это свидетельствует о том, что у осуждённых, совершивших сексуальное насилие над потерпевшими в возрасте до 14 лет, в большей степени, чем у осуждённых, совершивших сексуальное насилие над потерпев-

шими в возрасте от 14 до 18 лет и после 18 лет, характерно стремление жить сегодняшним днем. Основной смысл своей жизни они видят как в настоящем, так и в будущем – в построении целей и перспектив. Но прошлое играет для них не менее важную роль. На основании этих результатов можно предположить, что оценка пройденного отрезка жизни их удовлетворяет.

Таблица 2

Результаты исследования по методике «Смыслоразнообразие ориентации (СЖО)» в группах осуждённых, совершивших преступление сексуального характера

№ п/п	Шкала	Z	p
Группа до 14 лет (ЭГ 1) с 14 до 18 лет (ЭГ 2)			
1	Процесс жизни	- 2,098	0,036*
2	Локус контроля – Я	- 2,671	0,008*
3	Общий показатель осмысленности жизни	- 2,256	0,024*
Группа до 14 лет (ЭГ 1) и старше 18 лет (ЭГ 3)			
12	Цель в жизни	- 2,029	0,042*
13	Процесс жизни	- 2,512	0,012*
14	Локус контроля – Я	- 3,400	0,001**
15	Общий показатель осмысленности жизни	-2,611	0,009*

Примечание: ЭГ – экспериментальная группа; Z – значение критического числа; p – уровень отвержения гипотезы на однородность; * – различия статистически значимые при $p < 0,05$; ** – различия, статистически значимые при $p < 0,001$.

Проведённый описательный анализ всей выборки, по методике Г. Аммона, позволяет говорить о следующем: у осуждённых, совершивших сексуальное насилие над потерпевшими до 14 лет, в большей степени, чем у осуждённых, совершивших сексуальное насилие над потерпевшими с 14 до 18 лет и после 18 лет, характерны деструктивная склонность к разрушению контактов и отношений, деструктивные поступки вплоть до неожиданных порывов насилия, тенденцией к вербальному выражению гнева и ярости, разрушительным действиям или фантазиям, стремление к силовому решению проблем, склонность к обесцениванию людей. Такие осуждённые ставят внутренние ограничения по отношению к внешнему окружению, стремятся избегать контактов и не желают вступать в диалог с окружающими их людьми. У осуждённых, совершивших сексуальное насилие, есть задержка в сексуальном развитии, которая выражается в запрете на проявление нормальной сексуальной активности, восприятие сексуальных отношений с женщинами как «грязных», греховных. Это не позволяет им нормально контактировать со взрослыми женщинами, что ведёт к деструктивному и асоциальному поведению.

Сравнительный анализ результатов методики Г. Аммона в группах осуждённых, совершивших преступления сексуального характера, позволил выделить достоверные бессознательные психологические характеристики, отличные от всех осуждённых за преступления сексуального характера у осуждённых за сексуальные преступления по отношению к лицам, не достигшим 14 лет, и описать их (табл. 3).

Таблица 3

Результаты исследования по методике Г. Аммона в группах осуждённых, совершивших преступление сексуального характера

№ п/п	Шкала	Z	p
Группа до 14 лет (ЭГ 1) с 14 до 18 лет (ЭГ 2)			
1	Шкала деструктивной тревоги (С2)	-2,125	0,034*
2	Шкала деструктивного внешнего Я-отграничения (О2)	-2,578	0,010*
3	Шкала дефицитарного внешнего Я-отграничения (О3)	-2,451	0,014*
4	Шкала деструктивного внутреннего Я-отграничения (О'2)	-2,229	0,026*
5	Шкала дефицитарного внутреннего Я-отграничения (О'3)	-3,539	0,001**
6	Шкала конструктивного нарциссизма (N1)	-2,248	0,025*
7	Шкала конструктивной сексуальности (S1)	-2,220	0,026*
8	Шкала дефицитарной сексуальности (S3)	-1,981	0,048*
Группа до 14 лет (ЭГ 1) и старше 18 лет (ЭГ 3)			
9	Шкала дефицитарной агрессии (А3)	-1,993	0,046*
10	Шкала конструктивной тревоги (С 1)	-0,030	0,042*
11	Шкала деструктивного внешнего Я-отграничения (О2)	-2,976	0,003**
12	Шкала деструктивного внутреннего Я-отграничения (О'2)	-2,200	0,028*
13	Шкала дефицитарного внутреннего Я-отграничения (О'3)	-2,888	0,004**
14	Шкала дефицитарного нарциссизма (N3)	-2,889	0,004*
15	Шкала конструктивной сексуальности (S1)	-3,449	0,001**
16	Шкала деструктивной сексуальности (S2)	-2,023	0,043*
17	Шкала дефицитарной сексуальности (S3)	-2,131	0,033*
Группа с 14 до 18 лет (ЭГ 2) и старше 18 лет (ЭГ 3)			
18	Шкала деструктивной агрессии (А2)	-2,011	0,044*

Примечание: ЭГ – экспериментальная группа; Z – значение критического числа; p – уровень отвержения гипотезы на однородность; * – различия статистически значимые при $p < 0,05$; ** – различия статистически значимые при $p < 0,001$.

Эти осуждённые неуверенны в себе, своих возможностях, в силе и компетенции окружающих, прячутся от жизни, пассивны, пессимистичны, зависимы, чрезмерно конформны, неспособны к подлинным челове-

ским контактам. Стремятся к симбиотическому слиянию, ощущают свою ненужность и неполноценность, постоянно нуждаются в нарцисстическом «питании» и неспособны к конструктивному взаимодействию с жизнью, всегда довольствуются лишь ролью пассивных реципиентов.

У них наблюдается недостаточная способность к партнёрскому сексуальному взаимодействию, сексуальная активность либо слишком инструментализирована, стереотипизирована, либо обеднена. В любом случае отмечается неспособность к сексуальной «игре», партнер воспринимается и выступает лишь как объект для удовлетворения собственных сексуальных желаний. Эротические фантазии приобретают явно эгоцентрический характер или отсутствуют вовсе. Сексуальная активность почти всегда протекает вне ситуации «здесь и теперь», связана со стремлением избегать половых контактов вплоть до полного отказа от них, выражена в тенденции заменять реальные сексуальные отношения фантазиями. Такие люди не способны испытывать радость от собственного тела, коммуницировать свои желания и потребности другим, легко ступёвываються в ситуациях, требующих сексуальной идентификации. Сексуальные желания и претензии других воспринимаются ими как угрожающие собственной идентичности. Для них характерна недостаточная эмоциональная наполненность даже значимых интерперсональных отношений. Дефицитарность сексуального опыта обычно обуславливает «слишком серьезное» отношение к жизни, плохое понимание людей, равно как и жизни в целом.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

1. Психологические особенности лиц, осуждённых за преступления сексуального характера, обусловлены самооценкой собственных переживаний и поступков в ситуациях взаимоотношений с социумом. Направление изменений психологических особенностей зависит от возможности осуждённых конструктивно интегрировать в центральных Я-функциях свой жизненный опыт.

2. Психологические особенности осуждённых, совершивших сексуальное насилие над потерпевшими до 14 лет в большей степени, представляет собой систему, основными бессознательными центральными Я-функциями которой являются: деструктивная склонность к разрушению контактов и отношений, поступков, вплоть до неожиданных порывов насилия, внутренние ограничения по отношению к внешнему окружению, задержка в сексуальном развитии, которая выражается в запрете на проявление нормальной сексуальной активности, восприятие сексуальных отношений с женщинами как «грязных», греховных. Это не позволяет им нормально контактировать со взрослыми женщинами, что ведёт к деструктивному и асоциальному поведению.

3. Психодиагностическая методика Я-структурный тест Г. Аммона, позволяет эффективно выявлять дефицитарные и деструктивные психологические особенности лиц, осуждённых за преступления сексуального характера.

Библиографический список

1. Антоян Ю. М. Сексуальная преступность // Насильственная преступность в России. РАН, ИНИОН и др. Актуальные вопросы борьбы с преступностью в России и за рубежом. – М., 2001.

2. Антонян Ю. М. Об истоках формирования личности преступника // Личность преступника и вопросы исправления и перевоспитания осуждённых. Сборник научных трудов ВНИИ МВД. – М., 1990.
3. Астрашабов А. В., Кулинич В. В. Социально-психологический подход к изучению причин изнасилований // Личность преступника и вопросы исправления и перевоспитания осуждённых. Сборник научных трудов ВНИИ МВД. – М., 1990. – С. 32–39.
4. Антонян Ю. М., Астрашабов А. В., Кулинич В. В. Потребности и межличностные позиции виновных в совершении изнасилования // Личность преступника и исполнение уголовных наказаний. Сборник научных трудов ВНИИ МВД. – М., 1991. – С. 9–18.
5. Антонян Ю. М., Голубев В. П., Кудряков Ю. Н. Изнасилования: причины и предупреждение: пособие. – М., 1990.
6. Антонян Ю. М., Ткаченко А. А., Шостакович Б. В. Экспертное исследование сексуального поведения по конкретным уголовным делам // Криминологические проблемы преступного поведения. Сборник научных трудов ВНИИ МВД. – М., 1991. – С. 34–41.
7. Верещагин В. А. Особенности личности и поведения лиц, совершающих изнасилования // Личность преступника и вопросы исправления и перевоспитания осуждённых. Сборник научных трудов ВНИИ МВД. – М., 1990. – С. 22–32.
8. Гульдман В. В. Личность сексуального преступника с психическими аномалиями. (ВНИИО и СП им В. П. Сербского) // Личность преступников и индивидуальное воздействие на них. Сборник научных трудов ВНИИ МВД. – М., 1989. – С. 17–28.
9. Горшкова Е. Н. Серийные сексуальные убийства среди лиц нетрадиционной ориентации. Тезисы научно-практической конференции «Насилие. Личность. Общество». – М., 2000. – С. 93–94.
10. Дмитриева Т. Б., Могачёв М. И., Шостакович Б. В. Личность серийных насильников // Механизмы человеческой агрессии. Сборник научных трудов ВНИИ МВД. – М., 2000. – С. 37–55.
11. Ермолаев О. Ю. Математическая статистика для психологов: учебник. – 2-е изд. испр. – М.: Московский психолого-социальный институт; Флинта, 2003.
12. Леонтьев Д. А., Калашников М. О., Калашникова О. Э. Факторная структура теста смысловых ориентаций // Психологический журнал. – 1993. – Т. 14. – № 1. – С. 150–155.
13. Миронов Д. В. Серийные убийства по сексуальным мотивам: некоторые психологические компоненты профиля личности преступника // Следователь. – М., 1998. – № 3. – С. 51–52.
14. Могачёв М. И. Криминологические особенности многоэпизодных изнасилований // Российский следователь – ИГ «Юрист», 1999. – № 5. – С. 12–15.
15. Могачёв М. И. Серийные изнасилования как форма насильственного поведения. Тезисы научно-практической конференции «Насилие. Личность. Общество». – М.: ВНИИ МВД, 2000. – С. 94.
16. Могачёв М. И. Серийные изнасилования, совершённые невменяемыми лицами // Механизмы человеческой агрессии. Сборник научных трудов ВНИИ МВД. – М., 2000. – С. 97–106.
17. Наследов А. Д. SPSS: Компьютерный анализ данных в психологии и социальных науках. – СПб.: Питер, 2005.
18. Очерки динамической психиатрии. Транскультуральное исследование / под ред. М. М. Кабанова, Н. Г. Незнанова. – СПб.: Институт им. В. М. Бехтерева, 2003.
19. Павлов А. Р. Многоэпизодные сексуальные убийства // Современная преступность: новые исследования. Сборник научных трудов ВНИИ МВД. – М., 1993. – С. 80–90.
20. Франкл В. Человек в поисках смысла. – М., 1990.

Bibliography

1. Antonjan Yu. M. Sexual Crime // Violent Crime in Russia. RAS, INION etc. Current issues of combating crime in Russia and abroad. – М., 2001.
2. Antonjan Yu. M. On the origins of the formation of criminal personality / identity of the killer and issues correction and re-sentenced. Collection of Scientific Papers Institute of Ministry of Internal Affairs. – М., 1990.
3. Astrashabov A. V. Kulinich V. V. Socio-psychological approach to studying the causes of rape // Personality and criminal matters correction and re-sentenced. Collection of Scientific Papers Institute of Ministry of Internal Affairs. – М., 1990. – P. 32–39.

4. Antonjan Yu. M. Astrashabov A. V., Kulinich V. V. Requirements and interpersonal position of the perpetrators of rape // Personality and criminal enforcement of criminal penalties. Collection of Scientific Papers Institute of Ministry of Internal Affairs. – M., 1991. – P. 9–18.
5. Antonjan Yu. M., Golubev V. P., Kudrjakov Yu. N. Rape: causes and prevention. – M., 1990.
6. Antonjan Yu. M., Tkachenko A. A., Schostakovich B. V. Expert study of sexual behavior in specific criminal cases / Criminological problems of criminal behavior. Collection of Scientific Papers Institute of Ministry of Internal Affairs. – M., 1991. – P. 34–41.
7. Vereshchagin V. A. Peculiarities of personality and behavior of perpetrators of rape // Personality and criminal matters correction and re-sentenced. Collection of Scientific Papers Institute of Ministry of Internal Affairs. – M., 1990. – P. 22–32.
8. Guldan V. V. Personality sex offender with mental abnormalities. (VNIIO and SP named by V. P. Serbsky) // Identity of the perpetrators and the individual impact on them. Collection of Scientific Papers Institute of Ministry of Internal Affairs. – M., 1989. – P. 17–28.
9. Gorshkova E. N. Serial sexual murders among homosexuals. Abstracts of scientific conference «Violence. Personality. Society». – M., 2000. – P. 93–94.
10. Dmitrieva T. B., Mogachov M. I., Shostakovich B. V. Personality of serial rapists // Mechanisms of human aggression. Collection of Scientific Papers Institute of Ministry of Internal Affairs. – M., 2000. – P. 37–55.
11. Ermolaev O. Yu. Mathematical Statistics for psychologists: a textbook. – 2 ed. corr. – Moscow: Moscow Psychological and Social Institute; Flinta, 2003.
12. Leontiev D. A., Kalashnikov M. O., Kalashnikova O. E. Factor structure of the test meaning-of-life orientations / Psychological Journal. – 1993. – T. 14. – № 1. – P. 150–155.
13. Mironov D. V. Serial murders by sexual motives: some of the psychological components of personality profile criminal // Investigator. – M., 1998. – № 3. – P. 51–52.
14. Mogachov M. I. Kriminological features of reusable rape // Russian investigator. – PG «Lawyer», 1999. – № 5. – P. 12–15.
15. Mogachov M. I. Serial rape as a form of violent behavior. Abstracts of scientific-practical conference «Violence. Personality. Society». – M.: Institute of the MIA, 2000. – P. 94.
16. Mogachov M. I. Serial rapes committed by irresponsible persons // Mechanisms of human aggression. Collection of Scientific Papers Institute of Ministry of Internal Affairs. – M., 2000. – P. 97–106.
17. Nasledov A. D. SPSS: Computer analysis of data in psychology and social sciences. – SPb.: Peter, 2005.
18. Essays on dynamic psychiatry. Transcultural research / ed. M. M. Kabanov, N. G. Neznanova. – SPb.: Institute named by V. M. Bekhterev, 2003.
19. Pavlov A. R. Reusable sexual murder // Current crime: new research. Collection of Scientific Papers Institute of Ministry of Internal Affairs. – M., 1993. – P. 80–90.
20. Frankl V. Man's search for meaning. – M., 1990.

ПЕДАГОГИКА

УДК 378+371.26

МОНИТОРИНГ ЗНАНИЙ СТУДЕНТОВ КАК ИНСТРУМЕНТ УПРАВЛЕНИЯ КАЧЕСТВОМ ОБРАЗОВАНИЯ (НА ПРИМЕРЕ НОВОСИБИРСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО МЕДИЦИНСКОГО УНИВЕРСИТЕТА)

Н. А. Харлов

**Новосибирский государственный медицинский университет,
г. Новосибирск, Россия**

MONITORING THE KNOWLEDGE OF STUDENTS AS A TOOL FOR QUALITY CONTROL OF EDUCATION (FOR EXAMPLE NOVOSIBIRSK STATE MEDICAL UNIVERSITY)

N. A. Kharlov

Novosibirsk State Medical University, Novosibirsk, Russia

Summary. The monitoring of the students' knowledge at the Novosibirsk State Medical University is described in this article. The participants of the process and its stages; the block diagram of the process and the the matrix of responsibility of the participants of the process are also represented in this work. The content of the paper is a brief description of the process, which occurs at the university in the quality management system.

Keywords: monitoring of knowledge, process, monitoring periods, input-output data.

Мониторинг знаний студентов (МЗС) представляет собой непрерывный процесс, который начинается с момента зачисления студента в университет и завершается итоговой государственной аттестацией. Исходя из специфики высшего медицинского образования образовательная вертикаль в медицинском вузе подразделяется на ряд относительно самостоятельных составляющих (субвертикалей), охватывающих собой взаимосвязанные дисциплины разных лет обучения. Наименование каждой субвертикали отражает профиль выпускающей кафедры (хирургия, терапия, стоматология, акушерство, клиническая психология, экология, экономика и управление в здравоохранении и т. п.).

Организация МЗС является обязанностью деканов факультетов по специальностям, реализуемым в университете.

Координация МЗС разных факультетов обеспечивается отделом контроля качества образования и учебно-методическим управлением. Так как в подготовке специалистов по каждой специальности принимают участие кафедры, находящиеся в подчинении различных факультетов НГМУ, согласованный вариант утверждается решением Ученого совета факультета. Реализация МЗС по каждой конкретной учебной дисциплине осуществляется силами профессорско-преподавательского состава кафедр под руководством заведующего кафедрой. Мониторинг знаний студентов предполагает установление преемственности между кафедрами образовательной вертикали (субвертикали).

В рабочую программу каждой дисциплины включаются следующие обязательные разделы: объем требований к студентам, начинающим процесс обучения на данной кафедре (ключевые компетенции на входе), и объем требований к студенту по окончании процесса обучения на данной

кафедре (ключевые компетенции на выходе). Ключевые компетенции на выходе у кафедры, стоящей ниже по образовательной вертикали, должны соответствовать ключевым компетенциям на входе у кафедры, стоящей выше по образовательной вертикали. Кафедра, стоящая выше по образовательной вертикали, выполняет функции заказчика, а кафедра, стоящая ниже по образовательной вертикали – функции исполнителя. При этом кафедра может являться заказчиком по отношению к целому ряду нижестоящих кафедр, и эти последние должны согласовывать свои ключевые компетенции на выходе с требованиями заказчика (ключевыми компетенциями на входе у кафедры-заказчика).

Уровень овладения ключевыми компетенциями на входе оценивается посредством входного педагогического контроля как элемента педагогической диагностики. Уровень знаний студентов в процессе обучения на кафедре оценивается посредством текущего контроля знаний. Уровень овладения ключевыми компетенциями на выходе обеспечивается посредством рубежного (итогового) педагогического контроля. Все варианты, формы (виды) и сроки контроля фиксируются в учебном плане по основной образовательной программе, рабочей программе дисциплины и программе образовательного аудита. Документирование данных мероприятий осуществляется в соответствии с установленными требованиями.

Сопоставление данных разных лет является составной частью ежегодной аудиторской проверки деятельности кафедр, осуществляемой отделом контроля качества образования.

Мониторинг знаний студентов включает в себя следующие организационные этапы:

- разработка объема и характера ключевых компетенций специалиста согласно требованиям кафедр послевузовской подготовки;
- разработка ключевых компетенций студентов применительно к каждой дисциплине на входе и на выходе, по образовательной вертикали;
- приведение рабочих программ кафедр НГМУ в соответствие с требованиями вышестоящих кафедр по образовательной вертикали;
- согласование ключевых компетенций студентов по вертикали между соподчиненными по характеру ключевых компетенций кафедрами и курсами;
- разработка контролирующих материалов, необходимых для оценки достижения студентов необходимых компетенций в соответствии с установленными требованиями;
- внедрение, валидизация и стандартизация всех видов контрольно-диагностических материалов; периодическое обновление контрольно-диагностических материалов в рамках их соответствия обновляемым рабочим программам по дисциплине и повторные (текущие) согласования изменений контролирующих материалов и рабочих программ по вертикали между соподчиненными по характеру ключевых компетенций кафедрами;
- проведение контрольно-диагностических мероприятий;
- регистрация/документирование результатов, группировка данных, математическая обработка, отчет по данному виду контроля обученности.

Мониторинг знаний студентов протекает как процесс, основной целью которого является получение исходной информации для совершенствования учебного процесса в пределах каждой кафедры/университета.

Основными задачами процесса являются:

- определение степени достижения ключевых компетенций применительно к каждой дисциплине;
- регулярное определение текущего уровня знаний и умений студентов по изучаемым дисциплинам;
- оценка уровня эффективности учебного процесса в пределах каждой кафедры (курса) и университета в целом;
- обеспечение необходимого уровня преемственности между кафедрами и отдельными учебными структурными подразделениями университета (деканат, учебный отдел, учебно-методическое управление, отдел контроля качества образования) в ходе образовательного процесса.

Владельцем процесса является проректор по учебной работе.

Входные данные процесса представлены в таблице 1.

Таблица 1

№ п/п	Наименование входных данных, документы	Должностное лицо, ответственное за обработку данных
1	Требования надзорных органов, требования нормативных документов (ФГОС ВПО, ООП, учебный план, график учебного процесса), результаты внешних проверок	Проректор по УР
2	Результаты ИГА	Декан
3	Требования потребителей, отчёт по маркетинговым исследованиям уровня удовлетворенности потребителей качеством подготовки выпускников, требований и заявок потребителей	Начальник ОККО
4	УМКД	Зав. кафедрой

Процесс мониторинга знаний студентов представлен в блок-схеме на рис. 1.

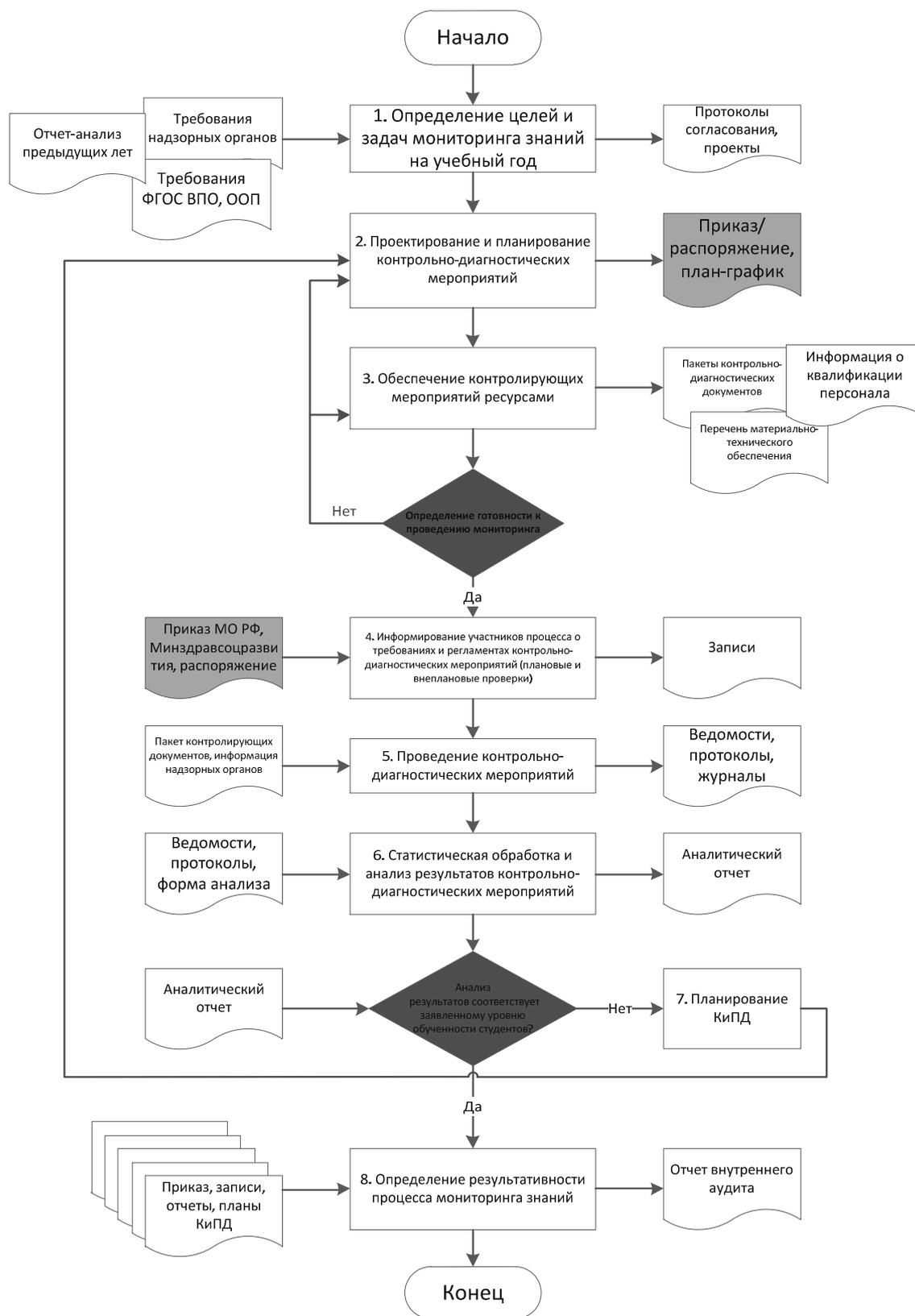

Рис. 1. Блок-схема процесса «Мониторинг знаний студентов»

Содержание и последовательность действий, матрица ответственности должностных лиц процесса «Мониторинг знаний студентов» представлены в таблице 2.

Таблица 2

№ п/п	Действия	Комментарий	Должностные лица			
			Проректор по УР	Начальник УМО	Начальник ОККО	Зав. кафедрой
1.	Определение целей и задач мониторинга знаний на учебный год	<p>1.1. Отслеживание надлежащего уровня качества образования и анализа информации об организации и результатах образовательного процесса для эффективного решения задач управления качеством образования осуществляется через сбор, изучение и оценку уровня теоретических знаний и умений в практической деятельности, осуществляемые путем организации контроля знаний</p> <p>1.2. Выявление соответствия уровня знаний, умений и навыков студентов современным требованиям и требованиям ФГОС ВПО</p> <p>1.3. Информирование руководства об уровне соответствия обученности студентов установленным требованиям</p>	О			
2.	Проектирование и планирование контрольно-диагностических мероприятий	На основании SWOT – анализа определяются внешние возможности и угрозы и внутренние сильные и слабые стороны, влияющие на качество подготовки специалистов. Структурные подразделения (УМУ, деканат, кафедра, ОККО), участвующие в контроле качества образования, согласовывают и формируют план-график контрольно-диагностических мероприятий с целью получения объективной информации об уровне обученности студентов и работе ППС		О		
3.	Обеспечение контролируемых мероприятий ресурсами	Подготовка квалифицированного персонала, обеспечивающего контрольно-диагностические мероприятия на кафедре				О
		Подготовка квалифицированного персонала, обеспечивающего контрольно-диагностические мероприятия на уровне ФЭПО, АСТ, оценки практических навыков			О	
		Материально-техническое обеспечение контрольно-диагностических мероприятий	О			
		Подготовка, согласование и утверждение контрольно-диагностических материалов (формирование фондов оценочных средств) для проведения внутренних мероприятий, в соответствии с графиком/планом				О
4.	Информирование участников процесса о требованиях и регламентах контрольно-диагностических мероприятий	Информирование участников процесса при плановых проверках осуществляется через рассылку утвержденных графиков и расписаний в соответствии с установленными сроками и объемами		О		
		Внеплановые контрольно-диагностические мероприятия/проверки проводятся на основании приказа распоряжения. Информирование участников процесса осуществляется в соответствии с установленными сроками и объемами	О			

5.	Проведение контрольно-диагностических мероприятий					
5.1.	Проведение входного контроля знаний студентов	<p style="text-align: right;"><i>«Всякий шаг вперед должен опираться на повторение прежнего».</i> <i>К. Д. Ушинский</i></p> <p>Входной контроль знаний (ВКЗ) является одним из видов контроля за ходом и качеством обучения студентов и проводится с целью проверки базовых знаний полученных на предшествующих дисциплинах. Входному контролю подлежат не менее 90 % студентов, начинающих изучать дисциплину. ВК проводится на первом занятии, форма, метод и критерии оценки утверждаются в РП по дисциплине. Преимущество отдается тестовым формам (нормативно-ориентированное тестирование). Каждый студент оценивается индивидуально. Выполнение практических заданий при ВК проводится по вопросам/билетам. Материально-техническое и учебно-методическое обеспечение ВК контролируется заведующим кафедрой. Результаты ВК вносятся в учебный журнал. Анализ результатов ВК обсуждается на заседаниях кафедр (кафедра-поставщик и кафедра-потребитель), на рабочих совещаниях Совета деканов с целью выработки рекомендаций по преимственности знаний, выработки единых критериев оценок, улучшения качества подготовки специалистов.</p>				О

5.2.	Проведение текущего контроля успеваемости и посещаемости студентов	<p>Текущий контроль знаний (ТК) или тематический является основным видом контроля за ходом и качеством обучения студентов и проводится систематически с целью установления правильности понимания и усвоения учебного материала в соответствии с дидактическими единицами рабочей программы. Текущему контролю подлежат 100 % студентов, обучающихся в группе на каждом учебном занятии в назначенное по плану время. Текущий контроль проводит преподаватель, ведущий занятия. Учебно-методические материалы, критерии оценок и форма проведения утверждаются на заседании кафедры. Результат ТК выставляется ежедневно в учебном журнале, учитывается при выведении итоговой оценки по циклу дисциплины, которая выставляется в зачетной книжке студента в установленном порядке. Рубежный контроль (РК) является частью текущего контроля и проводится в форме контрольной работы, промежуточного зачета, защиты творческой/самостоятельной работы и др. Рубежный контроль могут проводить преподаватель, ведущий дисциплину в группе, заведующий кафедрой, назначенный (утвержденный) ректором, независимый внутренний эксперт университета. Тематика и учебно-методические материалы РК обязательно обсуждаются и утверждаются на заседании кафедры (№ протокола). Оценка за рубежный контроль выставляется индивидуально в учебный журнал и учитывается при выставлении итоговой оценки за семестр/дисциплину. Результаты контрольных работ, проводимых по приказу/распоряжению ректора или вышестоящих органов, оформляются в виде ведомостей/протоколов. Письменные контрольные работы хранятся на кафедре 1 год. Анализ результатов ТК и РК проводится преподавателем в процессе обучения и зав. кафедрой при завершении изучения дисциплины.</p>				О
5.3.	Поведение Промежуточной аттестации (итог по дисциплине)	<p>Итоговый контроль (ИК) обученности студентов по дисциплине проводится с целью определения достигнутого уровня усвоения студентами основного учебного материала по дисциплине в целом, качества сформулированных у них базовых знаний, умений, навыков (ключевых компетенций). Итоговому контролю по дисциплине подлежат 100% студентов, изучавших дисциплину. ИК в виде проведения зачета или промежуточной аттестации студентов проводится по графику/расписанию учебного процесса в соответствии с Положением о проведении промежуточной аттестации. Основными формами промежуточной аттестации являются: экзамен по отдельной дисциплине, комплексный экзамен по двум или нескольким дисциплинам, зачет по отдельной дисциплине, защита курсовой работы.</p>				О

5.4.	Оценка остаточных знаний/умений	Проводится по дисциплинам, изученным ранее (не более года) на основании распоряжения/приказа. Учебно-методическое обеспечение ориентировано на ключевые компетенции, которые являются важными для будущей профессиональной деятельности, и утверждаются на уровне ЦМК. Формирование заданий для проверки остаточных знаний/умений осуществляется с учетом значимости междисциплинарных связей и последовательности изучения дисциплин.		О		
5.5.	Проведение ИГА	Итоговая Государственная аттестация по специальности проводится в соответствии с Положением об ИГА.	О			
6.	Статистическая обработка и анализ результатов контрольно-диагностических мероприятий	Статистическая обработка результатов контрольно-диагностических мероприятий и их анализ проводится с учетом требований ФГОС ВПО и педагогических технологий в соответствии с формами и методами проведения мониторинга знаний студентов. Персонал, проводящий статистическую обработку результатов, должен иметь достаточный уровень компетенций. Документирование результатов осуществляется в утвержденных электронных формах/протоколах и аналитических отчетах ОККО.			О	
7.	Планирование КиПД	Текущие проблемы учебного процесса выносятся и обсуждаются на Ученых советах факультетов, которые проводятся в соответствии с планом на протяжении учебного года с привлечением заведующих кафедр и других ответственных лиц факультета. Наиболее важные вопросы выносятся на Учёный совет университета. Оценка по критериям обсуждается на Ученых советах факультетов после каждой сессии или в начале следующего учебного года. После чего деканы факультетов выносят предложения на Ученый совет университета. Проректор по УВР контролирует выполнение требований стандарта посредством аудиторских проверок и анализа обязательных записей по процессу. В результате анализа таких проверок делается заключение, которое направляется руководству университета. Далее следуют корректирующие и предупреждающие действия, направленные на улучшение качества. Цель планирования КиПД – выявление причин низкого уровня усвоения знаний и умений студентами и предупреждение появления повторного несоответствия уровня обученности.			О	
8.	Определение результативности процесса мониторинга знаний	Анализ результативности процесса, проверки на соответствие и анализ записей следуют с периодичностью один раз в год и осуществляются внутренними аудиторами в соответствии с утвержденным планом аудитов.			О	

Примечание. Уровни ответственности должностных лиц: «**О**» – несет ответственность за качество данного этапа работы, ответственный исполнитель.

Блок-схема процесса «Организация и проведение мониторинга знаний студентов на кафедре» представлена на рис. 2.

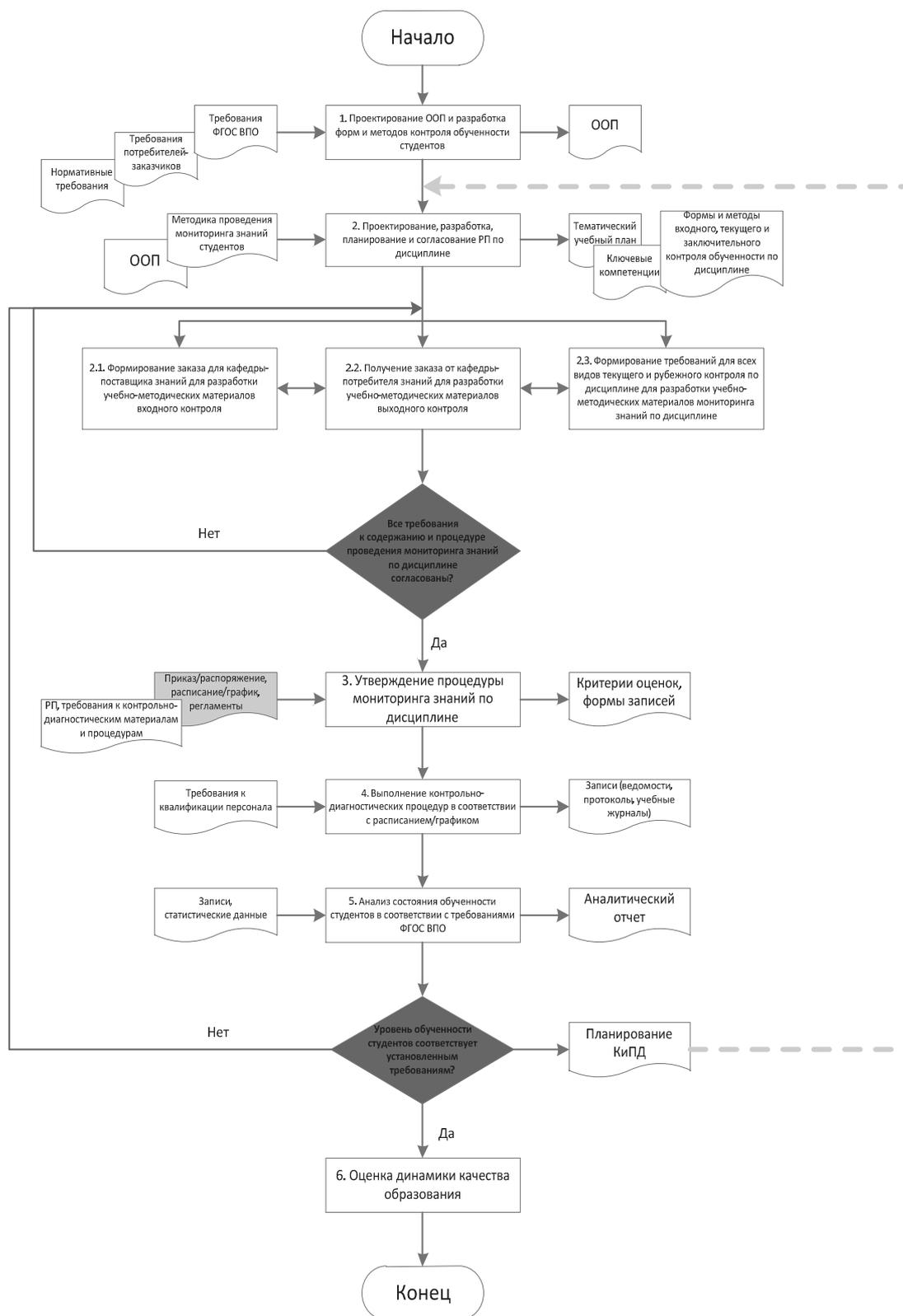

Рис. 2. Блок-схема «Мониторинг знаний студентов на кафедре»

Содержание и последовательность действий, матрица ответственности должностных лиц процесса «Мониторинг знаний студентов на кафедре» представлены в таблице 3.

Таблица 3

№ п/п	Действия	Комментарий	Должностные лица				
			Проректор по УР	Начальник УМУ	Зав кафедрой	Преподаватель	
1	Проектирование ООП и разработка форм и методов обученности студентов	При проектировании ООП в соответствии с требованиями к уровню обученности студентов (цели и задачи обучения) необходимо определить содержание учебного материала – «чему учить» и «как учить» – организация учебного занятия с учетом планируемого конечного результата (уровня обученности). РП дисциплины содержит ДЕ, формы организации учебной деятельности и формы контроля обученности студентов (входной, текущий и итоговый по дисциплине контроль)		О			
2	Проектирование, разработка, планирование и согласование РП по дисциплине				О		
3	Формирование заказа для кафедры – поставщика знаний для разработки учебно-методических материалов входного контроля	В «заказе» от кафедры-потребителя и для кафедры-поставщика согласовываются ключевые компетенции и уровни обученности студентов, которые влияют на качество профессиональной подготовки. Формы и методы входного и выходного контроля должны соответствовать целям и задачам обучения. Например, проверка теоретических знаний – нормативно-ориентированное тестирование; определение уровня овладения практическими умениями – решение задач, манипуляция, алгоритм действия.			О		
4	Получение заказа от кафедры-потребителя знаний для разработки учебно-методических материалов выходного контроля				О		
5	Формирование требований для всех видов текущего и рубежного контроля по дисциплине для разработки учебно-методических материалов мониторинга знаний по дисциплине				О		
6	Утверждение процедур мониторинга знаний по дисциплине		Осуществляется комплексно на заседании кафедры. При наличии внедренной рейтинговой системы оценки учебных достижений студентов критерии оценок, процедуры контроля и формы записей должны быть известны студентам и преподавателям кафедры до начала занятий.		О		
7	Выполнение контрольно-диагностических процедур в соответствии с расписанием/графиком		До проведения процедур контроля обученности студентов требования к персоналу и его квалификации, алгоритм действий преподавателей, уровни ответственности за ведение документации и управление данными должны быть определены и доведены до сведения ответственных лиц.				О

8	Анализ состояния обученности студентов в соответствии с требованиями ФГОС ВПО	Статистические данные и аналитический отчет содержит информацию о выполнении требований ФГОС ВПО к уровню подготовки студентов по ДЕ РП в соответствии с целями обучения. Внимание! Информация об абсолютной и качественной успеваемости по дисциплине не демонстрирует уровень учебных достижений студентов на соответствие требованиям ФГОС ВПО.			О	
9.	Оценка динамики качества образования	Сравнительный анализ и динамика качества обученности студентов (качества образования) осуществляется с учетом статистических показателей и результативности процесса обучения. Временные показатели – за учебный год, за аналогичный семестр. Критериальные показатели – см. п. 2.	О			

Выходы процесса приведены в таблице 4.

Таблица 4

№ пп	Наименование выходных данных	Документ	Ответственное должностное лицо
1.	Записи по проведению УП	Учебные журналы групп, Журналы преподавателей	Зав. кафедрой
2.	Записи по проведению контрольно-диагностических мероприятий	Зачетные и экзаменационные ведомости, зачетные книжки, Протоколы заседаний УС	Проректор поУВР
3.	Итоговая государственная аттестация	Итоговая и сводная ведомости, отчеты ИГА	Ректор
4.	Аналитические отчеты		Руководитель структурного подразделения

Основные группы критериев и критерии оценок мониторинга знаний по информационным группам представлены в таблице 5.

Таблица.

Группа критериев	Направление	Критерии оценки	Уровень управления информацией
1. Критерии успешности усвоения знаний Критерии оценки уровня обученности	Выполнение требований ФГОС ВПО к качеству подготовки специалиста по ООП (цикл дисциплин/дисциплина/ДЕ)	% соответствия	Декан
	Выполнение требований заказчика на соответствие уровня достигнутых ключевых компетенций модели специалиста (требования регионального компонента)	% соответствия	Декан
	Количество отчисленных студентов за семестр/уч. год	Абсолютные и относительные показатели	Декан
	Показатели ежемесячной аттестации студентов (мониторинг успеваемости студентов).	Устанавливаются деканатом специальности	Декан

	Состояние академической успеваемости за семестр (% студентов, не достигших нужного уровня ключевых компетенций/количество студентов, проходящих «отработку» и имеющих задолженности)	Абсолютная успеваемость % невыхода на сессию; на конец семестра / на конец сессии/на конец учебного года; через месяц после окончания сессии	Декан
	Состояние академической успеваемости по результатам сессии (мониторинг успеваемости студентов).	Абсолютная и качественная успеваемость	Декан
2. Формализованные критерии качества обучения	Информация для планирования КиПД по управлению знаниями по дисциплине/ООП: Формализованные показатели	% абсолютной успеваемости; % качественной успеваемости; уровень удовлетворенности заказчиков (потребителей) выпускников качеством подготовки специалистов	Декан
	Косвенные показатели качества обученности;	количество выпускников, окончивших университет на отлично, на отлично и хорошо; успеваемость по результатам ГЭК и ГАК; количество именных стипендий; результаты оценок остаточных знаний студентов; число взысканий и поощрений по данным ежемесячной аттестации. (в абсолютных и относительных показателях)	Проректор по УР
	Трудоустройство выпускников	количество трудоустроенных специалистов на предприятия отрасли и смежных отраслей (%); количество продолживших обучение по выбранной специальности по дополнительным программам и программам следующего уровня (%); карьерный рост и достижения выпускников (за 3 года); соотношение положительных и отрицательных отзывов о молодых специалистах (за 3 года).	Проректор по УР
3. Критерии оценки результативности процесса предоставления знаний (условия реализации ООП)	% выполнение учебного плана информация о срывах занятий и не выполнении расписания Методика: экспертная оценка, аудит.	факт/план записи, отчеты по аудитам	Начальник УМУ

<p>4. Критерии результативности процесса мониторинга</p>	<p>- проектирование, разработка, проведение и анализ результатов МЗС в соответствии с намеченными сроками (выполнение приказов, распоряжений, плана/графика); - информационное обеспечение процедур мониторинга знаний (своевременность и доступность информации для участников процесса – студентов, преподавателей, руководителей структурных подразделений/зав. кафедрами; использование ресурсов учебного портала, возможностей электронного документооборота); - обеспечение процедур мониторинга техническими средствами и сертифицированными программными продуктами; - методическое обеспечение процедур мониторинга знаний: • информационно-методическими пособиями для преподавателей; • контролирующими материалами для студентов; - обеспеченность квалифицированными кадрами). Методика: экспертная оценка, аудит.</p>	<p>Количество несоответствий за уч. год по результатам аудитов</p> <p>план/факт, %</p> <p>% преподавателей, прошедших обучение по организации и обеспечению контроля обученности студентов и организации процедур мониторинга знаний от общего количества ППС</p>	<p>Начальник ОККО</p>
<p>5. Критерии удовлетворенности участников процесса</p>	<p>Методика: социологические исследования, сравнительный анализ прошлых лет.</p>	<p>отсутствие/наличие жалоб; результаты анкетирования / опроса; наличие предложений по улучшению</p>	<p>Начальник ОККО</p>
<p>6. Критерии мониторинга процесса</p>	<p>Мониторинг процесса проводится в текущем режиме. Ответственным за проведение мониторинга является проректор по УР. Анализ мониторинга проводится 2 раза в год по результатам семестра. Методика: сравнительный анализ.</p>	<p>Соответствие запланированным требованиям</p>	<p>Начальник ОККО</p>

Одной из составляющих процесса мониторинга знаний студентов является мониторинг их успеваемости. Процедура мониторинга успеваемости студентов НГМУ включает следующие мероприятия:

1. Сбор сведений об успеваемости студентов ежемесячно и по итогам сессии.
2. Анализ успеваемости студентов и выявление причин низкой успеваемости.
3. Разработка рекомендаций по внедрению в учебный процесс мер, направленных на повышение количественной и качественной успеваемости студентов.

В целях повышения успеваемости студентов младших курсов по дисциплинам учебного плана, требующим базовых знаний по соответствующим дисциплинам школьного курса, коллектив университета принимает следующие меры:

- организуются дополнительные групповые занятия для слабоуспевающих студентов;
- разрабатываются и внедряются такие технологии обучения, которые позволили бы максимально активизировать образовательный процесс, в частности, стимулировать самостоятельную работу студентов и использовать весь арсенал современных информационных технологий;
- разрабатываются пропедевтические материалы для поддержки обучающихся, позволяющие актуализировать имеющиеся и восполнить недостающие знания, необходимые для изучения данной дисциплины.

В случаях, когда количество отрицательных оценок по определенному курсу каких-либо факультетов велико, деканатами соответствующих факультетов проводится тщательный анализ всех оценок, полученных студентами этого курса. Процедура анализа включает беседы со студентами и преподавателями и выявление в процессе бесед причин низкой успеваемости по дисциплине. Далее, в соответствии с результатами анализа, может проводиться корректировка рабочих программ по дисциплинам; преподавателю дисциплины рекомендуется изменить образовательную технологию, выбрать оптимальные формы и методы работы со студентами.

Анализ причин отчислений студентов показывает, что основанием для отчисления, как правило, является низкая академическая успеваемость.

Причинами низкой академической успеваемости студентов являются:

- слабая базовая подготовка студентов (школьный курс, предшествующие дисциплины);
- неумение студентов работать самостоятельно с учебной литературой и методическими материалами;
- отсутствие у студентов общеинтеллектуальных умений для овладения новой учебной информацией;
- низкая мотивация к учебе и значительная трудоемкость обучения.

К показателям низкой успеваемости студентов может привести отсутствие:

- четко сформулированных требований к уровню обученности (что студент должен: знать / прочитать / выучить наизусть /, законспектировать / выделить главное / систематизировать / выполнить самостоятельно по алгоритму /, другое. Что студент должен: уметь выполнить самостоятельно по алгоритму / решить ситуационную задачу по образцу /, освоить профессиональную компетенцию в соответствии с требованиями стандарта /, другое)
- четко сформулированных критериев оценки;
- алгоритмов выполнения поставленных задач (стандартных действий);
- перечня типичных ошибок или возможных неправильных действий, которые мешают получить планируемый результат;
- информации для студентов в виде бумажного или электронного ресурса;
- доступной наглядности и использование современных компьютерных технологий;
- обратной связи от студентов о степени трудности изучения отдельных тем или дисциплины в целом.

Библиографический список

1. Путилова Л. А. Мониторинг качества знаний студентов вуза // Современные системы оценки качества знаний о высшем профессиональном образовании: проблемы и перспективы: сб. статей по итогам межрегионального научно-методического семинара. – Тюмень: Изд. ТюмГУ. 2007. – С. 56–59.
2. Талых А. Н. Предмет мониторинга – качество образования // Директор школы. – 1999. – № 3. – С. 13–20.
3. Беденко Н. Н. Внедрение внутривузовской системы обеспечения качества // Методы менеджмента качества. – 2009. – № 12. – С. 26–32.
4. Нуждин В. Н., Кадамцева Г. Г. Стратегическое управление качеством образования: учебное пособие. – Иваново: ИГЭУ, 2006. – 88 с.
5. Никитин Н. Ш., Щеглов П. Е. Качество высшего образования. Риски при подготовке специалистов // Университетское управление: практика и анализ – 2003. – № 1. – Интернет-версия журнала: <http://www.umj.ru/index>.

Bibliography

1. Putilova L. A. Monitoring of students' knowledge of high school // Current system of quality assessment of knowledge of higher professional education: Problems and Prospects: Collection of articles on the basis of interregional scientific and methodical seminar. – Tumen: TSU, 2007. – P. 56–59.
2. Thawed A. N. The subject of monitoring – the quality of education // School director. – 1999. – № 3. – P. 13–20.
3. Bedenko N. N. Introduction itrauniversity quality assurance / Quality management methods. – 2009. – № 12. – P. 26–32.
4. Nuzhdin V. N., Kadamtseva G. G. Strategic management of education quality. – Ivanovo: ISEU, 2006. – 88 p.
5. Nikitin N. S., Shcheglov P. E. Quality of Higher Education. Risks associated with training // University administration: Practice and Analysis. – 2003. – № 1. – Internet version of the magazine: <http://www.umj.ru/index>.

УДК 371.3: 81'243+378

ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИННОВАЦИОННЫХ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ ТЕХНОЛОГИЙ ПРИ ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ В НЕЯЗЫКОМ ВУЗЕ

Н. И. Ефимова, Л. Б. Бурова

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации (Финансовый университет), г. Москва, Россия

SPECIFIC FEATURES OF APPLICATION OF INNOVATIVE FOREIGN LANGUAGE TEACHING TECHNOLOGIES IN NON-LANGUAGE ORIENTED HIGHER EDUCATIONAL INSTITUTIONS

N. I. Efimova, L. B. Burova

Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia

Summary. The transition in the two-level system associated with the training of masters and bachelors, actually entails the new structure of educational environment, qualitative changes in the content-matter of educational programme and more intensive use of new educational technological methods. None of the methods described in the article can be regarded universal, each of them has its own benefits and peculiarities and should be used in combination taking into account the peculiarities of the target audience, their background and objections in learning English.

Keywords: interactive teaching methods, development of professional skills and competences, business games, role plays, situational games, off-line/on-line technologies, blended learning.

Переход на уровневую систему, связанную с подготовкой бакалавров и магистров, по существу означает новую конфигурацию образовательной среды, качественные изменения содержательного характера и более активное использование новых образовательных технологий, в основе которых лежит интерактивное обучение. Остановимся более подробно на некоторых видах инновационных педагогических технологий.

Ролевые игры проблемной направленности хорошо известны преподавателям иностранного языка как весьма действенная и привлекательная технология обучения при условии, что она не используется в качестве развлечения, а носит учебный характер. В методике наиболее широко используются ситуативные, игровые, проблемные, собственно ролевые и деловые игры [3, с. 142]. На самом деле классификаций учебных игр довольно много и разные авторы типологизируют игры по разным основаниям.

Характеризуя собственно ролевые игры, следует подчеркнуть, что они позволяют заметно активизировать речемыслительную деятельность учащихся. Кроме того, ролевые игры делают процесс обучения иностранному языку личностно значимым для учащихся, так как ролевая игра является формой имитационного моделирования условий предстоящей профессиональной деятельности. По определению Р. С. Аппатовой, ролевая игра – это обучение через общение, где осуществляется групповое взаимодействие на основе активной деятельности участников, причем особый акцент делается на самостоятельном, инициативном характере деятельности в игре. Сама игра состоит из проблемных ситуаций, объединенных общим сюжетом и общей учебной целью. [1, с. 17]. Ролевые игры дают возможность развить у студентов навыки языкового общения и позволяют им максимально полно выразить себя. Ролевые игры направлены главным образом на развитие социолингвистической компетенции, так как имеют коммуникативно-ситуативную направленность, где все внимание направлено не на учителя, а на ученика, причем используются различные способы реализации коммуникативных задач, такие, как работа в парах, диалог. Использование в ролевых играх коммуникативно-ориентировочных упражнений способствует достижению социокультурной компетенции. Ролевые игры направлены на выработку профессионально-ориентированных знаний и умений в процессе решения самими обучаемыми различных проблемных ситуаций.

Еще одной эффективной формой при обучении иностранному языку является деловая игра, где моделирование в игре приближено к реальным условиям профессиональной деятельности, имеется конфликтная ситуация и обязательная совместная деятельность участников игры, выполняющих определенные роли. Технология проведения деловой игры включает в себя много элементов и требует от участников и преподавателя длительной и тщательной подготовки. Деловые игры помогают студентам развивать следующие общие компетентности: умение работать в команде; способность брать на себя ответственность при решении различных вопросов и проявлять инициативу; умение выявлять проблемы и искать пути их решения; студенты учатся анализировать новые ситуации и применять для их анализа уже имеющиеся знания. Деловые игры побуждают студентов быть более активными и самостоятельными. Они способствуют интенсивному взаимодействию с материалом и лучшему его запоминанию. Позволяют за достаточно короткий срок освоить большой объем информации и обеспечить высокий уровень овладения материалом и закрепить его на практике. При этом опыт, полученный в игре, может оказаться даже более продуктивным, в сравнении с опытом, приобретенным в профессиональ-

ной деятельности. Это происходит по нескольким причинам. Прежде всего, деловая игра – это более безопасные условия: есть возможность проверить альтернативные решения и их последствия без риска для карьеры. Кроме того, деловые игры позволяют увеличить масштаб охвата действительности, дают возможность рассмотреть и смоделировать сложные, проблемные и трудноосуществимые на практике ситуации [2, с. 158–159].

Свидетельством интеграционных процессов отечественной высшей школы в европейскую систему образования является широкое распространение метода кейс-анализа. Этот метод направлен на усовершенствование аналитических способностей студента. Впервые данная методика была разработана Гарвардским университетом еще в 1870 году [5, с. 26–28]. Девид Коттон в учебнике *Business Class* актуализировал использование данного метода, где четко определил его цели: развитие умения анализа определенных проблемных ситуаций на иностранном языке в ситуации неигрового имитационного обучения. Использование данного метода помогает студентам сформировать ключевые профессиональные компетенции. Метод кейс-анализа предполагает переход от стадии накопления знаний к деятельному, практико-ориентированному подходу. В *case-study* сочетается индивидуальная работа обучающихся с проблемной ситуацией и групповое обсуждение предложений, подготовленных каждым членом группы. Данный метод важен для формирования профессиональных компетенций, поскольку позволяет устанавливать межпредметные связи, способствует развитию аналитического и системного мышления, освоению коммуникативных навыков и предполагает презентацию результатов проведенного анализа. Знания и навыки, полученные в процессе работы над кейс-стади, позволяют студентам не только овладеть английским языком для общения на указанную тему, но и эффективно применять эти знания для решения практических задач в будущем. Студент учится выходить из положения при получении и передаче информации в условиях дефицита языковых средств, в процессе ведения деловых переговоров, работает с информацией в устной и письменной форме. В результате происходит развитие как общих, так и профессиональных компетенций [4, с. 313–317].

Следование нормам и правилам Болонской декларации предполагает значительную самостоятельность студента при овладении знаниями, что требует особой информационной поддержки. В своей статье А. В. Тумалев [6, с. 93–94] рассматривает организацию самостоятельной работы студентов с использованием современных информационных технологий. Информационное взаимодействие осуществляется в высокотехнологичной информационной среде, где, во-первых, имеются новые субъекты системы учебного взаимодействия, которые принимают активное участие в процессе обучения. Во-вторых, усложняется структура этого взаимодействия в направлении развития коммуникативных и информационных реализаций. В-третьих, появляется возможность организовывать виды учебной деятельности, которые обеспечивают высокий уровень самостоятельности и «открытость» образования, что полностью соответствует вхождению в Болонский процесс. Так, технология «off-line» включает в себя: оперативную электронную переписку; телеконференцию распределенной группы; работу с электронными банками информации. Технология синхронного режима связи («on-line») включает не синхронизированную во времени дискуссию (форум), что предполагает обращение к новой информации только по инициативе самого участника форума; синхронизированную во времени дискуссию (чат); деятельность учащихся, которая направлена на поиск и анализ необходимой информации с использованием электронных

информационных ресурсов, а также на создание собственных ресурсов, «продуктов» деятельности в сетях.

Рамки данной статьи не позволяют нам более подробно остановиться на еще ряде инновационных педагогических технологий, которые получили широкое распространение в мировой методике обучения иностранным языкам в последнее десятилетие двадцатого и в начале двадцать первого века, а именно: обучение в малых группах сотрудничества, дискуссии, мозговые атаки, метод проектов и некоторых других. [3, с. 330–340]. Следует заметить, что ни один из указанных методов и технологий не является универсальным. Целесообразно использовать отдельные виды в зависимости от материала, группы и т. п. Ошибочно было бы злоупотреблять каким-либо одним из указанных видов. Но, несомненно, все перечисленные выше технологии займут важное место в образовательном процессе.

Библиографический список

1. Аппатова Р. С. Учебно-ролевая игра как средство интенсификации обучения групповому общению: Авторефер. дис. ...к.п.н. – М., 1987. – 17 с.
2. Кротовская М. А. Роль и значение ролевых игр в формировании социокультурной компетенции студентов-экономистов // Материалы межвузовской научно-практической конференции «Key skills and knowledge students need to participate successfully in the 21st century society». – М.: Изд. Академии бюджета и казначейства, 2009. – С. 158–159.
3. Миролюбов А. А. Современные педагогические технологии // Методика обучения иностранным языкам: традиции и современность / под. ред. А. А. Миролюбова. – Обнинск: Титул, 2010. – С. 346–348.
4. Солодовник К. Б. Метод кейс-стади в преподавании иностранных языков как свидетельство современных интеграционных процессов в образовательной системе // Материалы третьей международной научной конференции «Актуальные проблемы современного научного знания», часть 2. / под общей редакцией Н. А. Стадульской. – Пятигорск: ПГЛУ, 2010. – С. 313–315.
5. Твердохлебова И. П. Эволюция контекста преподавания английского языка делового общения в России и ее влияние на роль студента // Материалы межвузовской научно-практической конференции «Key skills and knowledge students need to participate successfully in the 21st century society». – М.: изд. Академии бюджета и казначейства, 2009. – С. 26–27.
6. Тумалев А. В. Иностранный язык в вузе: изменения в свете Болонского процесса // Социально-экономическое положение России в новых геополитических и финансово-экономических условиях: реалии и перспективы развития: Сборник научных статей. – Вып. 5. – СПб.: Институт бизнеса и права, 2008. <http://www.ibl.ru/konf/041208/index.shtml>.

Bibliography

1. Appatova R. S. Educational role-play as a means of intensifying training group communication: The summary ... dissertation of candidat of pedagogical science. – M., 1987. – 17 p.
2. Krotovskaja M. A. Role and importance of role-play in shaping the social competence of students in economics: Proceedings of Inter-University Scientific Conference «Key skills and knowledge students need to participate successfully in the 21st century society» – M.: Publishing house of Budget and Treasury Academy, 2009. – P. 158–159.
3. Mirolubov A. A. Modern educational technology // Methodology of teaching foreign languages: traditions and modernity / edited. A. A. Miroljubov. – Obninsk: Title, 2010. – P. 346–348.
4. Solodovnik K. B. Case-study method in teaching foreign languages as a sign of modern integration processes in the educational system // Proceedings of the Third International Scientific Conference «Actual problems of modern scientific knowledge», part 2. / ed. N. A. Stadulskaja. – Pyatigorsk: PGLU, 2010. – P. 313–315.
5. Tverdokhlebova I. P. Evolution context of teaching English business communication in Russia and its influence on the role of students in Proceedings Interuniversity Scientific Conference «Key skills and knowledge students need to participate successfully

in the 21st century society». – Publishing house of Budget and Treasury Academy, 2009. – P. 26–27.

6. Tumalev A. V. Foreign language in high school: changes in the light of the Bologna Process // Socio-economic situation in Russia in the new geopolitical and economic and financial environment: realities and prospects: Collected articles. – Vol. 5. – SPb.: Business and Law Institute, 2008. <http://www.ibl.ru/konf/041208/index.shtml>.

УДК 37.015.3

УСЛОВИЯ КОНСТРУКТИВНОГО РАЗРЕШЕНИЯ КОНФЛИКТОВ МЕЖДУ УЧИТЕЛЕМ И УЧЕНИКОМ

С. А. Слепцова

Воронежский экономико-правовой институт, г. Воронеж, Россия

THE CONDITIONS OF CONSTRUCTIVE SALVATION OF TEACHER-PUPILS CONFLICTS

S. A. Sleptsova

Voronezh Economic-Legal Institute, Voronezh, Russia

Summary. The author of the article gives a definition of the term conflict salvation and discovers conditions of constructive salvation of teacher-pupil conflicts.

Keywords: conditions, a teacher, a pupil, conflict salvation.

В последние годы отношения между учителями и учениками стали значительно сложнее и напряженнее (М. М. Рыбакова, И. А. Зимняя, С. М. Илюсизова). «Конфронтация с детьми, условия жизни которых сегодня нельзя назвать благоприятными, является обычной составной частью реальности» (А. Я. Анцупов, А. И. Шипилов). Об этом свидетельствуют многочисленные публикации в печати на эту тему, информация различных СМИ. Поэтому повышенный интерес психологов, социологов, педагогов к проблеме конструктивного разрешения конфликтов в системе отношений «учитель-ученик» совершенно оправдан. И наше исследование, направленное на изучение формирования готовности старшеклассников к преодолению ситуаций конфликтного общения в системе отношений «учитель-ученик», является одной из составляющих продуктивного (конструктивного) разрешения этой проблемы.

Общение – многостороннее и многофункциональное явление, которое во многом определяет и само взаимодействие между учителем и учеником. Как писал А. А. Бодалев, «ситуация, когда один человек воздействует на другого, – это ситуация взаимодействия, а поэтому эффект воздействия, как правило, связан с характером соотношений особенностей, имеющих и у одной, и у второй личности (учителя и ученика)». Отсюда система отношений «учитель-ученик» в общем виде характеризуется противоречивостью – гармоничностью, конфликтностью – бесконфликтностью, принятием – непринятием, открытостью – закрытостью (Н. В. Кузьмина, И. А. Зимняя, А. А. Реан, А. К. Маркова и др.). Хотя учитель в основном вступает с учащимися в деловые, рабочие, официальные отношения, всегда имеются и сугубо личные отношения, основанные на чувстве привязанности, симпатии, благожелательности, или же напротив, – на чувстве неприязни, холодности, антипатии [1, с. 35]. Такие личные отношения всегда присутствуют внутри деловых отношений, и учебная деятельность не

является исключением, что часто отражается на взаимоотношениях в системе «учитель-ученик»; и порой в конфликт вовлекается вся личность [2, с. 38]. Поэтому проблема разрешения конфликтов между учителем и учеником в процессе учебной деятельности имеет свою специфическую направленность и остается актуальной (И. А. Зимняя, А. Б. Добрович, В. А. Кан-Калик, С. В. Банькина, Р. М. Коблев). С целью более глубокого представления особенностей готовности старшеклассников к преодолению конфликтов с учителями и возможности ее формирования возникает необходимость в рассмотрении условий конструктивного разрешения ситуаций конфликтного общения в системе отношений «учитель-ученик». Ввиду того, что многие авторы используют и другие понятия, которые отражают специфику и полноту прекращения конфликтных действий (например, В. В. Бойко, А. Г. Ковалев – «затухание», Н. Ф. Феденко, В. П. Галицкий – «преодоление», Л. Я. Гозман – «улаживание», А. Б. Добрович – «угашение»), также возникает необходимость уточнения самого понятия «разрешение конфликта».

Разрешение конфликта – это совместная деятельность его участников, направленная на прекращение противодействия и решение проблемы, которая привела к столкновению. Разрешение конфликта предполагает активность обеих сторон по преобразованию, по устранению причин конфликта [3, с. 413].

Разрешение конфликта – как результат повышения профессионализма, активизации собственной мыслительной деятельности учителя, осознание реальных причин конфликтных ситуаций с учащимися [4, с. 116].

Разрешить – исследуя, найти правильный ответ; найдя решение чего-нибудь, устранить, разъяснить, рассудить (разрешить конфликт) [5, с. 850].

Отсюда понятие «разрешение конфликта» в нашей интерпретации предполагает активную деятельность старшеклассника, направленную на прекращение конфликтных действий, осознание причины и прекращение проблемы, которая привела к столкновению с педагогом.

Разрешение конфликта приводит к разрядке, спаду напряженности, переключению внимания на свои обязанности и дела; повышению активности старшеклассников в учебной деятельности, в результате чего происходит восстановление душевного равновесия, углубление понимания жизненных ситуаций, возникновение нового ценностного сознания старших школьников; учащиеся стремятся сохранить единство в системе отношений «учитель-ученик». Таким образом, знание природы конфликта и умелое преодоление его на практике имеет огромное значение как для отдельной личности, так и для системы «учитель-ученик» в процессе учебной деятельности [1, с. 30]. Анализ психолого-педагогической литературы (О. В. Галустова, А. Б. Добрович, М. М. Рыбакова, К. С. Лисецкий, И. Г. Атаянц, Л. М. Ломджария, Е. И. Кокконен и др.) позволил выделить следующие условия, при которых разрешение конфликтов имеет конструктивный (продуктивный) характер: прекращение конфликтного взаимодействия; поиск общих или близких по содержанию точек соприкосновения в целях и интересах; изменение эмоционального отношения к противоборствующей стороне; объективное обсуждение проблемы; выбор оптимальной стратегии разрешения конфликтной ситуации. Рассмотрим эти условия подробнее.

Прекращение конфликтного взаимодействия означает, что в ходе общения (в процессе учебной деятельности) должно быть изменено поведение обеих сторон или одной из них. Известно, что это условие выполнимо при наличии определенного набора личностных характеристик кон-

фликтующих в диаде «учитель-ученик». В самом общем виде набор личностных характеристик представляется как интеграция социального и биологического: возрастные и половые особенности, тип нервной системы (темперамент), волевые качества, коммуникативные умения и навыки, уровень конфликтологической грамотности, эмоциональность, активность, мотивационная сфера (Л. Д. Столяренко, А. А. Реан, Л. М. Фридман, И. Ю. Кулагина). Прекращение конфликтного взаимодействия также возможно при осознании (признании) обеими сторонами существования конфликта; при правильной оценке, анализе конфликтной ситуации; прогнозировании ее дальнейшего развития. Основной целью психологического анализа ситуации является создание достаточной информационной основы для принятия основного решения возникшей ситуации. В этом случае прогнозирование обеспечивает заблаговременное обнаружение тех противоречий взаимодействия учителя и ученика, которые в будущем могут стать основой продолжения конфликта. Отсюда следует, что прогнозирование в отношении проблемной ситуации способствует подавлению ее развития. Таким образом, учет личностных характеристик конфликтующих сторон, прогнозирование развития конфликта, оценка и анализ ситуации способствуют продуктивному разрешению конфликтной ситуации между учителем и учеником.

Поиск общих или близких по содержанию точек соприкосновения в целях и интересах учителя и ученика является процессом двусторонним и предполагает анализ каждой стороной не только своих целей и интересов, но также и целей и интересов другой стороны. Примером этого условия в нашем случае может служить период подготовки учащихся старших классов к выпускным экзаменам – точкой соприкосновения может быть результат подготовки учащегося, т. е. заинтересованность обеих сторон в положительном результате. Здесь, с одной стороны учитель, желающий получить высокий процент качества знаний ученика, который является показателем его успешной работы с этим учеником, с другой стороны учащийся, нацеленный на высокую оценку или экзаменационный балл, обеспечивающий ему дальнейшую учебу после школы. Таким образом, в этом случае для разрешения конфликтной ситуации возникает необходимость сосредоточения не на личностях (учитель-ученик), а на интересах и целях.

Изменение эмоционального отношения к противоположной стороне означает деятельность сторон в направлении смягчения негативного отношения друг к другу, т. е. перевод отношений в системе «учитель-ученик» на уровень взаимоприемлемых для обеих сторон, переключение внимания с аффективно-напряженных отношений в сферу деловых отношений учебной работы. Опыт совместной деятельности во имя достижения общей цели сближает общающихся, позволяет открывать новые, дополнительные способы преодоления трудностей и неприятностей, связанных с разрешением конфликтов [2, с. 36]. Среди приемов уменьшения негативных эмоций противоположной стороны также выделяют такие, как положительная оценка некоторых действий взаимодействующих, готовность идти на сближение позиций, обращение к третьей стороне, критичное отношение к самому себе, уравновешенное собственное поведение и др.

Объективное обсуждение проблемы предполагает умение выделить главные стороны возникшего противоречия и отказ от отстаивания исключительно своих интересов и целей. Понимание проблемы, ставшей основой конфликта, играет важную роль в его разрешении [6, с. 192]. Особенно эффективно это условие при приглашении «третьей стороны» – психолога, который сможет грамотно провести психологический анализ

конфликтной ситуации и поможет участникам найти не только варианты разрешения, но и возможные пути предупреждения и погашения конфликта. Основные стороны, которые рассматриваются участниками – это:

- 1) что предшествовало возникновению конфликта (место возникновения, деятельность участников);
- 2) какие возрастные и индивидуальные особенности участников проявились в их поведении, ситуации, поступке;
- 3) ситуация с позиции учителя и ученика;
- 4) личностные позиции учителя и ученика;
- 5) содержание конфликта (конфликт деятельности, поведения или отношений);
- 6) варианты погашения, предупреждения и разрешения ситуации, корректировка поведения сторон;
- 7) перспективы дальнейшего взаимодействия.

Акцентирование внимания на второстепенных вопросах, забота только о своих интересах снижают шансы конструктивного решения проблемы.

Одним из лучших способов разрешения конфликтной ситуации в системе отношений «учитель-ученик» является выбор оптимальной стратегии поведения (условие оптимального выбора стратегии разрешения конфликтной ситуации). К наиболее эффективным стратегиям относятся компромисс и сотрудничество. Компромисс состоит в желании обеих сторон завершить конфликт частичными уступками. Он характеризуется готовностью признать претензии другой стороны частично обоснованными, готовностью простить. Для его достижения можно применить технику «открытого разговора», которая заключается в: 1) обоснованном заявлении, что конфликт невыгоден обоим сторонам; 2) предложении закончить конфликтовать; 3) признании своих ошибок; 4) без негативных эмоций обсудить взаимные уступки и при необходимости откорректировать их.

Сотрудничество предполагает направленность учителя и ученика на конструктивное обсуждение проблемы, рассмотрение их как союзников в поиске оптимальных решений. Способ сотрудничества в системе «учитель-ученик» целесообразно осуществлять с использованием предложений взаимовыгодных вариантов и объективных критериев, а также с учетом важности решения для обеих сторон.

При привлечении психолога («третья сторона») для помощи в разрешении конфликтной ситуации может быть использована стратегия «выиграть-выиграть», которая превращает конфликтующие стороны в деловых партнеров и является одновременно и этической, и эффективной. Совместно с психологом учитель и ученик проходят четыре этапа использования этой стратегии. На первом этапе устанавливается, какая потребность стоит за желаниями сторон; на втором – определение возможности компенсации различий участников в каком-либо аспекте; на третьем этапе разрабатываются новые варианты решений, наиболее устраивающие обе стороны; на четвертом при условии сотрудничества обеих сторон находится совместное решение проблемы (Х. Корнелиус, Ш. Фэйр).

Подводя итоги сказанному, необходимо отметить, что каждый конфликт носит неповторимый, индивидуальный характер. Поэтому определение существа конфликта важно для нахождения средств эффективного поведения [2, с. 37], которые в целом и составляют условия конструктивного разрешения конфликтов между учителем и учеником, а единство и общность мотивов и целей в системе отношений «учитель-ученик» становятся залогом сохранения и утверждения норм поведения конструктивно-го взаимодействия.

Библиографический список

1. Илюсизова С. М. Учитель и ученик: проблемы взаимоотношений. – Алма-Ата: Мектеп, 1989.
2. Потанин Г. М., Сахаров А. И. Конфликты: сущность и преодоление. – М.: ИПК, 1990.
3. Анцупов А. Я., Шипилов А. И. Конфликтология. – СПб.: Питер, 2008.
4. Рыбакова М. М. Конфликт и взаимодействие в педагогическом процессе. – М.: Просвещение, 1991.
5. Ожегов С. И. Словарь русского языка. – М.: ОНИКС, 2005.
6. Галустова О. В. Конфликтология: в вопросах и ответах. – М.: Проспект, 2008.

Bibliography

1. Ilyusizova S. M. Teacher and student: the problem of relations. – Alma-Ata: Mektep, 1989.
2. Potanin G. M., Sakharov A. I. Conflicts: the nature and the overcoming. – M.: IPC, 1990.
3. Ancupovs A. Ya., Shipilov A. I. Conflict. – Spb.: Peter, 2008.
4. Rybakova M. M. Conflict and cooperation in the educational process. – M.: Education, 1991.
5. Ozhegov S. I. Dictionary of Russian language. – M.: Onyx, 2005.
6. Galustova O. V. Conflict: questions and answers. – Moscow: Prospect, 2008.

СОЦИОЛОГИЯ

УДК 316.658

СЛУХИ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ

О. В. Кораблева

**Поволжский государственный университет сервиса, Тольятти,
Россия**

RUMORS AS A FACTOR OF PUBLIC OPINION DEVELOPMENT

O. V. Korableva

Volga State University of Service, Togliatti, Russia

Summary. This article reviews the interrelation between rumors phenomena and public opinion as a social institution. Rumors are considered to be a factor of public opinion development being a result of communication and a product of actual problems understanding. The author shows a scheme of interrelation between rumors and public opinion at the level of routine consciousness.

Key words: rumors, routine consciousness, individual mind, rumors object, routine knowledge, serotype, public opinion.

Тема слухов является недостаточно разработанной в отечественной социологии, в отличие от темы общественного мнения. Вопрос взаимодействия слухов и общественного мнения оказался обойденным вниманием российских ученых. На наш взгляд, этот вопрос представляется интересным и практически значимым.

Анализ слухов зависит от трактовки различных процессов общественного мнения. «Общественное мнение» определяет временные и колеблющиеся позиции и верования как результат коллективных попыток интерпретации постоянно возникающих новых ситуаций. Группа людей обнаруживает интерес к вопросу, обменивается позициями, имеющими к нему отношение, и интерпретирует их в терминах существующего культурного контекста в соответствии со спецификой своей субкультуры.

На ранних стадиях процесса коммуникации ее участники как носители слуха сильно разнятся в позициях по отношению к объекту слуха в зависимости от качества интереса, тревоги или беспокойства. Сообщение слухов стремится снизить расхождение в позициях и получить общее определение ситуации, общее чувство или настроение. Слух есть то значение, посредством которого еще временная и нестабильная коллективность возникает из совокупности. Публика слуха может расширяться, включая тех лиц, которые изначально не были ни заинтересованы, ни информированы о ситуации.

Общественное мнение представляет собой специфическое духовное явление, которое вырастает из определенных характеристик массового сознания, приобретая новые черты мнения, сгруппировавшегося вокруг определенного интереса или системы интересов. Оно обнаруживает способность формироваться как на уровне обыденного сознания, так и на уровне теоретического знания, а также в пространстве между ними. Общественное мнение включает в себя теоретико-научные представления о мире, с одной стороны, и стихийно производимое массами повседневное зна-

ние – с другой. Но, как акцентировал М. К. Горшков, «... в целом, в общественном мнении соотношение элементов обыденного и научно-теоретического сознания складывается в пользу первого» [2; с. 256].

Общественное мнение, являясь продуктом осознания актуальных проблем экономики, политики, культуры, проявляется в сопоставлении различных взглядов и позиций по данным вопросам. При этом поддержка или осуждение со стороны общественного мнения непосредственно влияют на социальное самочувствие, которое затем сказывается на социальном настроении в целом.

Существуют, по меньшей мере, две позиции по поводу характера отражения действительности в общественном мнении. Так, первая точка зрения заключается в том, что содержание общественного мнения и есть объективная реальность. Это означает, что мнение о факте и есть сам факт. С другой стороны, считается, что имеет место некое противопоставление, или отражение, никак не соответствующее объективно существующей действительности. Мы считаем, что общественное мнение представляет собой единство двух этих противоположных подходов относительно способности общественного мнения отражать общественное бытие и неспособности общественного мнения отражать общественные явления адекватно. Б. А. Грушин подчеркивал, что общественное мнение не всегда отражает действительность. Материальные отношения в жизни общества, своеобразно преломляются в сознании людей. Но это отражение никогда не бывает простым зеркальным. Оно является сложным противоречивым по своему характеру, испытывающим влияние массы различных факторов [3].

В. С. Коробейников относил мнение к проявлениям сознания и характеризовал его как совокупность логически связанных между собой суждений, содержащих оценку явления, процесса, человека. Мнение – это нечто аналогичное социальной норме. В субъективном смысле мнение есть убежденность, в объективном – познавательная функция. Оно возможно в ситуации, которая предполагает выбор и оценку различных вариантов разрешения данной ситуации. Характерной является такая черта, как определенная степень уверенности в правильности высказываемых суждений [4].

Общественное мнение – величина переменная в историческом смысле. Общество в каждый момент времени переживает определенную специфическую общественную ситуацию, которая и оказывается для общественного мнения пространством и временем, в пределах которых и возможно его реагирование в форме массовых оценочно-ценностных суждений, приобретение определенных состояний. При этом общественная ситуация определяется как совокупность взаимодействующих экономических, политических, социальных, духовно-идеологических и социально-психологических условий жизнедеятельности людей.

В структуре общественного мнения представлены рациональное, эмоциональное, волевое начала, где рациональный компонент является основополагающим. При этом направленность оценочной и волевой сторон могут находиться в противоречии. Специфика общественного мнения заключается в том, что в развитом состоянии оно представляет собой органический сплав интеллектуальных начал, социальных чувств и волевой активности субъекта [2].

Мнение как факт массового сознания есть суждения с различной степенью истинности и ложности, которые, в свою очередь, являются производными от социальной обусловленности, компетентности, социальной установки его агентов. База образования мнений различна. Мнение может зародиться а) в среде слухов, молвы, сплетен; б) в

пределах личного опыта индивида; в) в рамках коллективного опыта. Очевидно, слухи в данном случае являются весьма оперативным и дешевым источником информации для общественного мнения. Однако мнения, основанные на личном непосредственном опыте людей при прочих равных обстоятельствах ценятся выше мнений, сформировавшихся на фоне слухов, которые выступают как наименее надежный фактор формирования мнений. Коллективный опыт или опыт других представляется или в форме опыта ближайшего социального окружения, или в виде научной информации, или свидетельств средств массовой информации [3].

В процессе формирования мнений заложен механизм стереотипов, описанный У. Липпманом, где приоритет принадлежит эмоциональным и иррациональным факторам: стереотипы как предвзятые мнения управляют восприятием людей. Стереотип как схематизированный образ социального объекта или события, обладающий значительной устойчивостью, помогает человеку ориентироваться в обстоятельствах. Показательным в процессе становления мнений представляется объективации своего индивидуального «Я», в процессе чего примешиваются личные мотивы, переживания, потребности, претендующие на всеобщность, присущность всем остальным. У. Липпман и А. Лоуэлл пришли к выводу об ограниченных возможностях общественного мнения, которое не может быть адекватным выражением происходящих событий, может оказаться ошибочным в критических ситуациях. Ситуация выбора собственной позиции включает механизм стереотипизации, что, в свою очередь, приводит к принятию неадекватного решения. Поэтому общественность, по его мнению, не должна влиять на принятие управленческих решений [цит. по 5].

Соотнесение понятий слуха и общественного мнения позволяет выделить сходство и различия между ними. Сходство феноменов слухов и общественного мнения выражается в том, что они формируются на одном уровне, имеют одних субъектов (индивидуумов, группы, общности, институты), предметы (неоднозначные актуальные социальные факты), механизм формирования (стереотипизация), функции (рационализации, социального контроля). Различны обозначенные явления по сути (информационная, оценочная), степени институционализации. Так, слух является праформой общественного мнения и одновременно выступает одним из источников формирования общественного мнения как полноценного социального института [9, с. 160].

Возникновение слухов и формирование общественного мнения имеет место на уровне обыденного сознания. В этом процессе ключевое значение имеет социальное настроение, которое выступает как фон, влияющий на эмоциональную подоплеку как слухов, так и общественного мнения. Под социальным настроением следует понимать преобладающее состояние сознания тех или иных социальных субъектов в определенный период времени, характеризующее типом и уровнем эмоционального накала (апатия, депрессия, подъем, энтузиазм). Выражается социальное настроение через эмоциональные состояния, умонастроения, ценностные ориентации и убежденность людей. Так, например, специфику настроения населения современной России определяют страхи и беспокойства, имеющие в основе своего происхождения социально-экономическую нестабильность в стране [8].

На уровне обыденного сознания происходит взаимодействие слухов и общественного мнения, обусловленное спецификой социального настроения. Взаимодействие слухов и общественного мнения представляет

собой двусторонний процесс. Наряду с тем, что наблюдается влияние слухов на процесс формирования общественного мнения, имеет место и обратное влияние общественного мнения на количество, интенсивность, содержание слухов. Общественное мнение определяет объекты слухов как таковых: насколько тот или иной социальный факт является пригодным для слуха в качестве предмета, обладает ли он свойствами важности и двусмысленности. Иными словами, общественное мнение задает тематику и эмоциональную окрашенность слуха.

Каналом взаимодействия слухов и общественного мнения на микроуровне выступает индивидуальное мнение. Как отмечал М. К. Горшков, как только по какому-либо вопросу возникает индивидуальное мнение, возникает и общественное [2]. Но на данном этапе общественное мнение существует в виде потенции. И лишь тогда, когда индивидуальные мнения несут в себе момент общего, то, что может стать их объединяющим началом, появляется возможность формирования того, что мы называем «общественным» мнением. Иными словами, общественное мнение воплощает в себе то общее, что содержится в индивидуальных мнениях, что их объединяет. В формировании частного мнения заложен процесс интерпретации, которая имеет в качестве ресурсов уникальный индивидуальный опыт, опыт и знание других (ближайшего социального окружения, научная информация), а также слухи.

Таким образом, в процессе взаимодействия слухов и общественного мнения наблюдается взаимное влияние и взаимопроникновение обозначенных феноменов. Для этого процесса характерна опосредованность на макроуровне через обыденное сознание и микроуровне – опосредованность через использование индивидуального мнения как канала взаимодействия слухов и общественного мнения. Социальное настроение как актуальная характеристика общественного сознания определяет количество, содержание, интенсивность слухов, циркулирующих в обществе в данный момент времени. В этом смысле слух есть индикатор состояния социального настроения и климата социальных отношений. В то же время слух влияет на социальное настроение (повышает или, напротив, снижает напряженность). Это взаимодействие происходит на фоне определенной социально-политической ситуации, то есть имеет под собой объективную основу.

Библиографический список

1. Дмитриев А. В., Латынов В. В., Хлопьев А. Т. Неформальная политическая коммуникация. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1997.
2. Горшков М. К. Общественное мнение: история и современность. – М., 1988.
3. Грушин Б. А. Мнение о мире и мир мнений. – М.: Политиздат, 1967.
4. Коробейников В. С. Пирамида мнений (общественное мнение: природа и функции). – М.: Знание, 1987.
5. Ноэль-Нойман Э. Общественное мнение. Открытие спирали молчания. – М.: Прогресс-Академия, 1996.
6. Попкова О. В. Онтология слухов. – Тольятти: Акцент, 2002.
7. Тощенко Ж. Т., Харченко С. В. Социальное настроение. – М.: Academia, 1996.
8. Шубкин В. Н. Катастрофическое сознание в современном мире в конце XX века / под ред. В. Э. Шляпентоха, В. А. Ядова. – М.: МОНФ, 2002.
9. Peterson W. A., Gist N. P. Rumour and Public Opinion // American Journal of Sociology. – 1951. – V. 57. – P. 159–167.

Bibliography

1. Dmitriev A. V., Latynov V. V., Hlopjev A. T. Informal political communication. – Moscow: Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN), 1997.
2. Gorshkov M. K. Public Opinion: history and modernity. – М., 1988.
3. Grushin B. A. Opinion about the world and world views. – М.: Politizdat, 1967.
4. Korobejnikov V. S. Opinion pyramid (public opinion: the nature and function). – М.: Knowledge, 1987.
5. Noelle-Neumann E. Public Opinion. The opening of the spiral of silence. – Moscow: Progress-Academy, 1996.
6. Popkova O. V. Ontology of rumors. – Togliatti: Accent, 2002.
7. Toschenko Zh. T., Kharchenko S. V. Social mood. – М.: Academia, 1996.
8. Shubkin V. N. Catastrophic consciousness in the modern world in the late twentieth century / ed. V. E. Shlappentucha, V. A. Yadov. – Moscow: Moscow Public Science Foundation, 2002.
9. Peterson W. A., Gist N. P. Rumour and Public Opinion // American Journal of Sociology. – 1951. – V. 57. – P. 159–167.

УДК 316.61(314.7+316.74:2)

МИЛОСТЫНЯ КАК ПОКАЗАТЕЛЬ СОЦИАЛИЗИРОВАННОСТИ МИГРАНТОВ-МУСУЛЬМАН¹¹

А. И. Кириллова

**Новосибирский государственный педагогический университет,
г. Новосибирск, Россия**

ALMSGIVING AS AN INDICATOR OF SOCIALIZATION MUSLIM MIGRANTS

A. I. Kirillova

Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk, Russia

Summary. Socialization was measured with such indicator of social activity as giving alms. We have identified three groups of migrants: never, sometimes and permanent giving alms. Their social characteristics was determined.

Keywords: socialization, typology, migrants.

Социализация происходит путем овладения ценностями и нормами культуры. Одной из традиционных религиозно-культурных норм ислама является подаяние милостыни, принесение пожертвований в мечеть. Поэтому в нашем исследовании индикаторами социализированности мигрантов выбрано: 1) частота подачи милостыни, а также 2) их отношение к пожертвованию в мечети. Данные для эмпирического анализа социализированности получены из проведенного нами в 2009 году пилотного опроса 190 мигрантов-мусульман, выходцев из республик Средней Азии. Для построения типологии вычисляли сумму баллов, набранную каждым из респондентов (по индикаторам). За каждый индикатор присваивался 1 балл. В результате мы получили типологию мигрантов по уровню социализированности («благотворительности»), состоящую из трех групп. Условно их можно назвать: не жертвующие / или слабо социализированные (имеют 0 баллов), иногда жертвующие / средне социализированные (1 балл) и постоянно жертвующие / высоко социализированные (2 балла). Распределение мигрантов по этим группам: 25 %, 62 % и 13 % соответственно.

¹¹ Работа выполнена при поддержке Фонда РГНФ: грант РГНФ № 09-03-00491а по теме «Конфессиональная принадлежность мигрантов-мусульман как фактор инкорпорирования в российское общество».

Доля наиболее помогающих нуждающимся (социализированных) выше среди мужчин (16 %), 8 % – среди женщин. Социализированность (благотворительность) имеет обратную связь с высшим образованием. Она коррелирует с отсутствием детей, хотя среди социализированных больше семейных. Значимой связи социализированности с возрастом нет. Среди постоянно жертвующих больше доля приехавших из города (58 %); эта доля в группе иногда жертвующих – 50 %, не жертвующих – 43 %. В группе наиболее социализированных (благотворящих) больше всего выходцев из Узбекистана (43 %) и Киргизии (33 %), 14 % в этой группе составляют таджики, 10 % – приехавшие из других городов России и местные.

Социализированные (благотворящие) богаты (40 % против 21–23 % в двух других группах) и отрицательно относятся к бедным; они меньше получают помощи от родственников и людей своей национальности – возможно, потому, что сами настроены помогать им. Однако они больше получают помощь от «разных других людей» и от общины единоверцев. Помощь от уммы (религиозной общины) получают 3 %, 6 % и 29 % в группах не жертвующих, иногда жертвующих и постоянно жертвующих соответственно. Социализированные лучше говорят по-русски (79 % свободно владеют).

Социализированность (благотворительность) мигрантов тесно связана с их религиозностью и вовлеченностью в выполнение религиозных предписаний: социализированные больше других двух групп ежедневно молятся, соблюдают пост, читают Коран. Они более активно участвуют в жизни религиозной общины, а также привержены традиционным исламским установлениям: женщины-мусульманки должны заниматься только семьей (не должны работать), носить хиджаб, богато одеваться, чтобы показывать успешность мужа. У постоянно благотворящих высока и ценность достатка (см. таб. 1).

Таблица 1

Связь социализированности с соблюдением религиозных и традиционных установлений, %

	Не жертвующие	Иногда жертвующие	Постоянно жертвующие
Молятся ежедневно	20	27	57
Соблюдают пост, хотя бы раз в год	49	76	84
Читают Коран	27	54	67
Участвуют в жизни религиозной общины	8	26	29
Женщины-мусульманки не должны работать	33	39	53
Мусульманки должны богато одеваться, чтобы показывать успешность мужа	15	25	32
Женщины-мусульманки должны носить хиджаб	18	28	50
«Достижение достатка – обязанность каждого»	54	63	65

Социализированные мигранты терпимее к представителям иных религий. У них больше доля положительно относящихся к существованию разных («всех») религий и культур: 67 % против 55 % в двух других группах. Социализированные склонны с симпатией относиться к людям с другими традициями, представителям других народов и культур, к местным

русским, к православным, к европейцам, даже к традиционно «нелюбимым» мусульманами неверующим (см. таб. 2). Можно сказать, что социализированные – это люди традиции, уважающие и исполняющие религиозные и традиционные предписания, обычаи, обряды.

С ростом социализированности растет согласие на межнациональный брак: 19 %, 40 % и 68 % в группах не жертвующих, иногда жертвующих и постоянно жертвующих соответственно. Последнее примечательно, т. к. в целом мусульмане высказываются против таких браков. С ростом социализированности растет готовность (или гипотетическая возможность) самим вступить в межнациональный брак: допускают такую возможность 12 % не жертвующих, 35 % – иногда жертвующих и 45 % – постоянно жертвующих.

Таблица 2

Отношение мигрантов с разной степенью социализированности (благотворительности) к культурно-религиозным группам, %

С симпатией относятся к...	Не жертвующие	Иногда жертвующие	Постоянно жертвующие
людям с другими традициями, представителям других народов и культур	59	60	76
местным русским жителям	55	70	76
православным	28	32	50
европейцам, гражданам стран Запада	23	22	48
неверующим людям	5	8	10

Социализированность (благотворительность) коррелирует с уважением к российской культуре и положительным отношением к ее возрождению. Среди социализированных больше ответивших, что миграция положительно влияет на социальную стабильность в России: такого мнения придерживаются 21 % «не жертвующих», 31 % «иногда жертвующих» и 44 % «постоянно жертвующих» мигрантов. Социализированные меньше отмечают враждебности на работе: не чувствуют враждебности на работе 64 % не жертвующих средства в помощь нуждающимся, 75 % иногда жертвующих и 81 % постоянно жертвующих мигрантов. Постоянно жертвующие (социализированные) в большей степени хотят быть здесь своими. С ростом социализированности растет ощущение принадлежности двум народам сразу: на это указали 5 % «не жертвующих», 14 % «иногда жертвующих» и 42 % «постоянно жертвующих» мигрантов. Одновременно они чувствуют, что их дом (очаг) там, откуда они приехали (71 %).

Таким образом, социализированность, индикатором которой взята благотворительность, связана 1) с традицией, приверженностью к соблюдению норм, обрядов, установлений, в том числе и в религиозной сфере, 2) а также с общей миролюбивой направленностью, благожелательностью и определенным оптимизмом; в частности, она связана с позитивным отношением к представителям иных традиций, культур и вероисповеданий, и даже к межнациональным бракам.

ИСТОРИЯ

УДК 316.74:2

ВОЗНИКНОВЕНИЕ И ФУНКЦИИ ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЯ: ЕГО СЛЕДЫ В СОВРЕМЕННЫХ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ АКТАХ

О. Н. Тихонова

Нижегородский государственный педагогический университет,
г. Н. Новгород, Россия

ORIGIN AND FUNCTIONS OF SACRIFICE: ITS TRACES IN MODERN SOCIAL AND POLITICAL ACTS

O. N. Tikhonova

Nizhniy Novgorod State Pedagogical University, Nizhniy Novgorod, Russia

Summary: The ritual of sacrifice has many functions: it includes not a worldview function only but social, economic and political functions as well. It appeared in the culture that passed through the stage of hunting and gathering and is still present in veiled (hidden) form in modern mass culture, literature, arts, politics and everyday life.

Keywords: traditional religions, sacrifice, functions of religion, politics.

Мифологическое сознание
совершенно неискоренимо и
возрождает себя в любые
эпохи.

М. Ф. Альбедиль

В настоящее время в печати, по телевидению, в философских беседах «товарищей», причисляющих себя к интеллигенции, на разный лад воспроизводится одна и та же идея: современный европеец, а вкупе с ним и россиянин, изгнав из своего общества традиционную религию (речь идет о христианстве), лишились основных жизненных стандартов, в том числе и стандартов базовой личности. Секуляризация современного сознания рассматривается как предпосылка антропологической катастрофы – уничтожения в самом человеке истинно человеческого (и провозвестником этой катастрофы является терроризм). С этих позиций мир современной европейской цивилизации противопоставляется миру традиционной культуры (обычно обозначаемому общим словом «Восток»), где организующим началом жизни выступает религия [2, с. 17–33]. При таком подходе спасение человека и общества рассматривается в рамках возрождения традиционной религии, что мы и наблюдаем во все увеличивающейся пропаганде христианства (в нашем случае в форме православия), активном восстановлении и строительстве культовых сооружений и т. п. Но так ли верны эти рассуждения?

В данном аспекте нас больше привлекает противоположная ранее высказанной позиция. Мы скорее склонны согласиться с утверждением о том, что «секуляризация может одержать победу на уровне сознательной жизни», и тогда утратят всякую значимость старые теологические концепции, догмы, верования, ритуалы и проч., но «целостный человек» никогда полностью не десакрализуется [9, с. 18], поскольку «традиция – данность,

не зависящая от субъективного произвола» [3, с. 101]. Сакральные (традиционные) представления человека – давно сложившиеся формы восприятия мира, нашедшие свое отражение в мифологии, которая в свою очередь является символическим (языковым) отражением наиболее ранних представлений еще доисторического (первобытного) человека, имеют большую укорененность в сознании, нежели основанные на их базе поздние теологические построения. И эти представления в форме мифов (часто не осознаваемые рационально) продолжают существовать до сих пор и в социальном сознании, и в сознании отдельного индивида – члена социума, так как составляют фундамент нашей культуры. Более того, поведение человека до сих пор (и в XXI веке) продолжает определяться архаичными, неподвластными времени традиционными «знаниями» о «первозданной реальности, более величественной, чем реальность современная, и определяющей ежедневное существование и судьбу человечества». Проще говоря, современный человек продолжает руководствоваться древними мифологемами и жить в рамках ритуала; присутствие архаичных представлений и ритуальных действий мы видим в современной массовой культуре, литературе, искусстве, политике и обыденной жизни.

Предметом нашего внимания в данной статье является одна из центральных частей традиционного ритуала – жертвоприношение. Этот древнейший ритуал продолжает сохраняться, хотя и в завуалированном (скрытом) виде, практически во всех современных обществах мира: многие «социальные явления есть продолжение древнего культа жертвоприношения» [9, с. 9]. Причиной тому, по нашему мнению, служит полифункциональность жертвенного ритуала.

Позволим себе остановиться на двух, наиболее ярких проявлениях древнего ритуала, свидетелями которых мы являлись.

Пример первый. Одним из главных событий истории XX века (связанных с мифологемой о цикличном обновлении мира) стала попытка построения «нового мира» в стране, с давних пор озабоченной идеями мессианства. Этим целям послужила идея построения коммунизма, сформулированная Марксом, в основе которой оказался самый известный эсхатологический миф средиземноморско-азиатского мира – миф о справедливом герое-искупителе (для нас пролетариате), «страдания которого призваны изменить онтологический статус мира» [8, с. 173]. Марксистский коммунизм – «навязчивая идея «золотого века», как всякая эсхатология, требовал «уничтожения всего того, что существовало и изжило себя, начиная с сотворения мира: это единственная возможность достичь первоначального совершенства» [8, с. 54]. Так, под звуки ритуальной песни: «Весь мир насилья мы разрушим до основанья, а затем...», согласно космогоническому сценарию, в конце старого мира были принесены многочисленные человеческие жертвы, в том числе и носитель сакральной власти. Акт этот символизировал окончание обветшавшего мира, его обновление и начало нового цикла. В дальнейшем массовые жертвоприношения, совершаемые уже в «новом» обществе, аналогичные человеческим жертвоприношениям, которые устраивали ацтеки в честь бога Солнца, должны были лишь поддерживать новый порядок.

Пример второй. Не так давно, уже в истории современного нам общества, произошло очередное возрождение архаического ритуала в форме ритуального «убийства» (в данном случае политического). Речь идет об отречении Б. Н. Ельцина накануне Нового года от поста президента в пользу своего преемника В. В. Путина. Данное «жертвоприношение», находящееся в рамках космогонического ритуала обновления мира через

убийство состарившегося царя носило искупительный характер, поскольку «...наша современность в секуляризированной, мирской форме еще сохраняет эсхатологическую надежду универсального обновления, осуществляемого или определяемого... отдельной личностью» [8, с. 45]. Целью данного вида ритуала было фокусирование агрессивных тенденций общества на заместительной жертве, так называемом «козле отпущения», а затем, в результате частичного удовлетворения (в силу факта отречения), снятие социальной напряженности [5, с. 102].

Таким образом, ритуальное жертвоприношение в скрытом виде постоянно присутствует в нашей жизни: его можно обнаружить и в других сферах человеческих отношений, так же как и в области политической.

* * *

Два вопроса составляют содержание проблемы возникновения института жертвоприношения в человеческом обществе: вопрос времени (когда?) и вопрос причины (почему?).

Первый из них тесно связан с ответом на вопрос о времени возникновения самих религиозных представлений, и однозначно ответить на него, по-видимому, нельзя. Согласно одной точке зрения «неандертальские погребения еще нельзя считать бесспорным доказательством наличия религиозных представлений у наших предков того времени», а значит, не может быть и речи о каком-либо религиозном культе [7, с. 33]; возникновение таких представлений следует отнести к периоду верхнего палеолита (40 тыс. лет назад). В соответствии с другой точкой зрения есть основания признать наличие религиозных представлений на очень ранних стадиях развития: если идентифицировать захоронение черепа неандертальца мустьерского времени в гроте на горе Монт-Чирчео, как «следы ритуального убийства, совершенного 55 тыс. лет назад» [10]. Наиболее распространенным на сегодняшний день (а также разделяемым большинством западных исследователей) является взгляд на жертвоприношение как на один из признаков культуры, уже прошедшей стадию охоты и собирательства [4, с. 660–661; 8, с. 94].

Другой вопрос – о причине возникновения института жертвоприношения – связан с ответом на вопрос о причинах возникновения религиозных представлений в целом; он имеет столетидесятилетнюю историю и до сих пор остается дискуссионным. В ходе этой дискуссии возникло более десятка различных теорий отечественных и зарубежных исследователей. Начало дискуссии было связано с новым этапом в развитии религиоведения – окончательным оформлением истории религии как научной дисциплины в сер. XIX в., благодаря накоплению и началу теоретического осмысления обширных этнографических материалов.

Рассмотрению различных теорий о причинах возникновения жертвоприношения как части религиозной практики следует посвятить отдельную статью. Нас же сейчас интересуют не только и не столько различные обстоятельства, в которых возникло и совершается жертвоприношение (то есть ответ на вопрос: почему?), сколько те конкретные цели, с расчетом на достижение которых совершается жертвенный ритуал (то есть ответ на вопрос: для чего?) [6, с. 99]. В результате наших изысканий родилась классификация видов жертвоприношений с точки зрения их функциональности, то есть критерием классификации стала цель жертвоприношения. Мы можем утверждать, что жертвенный ритуал несет в себе не только мировоззренческую, но и социальную, экономическую и политическую функции.

Жертвоприношение	
Вид	Цель
I. В рамках космогонического ритуала	1. Обновление мира. 2. «Напоминание» о божественном акте, лежащем в основе современной формы существования людей.
II. В рамках тотемической трапезы (причащение)	1. Сохранение кровного родства социальной общности с богом. 2. Наделение жизненной силой бога и людей, и общественные установления (законы, договоры), и все государство в целом. 3. Увеличение плодovitости через освобождение духа бога.
III. Искупление и очищение	1. Устранение внутренней напряженности социума, удовлетворение «воли к разрушению», восстановление гармонии в коллективе. 2. Устранение внешнего «зла» путем фокусирования его в жертве. 3. Искупление конкретной вины, возвращения человека в рамки, определенные традицией. 4. Удаление «скверны». 5. Восстановление нарушенного равновесия мирового порядка из-за внесения в него каких-либо новшеств.
IV. Дар	1. Умилостивление и почитание богов и духов предков. 2. Принесение благодарности божеству. 3. Заключение «договора», обязывающего бога выполнить просьбу жертвователя.

Библиографический список

1. Альбедиль М. Ф. В магическом круге мифов. Миф. История. Жизнь. – СПб.: Паритет, 2002. – 336 с.
2. Альбедиль М. Ф. Зеркало традиций: Человек в духовных традициях Востока. – СПб.: Азбука-классика; Петербургское Востоковедение, 2003. – 288 с. – (Мир Востока).
3. Антипенко А. Л. Путь предков: Традиционные мотивы в «Аргонавтике» Аполлония Родосского. – М.: Ладомир, 2005. – 318 с.
4. Вундт В. Миф и религия // Мюллер М., Вундт. В. От слова к вере. Миф и религия / пер. с англ. – М.: Эксмо; СПб: Terra Fantastika, 2002. – (Антология мысли). – С. 245–825.
5. Жирар Р. Насилие и священное / пер. с фр. – М.: Новое литературное обозрение, 2000. – 400 с.
6. Мосс М. Очерк о природе и функции жертвоприношения // М. Мосс Социальные функции священного / пер. с фр. – СПб.: Евразия, 2000. – 448 с. – С.7–103.
7. Токарев А. С. Религия в истории народов мира. – М.: Политиздат, 1965. – 623 с.
8. Элиаде М. Аспекты мифа / пер. с фр. – М.: Академический Проект; Парадигма, 2005. – 224 с. – (Технологии культуры).
9. Элиаде М. Ностальгия по истокам / пер. с фр. – М.: Институт общегуманитарных исследований, 2006. – 216 с.
10. Кабо В. Р. У истоков религии // Природа. – 1984. – № 3.

Bibliography

1. Albedil M. F. In the magic circle of myths. Myth. History. Life. – SPb.: Parity, 2002. – 336.
2. Albedil M. F. Mirror of tradition: The Man in the spiritual traditions of the East. – SPb.: ABC-Classic; Petersburg Oriental Studies, 2003. – 288. – (World of the East).

3. Antipenko A. L. Ancestral Path: Traditional Motifs in «Argonavtike» Apollonius of Rhodes. – M.: Ladomir, 2005. – 318.
4. Wundt W. Myth and Religion / Muller M. Wundt. B. From the word of faith. Myth and Religion / transl. from English. – M.: Eksmo, SPb: Terra Fantastika, 2002. – (Anthology of thought). – P. 245–825.
5. Girard R. Violence and the sacred / trans. from Franch. – Moscow: New Literary Review, 2000. – 400 p.
6. Moss M. Essay on the nature and function of sacrifice / M. Moss The social functions of the sacred / trans. from Franch. – SPb.: Eurasia, 2000. – 448. – P.7–103.
7. Tokarev A. C. Religion in the history of the peoples of the world. – M.: Politizdat, 1965. – 623 p.
8. Eliade M. Aspects of the myth / trans. from Franch. – Moscow: The Academic Project, Paradigm, 2005. – 224. – (Technologies of culture).
9. Eliade M. The nostalgia for origins / trans. from Franch. – M.: Institute for Humanities Research, 2006. – 216 p.
10. Cape V. R. At the root of religion // Nature. – 1984. – № 3.

УДК 94(47).084

ГОСУДАРСТВЕННОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ РОССИЙСКОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В ПЕРИОД БУРЖУАЗНОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ: ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ ОБЗОР

С. В. Кольчугина

**Пензенская государственная технологическая академия,
г. Пенза, Россия**

STATE REGULATION OF RUSSIAN BUSINESS IN MODERNIZATION PERIOD BOURGEOIS: HISTORIOGRAPHIC REVIEW

S. V. Kolchugina

Penza State Technological Academy, Penza, Russia

Summary. This article is devoted to studying public policy in the field of entrepreneurship (the second half of the XIX-beginning of the twentieth century) in the Russian historical science. The main milestones of Soviet and Russian historiography on this issue. Various aspects of this policy: trade and industrial law, taxation, the legal status of the Russian entrepreneur.

Keywords: public policy, reform, entrepreneurship.

Сегодня перед российским обществом стоит задача создания новой экономической модели, которая была бы эффективна и социально ориентирована. Эта модель предполагает усиление роли государства в экономике. Поиски такой модели должны опираться не только на опыт Запада (что сейчас преобладает), но и учитывать исторические особенности развития российской экономики, позитивные и негативные уроки собственного опыта, тем более что в начале XX в. в России сложилась система государственного регулирования хозяйства, во многом предвосхитившая его современные формы.

Однако в исторической науке существуют пробелы в изучении данного вопроса. Регламентация торгово-промышленной деятельности, исследовалась в историографии довольно скупо. До 1917 г. причиной такого положения было то, что промысловый налог был не столько научной проблемой, сколько актуальным вопросом экономической политики. Большинство исследований было посвящено либо теории и краткой систематизации истории торгово-промышленного обложения, либо путям и методам совершенствования промыслового налога [6]. Особенно выделяется в этом

рядом работа И. Я. Рудченко [13], дающая наиболее полную характеристику процессу развития торгово-промышленного налогообложения вплоть до конца XIX в. Автор справедливо критиковал преимущественно гильдейскую организацию предпринимательства, сословный характер системы промыслового обложения и т. д.

Первопроходцем же в изучении фабрично-заводского законодательства мы можем считать русского историка и экономиста М. И. Туган-Барановского, который отвел две главы книги «Русская фабрика в прошлом и настоящем» анализу законов дореформенного времени и второй половины XIX в.

Кроме того, в начале XX в. российские юристы стали составлять неофициальные систематические своды действующего торгово-промышленного законодательства. Так появились сборники С. А. Просьбина, И. А. Горбачева, В. Я. Максимова и др. Они значительно облегчали правовую ориентацию как новичка в деле, так и опытного предпринимателя, и одновременно служили добротными путеводителями по своду законов. Сборники указанных авторов содержали в себе и некоторые оценочные суждения общего характера относительно действующих законов, и поэтому их можно включить в число работ, посвященных историографии вопроса. Но здесь, конечно, пальма первенства осталась все-таки за российскими правоведами и такими ведущими профессорами высшей школы, как Н. И. Нерсесов, Л. С. Таль, Г. Ф. Шершеневич, А. И. Гуляев. Их перу принадлежали курсы лекций по торговому и промышленному праву, где подробно разбирались особенности законодательства в России [8, 26, 27].

Советская историческая наука проявила интерес к проблеме лишь во второй половине XX в. Концептуальные основы были заложены в труде П. И. Лященко, который поэтапно проследил эволюцию государственной политики в сфере коммерческой инициативы. Достоинством работы явилось краткое рассмотрение философских, экономических и общественно-политических течений того времени как методологических предпосылок смены правительственного курса. В качестве главных приоритетов государственной политики П. И. Лященко называл «создание самостоятельной национальной экономической системы, независимой от подчинения иностранному капиталу», суть которой заключалась в усилении таможенного протекционизма, увеличении объема кредитных операций, укреплении русской валюты и т. д.

Со второй половины 1950-х гг. в связи с изменением историографической ситуации регулярно появляются работы, посвященные государственной политике в области предпринимательства. Отдельным ее аспектам были посвящены труды И. Ф. Гиндина, В. Я. Лаверычева и др. [9, 10, 15, 16].

Так, В. Я. Лаверычев заявил о незавершенности процесса классового образования в отношении буржуазии, ее политической слабости и инертности. Одной из причин подобного положения вещей явилась, на взгляд автора, «попечительная» политика правительства по отношению к купечеству, которая была направлена на сохранение замкнутости данной социальной группы. Тем самым замедлялось развитие процесса классовой консолидации буржуазии, сословно-феодалская скорлупа тормозила становление самосознания складывающегося класса, вызревание среди капиталистов устойчивых идей и взглядов. Верхушка купечества развращалась как материальной поддержкой, так и политикой привилегий – «одворянивание», награждение чинами, орденами и званиями и пр. [15].

В 1970–80-е гг. вышли в свет труды Л. Е. Шепелева [28, 29, 30], который в связи с разработкой проблем торгово-промышленной политики

царизма обратил также внимание на инициативы правительства в сфере акционерного и фабрично-заводского законодательства, налогообложения. Особая значимость его работ заключалась в том, что автор подробно освещал перипетии прохождения того или иного проекта, обнажая столкновение интересов различных ведомств. Анализ содержания законов как совокупности положений, регулирующих предпринимательскую деятельность в целом, при этом, естественно, отступал на второй план. Да и в исследовательскую задачу Л. Е. Шепелева не входило изучение всех составляющих торгово-промышленного права. И, тем не менее, монографии Л. Е. Шепелева стали значительным шагом вперед и дали общее представление о развитии коммерческого законодательства в России. Автор впервые предпринял попытку классифицировать механизмы воздействия на экономику, подразделив их на материальные (таможенные и железнодорожные тарифы, налогообложение и т. д.) и правовые (например, законодательство о купеческих гильдиях). Проблеме экономической политики царизма в 1907–1914 гг. была посвящена также работа В. С. Дякина [11]. Его общий вывод можно свести к тезису о дуализме правительственного курса. Царизм колебался между вынужденным нажимом монополистического капитала и собственной финансовой слабостью, мерами искусственного поощрения частного предпринимательства (железнодорожные гарантии, протекционизм и т. п.) и стремлением к государственной политике (развитие казенного хозяйства и регулирование частнохозяйственной жизни).

В 1986 г. увидела свет фундаментальная работа Ю. А. Рыбакова [20], всецело посвященная изучению промышленного законодательства России первой половины XIX в. Им был поднят целый комплекс историко-правоведческих проблем: отраслевое и акцизное законодательство, налогообложение, регулирование взаимоотношений фабриканта и рабочего, составление и сопоставление сводов 1832, 1842 и 1857 гг., а также история разработки неутвержденных законопроектов.

Отдельные аспекты российского торгово-промышленного права исследовались в работах А. Н. Боханова, Б. В. Ананьича и пр. [1, 5].

Со второй половины 1990-х гг. акценты в изучении проблемы смещаются в сторону исследования социокультурных характеристик предпринимательства. Так, М. Н. Барышников [2, 3, 4], помимо анализа развития частной деловой инициативы в торговле, промышленности и кредитной сфере ставит вопрос о формировании правовых основ деловых отношений, политическом самоопределении деловых кругов, их месте в общественной жизни страны. Общий вывод исследователя может быть сведен к положению о значительных потенциальных возможностях отечественного предпринимательства, которые, однако, в конкретных исторических условиях не получили должного развития; при этом причины данного явления автором не раскрываются.

И. В. Поткина [18, 19] попыталась рассмотреть развитие частной инициативы через призму анализа системы государственной власти и регулирования правовых отношений в обществе. На основе изучения законодательных источников автор делает вывод о том, что «торгово-промышленное законодательство в Российской империи основывалось на принципах равноправия, свободы и бессловности» и «не сковывало предпринимательской инициативы российских подданных». Этот тезис никак не корреспондируется с положением о «стремлении правительства к мелочной регламентации» коммерческой деятельности. Каждый раз, говоря о законодательном ограничении свободы предпринимательства, И. В. Поткина ссылается на «высшие», «общенациональные», «стратегиче-

ские» интересы, не раскрывая сути этих эпитетов, тем самым косвенно подтверждая сделанный историками ранее вывод о многообразии форм зависимости предпринимателя в условиях самодержавия от «усмотрений власти».

Продолжается советская традиция подробного анализа конкретных экономических реформ. Им, в частности, посвящены работы А. П. Корелина, В. Л. Степанова, И. Н. Слепнева, А. А. Лазуткиной [14, 17, 21, 22, 23, 25]. Несмотря на то, казалось бы узкую проблематику данные исследования охватывают не только малоизученные аспекты каких-либо преобразований. Авторы рассматривают реформаторскую деятельность государственных мужей сквозь призму их личности, в контексте конкретной эпохи и ее задач. Здесь уместно назвать монографию В. Л. Степанова «Н. Х. Бунге: судьба реформатора» [24].

Кроме личностного подхода, в современной исторической науке популярны исследования определенных социокультурных институтов, в том числе и юридических – налоговой системы, фабричной инспекции и т. д. [7, 12].

Обширная проблематика, разнообразие подходов и количество работ свидетельствуют о востребованности подобного рода исследований. Это обусловлено современными историческими реалиями. В связи со вступлением (или возвращением) России в рыночную стадию уже имеющийся в наличии исторический опыт в этой сфере деятельности представляется значимым.

Библиографический список

1. Ананьич Б. В. Банкирские дома в России 1860–1914 гг. Очерки истории частного предпринимательства. – Л., 1991.
2. Барышников М. Н. Деловой мир России. – СПб., 1998.
3. Барышников М. Н. История делового мира России. – СПб., 1994.
4. Барышников М. Н. Политика и предпринимательство в России. (Из истории опыта взаимодействия в начале XX в.). – СПб., 1997.
5. Боханов А. Н. Вопрос о подоходном налоге в России и крупная буржуазия (конец XIX – начало XX вв.) // Исторические записки. Т. 114. – М., 1986.
6. Бутенко В. А. Краткий очерк истории русской торговли в связи с историей промышленности. – М., 1910.
7. Володин А. Ю. История фабричной инспекции в России, 1882–1914 гг. – М., 2009.
8. Вольтке Г. С. Право промышленности и торговли в России в историческом развитии. – СПб, 1905.
9. Гиндин И. Ф. К вопросу об экономической политике царского правительства в 60–80-х гг. XIX в. // Вопросы истории. – 1959. – № 5.
10. Гиндин И. Ф. Русская буржуазия в период капитализма, ее развитие и особенности // История СССР. – 1963. – № 2–3.
11. Дякин В. С. Из истории экономической политики царизма в 1907–1914 гг. // Исторические записки. – Т. 109. – М., 1983.
12. Захаров В. Н., Петров Ю. А., Шацилло М. К. История налогов в России. IX–XX века. – М., 2006.
13. Исторический очерк обложения торговли и промыслов в России. – СПб., 1893.
14. Корелин А. П. С. Ю. Витте и бюджетно-финансовые реформы в России конца XIX – начала XX века // Отечественная история. – 1999. – № 3.
15. Лаверычев В. Я. Самодержавие и крупная буржуазия после 1861 г. // Социально-экономическое развитие России. Сборник статей. – М., 1986.
16. Лаверычев В. Я. Крупная буржуазия в пореформенной России: 1861–1900 гг. – М., 1974.
17. Лазуткина А. А. Роль железнодорожной политики в стабилизации финансовой системы Российской империи в министерство И. А. Вышнеградского // Вестник МГУ. – Серия 8. – История. – 1993. – № 6.

18. Поткина И. В. Законодательное регулирование предпринимательской деятельности иностранцев в России. 1861–1916 гг. // Иностранное предпринимательство и заграничные инвестиции в России: Очерки. – М., 1997.
19. Поткина И. В. Законодательное регулирование предпринимательской деятельности в России // История предпринимательства в России. Книга вторая. Вторая половина XIX – начало XX вв. – М., 2000.
20. Рыбаков Ю. А. Промышленное законодательство в России первой половины XIX в. (Источниковедческие очерки). – М., 1986.
21. Слепнев И. Н. С. Ю. Витте и железнодорожная тарифная реформа 8 марта 1889 г. (К вопросу о балансе предпринимательских интересов и экономической политики) // Отечественная история. – 1998. – № 3.
22. Степанов В. Л. Иван Алексеевич Вышнеградский // Отечественная история. – 1993. – № 4.
23. Степанов В. Л. Михаил Христофорович Рейтерн // Отечественная история. – 1994. – № 6.
24. Степанов В. Л. Н. Х. Бунге: Судьба реформатора. – М., 1998.
25. Степанов В. Л. Предпосылки денежной реформы С. Ю. Витте: политика министра финансов И. А. Вышнеградского (1887–1892) // Отечественная история. – 2004. – № 3.
26. Таль Л. С. Очерки промышленного права. – М., 1916.
27. Торгово-промышленный сборник. Составил С. А. Просьбин. – СПб., 1907.
28. Шепелев Л. Е. Акционерные компании в России. – Л., 1973.
29. Шепелев Л. Е. Царизм и буржуазия в 1904–1914 гг. Проблемы торгово-промышленной политики. – Л., 1987.
30. Шепелев Л. Е. Царизм и буржуазия во второй половине XIX в.: Проблемы торгово-промышленной политики. – Л., 1981.

Bibliography

1. Ananjich B. V. Banking Houses in Russia 1860–1914 years. Essays on the history of private enterprise. - L., 1991.
2. Baryshnikov M. N. Business world in Russia. – SPb., 1998.
3. Baryshnikov M. N. History of the business world in Russia. – SPb., 1994.
4. Baryshnikov M. N. Politics and business in Russia. (From the history of the experience of interaction in the early XXth century). – SPb., 1997.
5. Bohanov A. N. Issue of income tax in Russia and the big bourgeoisie (late XIX – early XX centuries) / Historical Notes. T. 114. – М., 1986.
6. Butenko V. A. Short History of Russian trade in connection with the history of the industry. – М., 1910.
7. Volodin A. Yu. History of factory inspection in Russia, 1882–1914 years. – М., 2009.
8. Voltke G. S. Law of trade and industry in Russia in the historical development. – SPb, 1905.
9. Gindin I. F. On the economic policy of the tsarist government in the 60's and 80's. XIX century / / Questions of history. – 1959. – № 5.
10. Gindin I. F. Russian bourgeoisie in the period of capitalism, its development and features: History of the USSR. – 1963. – № 2–3.
11. Dyakin V. S. From the history of economic policy in 1907–1914 tsarist years. / / Historical Notes. – Т. 109. – М., 1983.
12. Zakharov V. N, Petrov Yu. A., Shatsillo M. K. History of taxes in Russia. IX–XX centuries. – М., 2006.
13. Historical sketch of taxation of trade and industries in Russia. – SPb., 1893.
14. Korelin A. P. S. Yu. Witte and fiscal reforms in Russia in the late XIX – early XX century / / National History. – 1999. – № 3.
15. Laverychev V. Ya. Autocracy and the big bourgeoisie after 1861 // Socio-economic development of Russia. Collection of articles. – М., 1986.
16. Laverychev V. Ya. The big bourgeoisie in post-Reform Russia: 1861–1900 years. – М., 1974.
17. Lazutkina A. A. The role of rail policy in stabilizing the financial system of the Russian Empire in the ministry I. A. Vyshnegradsky // Vestnik MSU. – Series 8. – History. – 1993. – № 6.
18. Potkin I. V. Legislative regulation of business activities of foreigners in Russia. 1861–1916 years. // Foreign business and foreign investment in Russia: Essays. – М., 1997.

19. Potkin I. V. Legislative regulation of business activity in Russia // History of entrepreneurship in Russia. The second book. The second half of XIX – beginning of the twentieth century. – M., 2000.
20. Rybakov Yu. A. Industrial legislation in Russia in the first half of the XIX century. (Source study essays). – M., 1986.
21. Slepnev I. N. S. Yu. Witte and railway tariff reform March 8, 1889 (On the balance of business interests and economic policy) // National History. – 1998. – № 3.
22. Stepanov V. L. Ivan Aleksejevich Vyshnegradsky // National History. – 1993. – № 4.
23. Stepanov V. L. Michael Khristoforovich Reutern // National History. – 1994. – № 6.
24. Stepanov L. N. N. H. Bunge: The Fate of the reformer. – M., 1998.
25. Stepanov V. L. Background monetary reform Witte: politics finance minister I. A. Vyshnegradsky (1887–1892) // National History. – 2004. – № 3.
26. Tal L. S. Essays industrial law. – M., 1916.
27. Commercial and industrial collection. Compiled by S. A. Proshin. – SPb., 1907.
28. Shepelev L. E. Stock company in Russia. – L., 1973.
29. Shepelev L. E. Tsarism and the bourgeoisie in the years 1904–1914. Problems of trade and industrial policy. – L., 1987.
30. Shepelev L. E. Tsarism and the bourgeoisie in the second half of XIX century.: Issues of trade and industrial policy. – L., 1981.

ЭКОНОМИКА

УДК 349.3

О ПЕРСПЕКТИВАХ ИЗМЕНЕНИЯ ПЕНСИОННОГО ВОЗРАСТА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

А. Х. Абдусаламова
Дагестанский государственный университет,
г. Махачкала, Россия

ABOUT THE PROSPECTS OF CHANGES RETIREMENT AGE IN THE RUSSIAN FEDERATION

A. H. Abdusalamova
Dagestan State University, Makhachkala, Russia

Summary. The question on pension age increase should be mentioned in process of increase in expected life expectancy and working capacity of the senior generations, limiting pensions to those people, which are too old to work. In most cases pension age increase can reduce number of the needy citizens receiving pensions as for them большей parts smaller life expectancy is characteristic. Pension age increase will strengthen financial stability of distributive pension system and system of the state provision of pensions and will lift level of paid pensions in memory pension models and programs of voluntary pension insurance.

Keywords: pension, pension age, life expectancy, financial stability.

Вопрос о возможности изменения (повышения) пенсионного возраста в РФ в течение продолжительного времени периодически обсуждается в СМИ. За повышение пенсионного возраста выступали эксперты Всемирного банка и некоторых негосударственных пенсионных фондов. Против было Министерство здравоохранения и социального развития. А Пенсионный фонд РФ и Министерство экономики, предполагают повысить пенсионный возраст, но не сейчас. Ещё на конференции «Пенсионная система России: прошлое, настоящее, будущее», проводимой 29 мая 2006 года в Москве, руководители Пенсионного фонда РФ заявили, что Фонд не намерен добиваться повышения пенсионного возраста россиян, а советник председателя правления ПФР Владимир Вьюницкий уточнил, что повышение пенсионного возраста не грозит гражданам Российской Федерации до тех пор, пока работающих россиян не станет столько же, сколько пенсионеров, или меньше. Предложив повысить срок выхода на пенсию для мужчин на 5 лет (до 65), для женщин – на 7 лет (до 62), Министерство финансов намерено, тем самым, решить проблемы дефицита пенсионной системы и отсрочить выплаты пенсий для новых пенсионеров.

Демографическая проблема в России, от которой никуда не деться и которая улучшается слишком медленно, несмотря на все усилия властей, является одной из серьёзных причин, по которой избежать повышения пенсионного возраста, скорее всего, не удастся (таблица 1).

Таблица 1

Рождаемость, смертность и естественный прирост населения*

Годы	Всего, тыс. человек			На 1000 человек населения		
	родившихся	умерших	естественный прирост	родившихся	умерших	естественный прирост
Все население						
2000	1266,8	2225,3	-958,5	8,7	15,3	-6,6
2001	1311,6	2254,9	-943,3	9	15,6	-6,6
2002	1397	2332,3	-935,3	9,7	16,2	-6,5
2003	1477,3	2365,8	-888,5	10,2	16,4	-6,2
2004	1502,5	2295,4	-792,9	10,4	16	-5,6
2005	1457,4	2303,9	-846,5	10,2	16,1	-5,9
2006	1479,6	2166,7	-687,1	10,4	15,2	-4,8
2007	1610,1	2080,4	-470,3	11,3	14,6	-3,3
2008	1713,9	2075,9	-362	12,1	14,6	-2,5
2009	1761,7	2010,5	-248,8	12,4	14,2	-1,8

*www.gks.ru

Вопрос только в том, кто и когда примет данное политическое решение. Дети, родившиеся в 2008 году, станут полноправными гражданами только в 2026 году. А полноценная отдача от них в Пенсионный фонд пойдёт не раньше чем в 2028–2030 годах, когда они получают образование и приступят к активной работе. То есть нынешние 40-летние это улучшение уже не почувствуют – их пенсия будет начислена раньше. Эффект начнут ощущать лишь те, кому сейчас 30–35 лет.

В настоящее же время число выходящих на пенсию каждый год превышает число приступивших к работе за этот год. В результате на одного пенсионера приходится всё меньшее число работающих: в 1999 году этот показатель составлял 1,9; в 2004 году – 1,7; в 2009 году – 1,6. Несмотря на то, что, в настоящее время Россия находится на самом дне демографической ямы, тем не менее пенсия увеличивается как в абсолютных, так и в относительных цифрах. Например, средний размер пенсии в 1999 году составлял около 4500 руб. ежемесячно, а сейчас – 8500 руб. В отношении средней пенсии к средней заработной плате также наблюдается существенное улучшение. Наименьшего значения этот показатель достигал в 1992–1993 годах – около 18 %. В настоящее время, после всех повышений, этот показатель равен 32 %. То есть по сравнению с пиком нищеты 1992 года реальная пенсия в России увеличилась почти вдвое. Кроме того, в бюджете ПФР на 2010 год предусмотрены средства на увеличение размера социальных пенсий и других пенсий по государственному пенсионному обеспечению на 15,9 %, и на конец 2010 года будет составлять 7902 рубля. Размер трудовой пенсии по старости превысит 8,4 тыс. рублей. Реальный рост трудовой пенсии превысит инфляционную составляющую на 14 процентных пунктов. Средний размер социальных пенсий на конец 2010 года составит около 5,0 тысяч рублей. Однако этого всё равно недостаточно, так как Международная организация труда (МОТ) и Всемирный банк, считают, что размер достойной пенсии не должен быть ниже 40 % от средней зарплаты. А в СССР средняя пенсия обычно составляла 60 % от среднего

заработка. К тому же Всемирный банк с 1994 года говорит о необходимости повышения в России пенсионного возраста.

При демографическом повышении нагрузки на пенсионную систему реальная пенсия может увеличиваться, только если Пенсионный фонд дотируется государством. Как и было ранее: Минфин перечислял из бюджета в ПФР транши на покрытие его дефицита. Кроме того, была принята программа «1000 за 1000», стимулирующая пенсионные накопления на государственном уровне. В результате дефицит ПФР в 2007 году составил 79 млрд. руб., в 2008 году – 160 млрд. руб., в 2009 году – 400 млрд. руб. Наблюдается то, что дефицит ПФР растёт, причём растёт нарастающим темпом. Кроме того, данные средства покрываются из текущего бюджета. Потому что после ликвидации в 2006 году Стабилизационного фонда дефицит ПФР покрывается не из Фонда национального благосостояния, а из текущего государственного бюджета.

По словам министра финансов РФ Алексея Кудрина, в нынешнем 2010 году, с учётом принятых решений по составу пенсии, её структуре, порядку индексации, у Пенсионного фонда возникнет дефицит в размере 1 триллион 166 миллиардов рублей. Причиной такого дефицита, по словам Алексея Кудрина, является то, что мы живём в период кризиса, что доходы снижаются, не так быстро растут фонды оплаты труда.

С тех пор прогноз не уточнялся. Но если ситуация с безработицей будет продолжать ухудшаться, то и дефицит ПФР может увеличиться.

Однако проблема не столько в дефиците ПФР, сколько в дефиците самого текущего госбюджета (на 2010 год – около 3 трлн. руб.). Другими словами, дефицит ПФР легко покрывался из государственного бюджета, пока последний был профицитен.

Очевидно, что надо, наконец, решиться на то, о чём не раз говорили в начале пенсионной реформы: Пенсионный фонд может быть спасён посредством мягкого повышения пенсионного возраста.

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

УДК 101.1::316+1:2

АРХЕТИПИЧЕСКИЙ ОБРАЗ ПТИЦЫ-ДЕМИУРГА В МИФОЛОГИЧЕСКИХ ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ ФИННО-УГРОВ ПОВОЛЖЬЯ: НЕКОТОРЫЕ АНТРОПОКОСМИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ¹²

Б. А. Дорошин

**Пензенская государственная технологическая академия,
г. Пенза, Россия**

THE IMAGE OF THE BIRD-DEMIURGE IN MYTHOLOGICAL CONCEPTS OF FINNO-UGRS OF VOLGA REGION: THE SOME ANTHROPOCOSMIC ASPECTS

B. A. Doroshin

Penza State Technological Academy, Penza, Russia

Summary. Ornithomorphic mythological characters, connected with process of cosmogony and an archetype of Great Mother in mythological concepts of people of the Volga region are considered in this article. In semantic structure of their images the aspects locating concepts of these people about harmonious unity of the person and the nature come to light.

Keywords: archetypes, mythology, Volga region, bird-demiurge.

Во многих религиозно-мифологических системах имеется космогонический миф, центральным персонажем которого выступает божественная птица-демиург. Данный миф распространён, в частности, у финно-угорских народов, в т. ч. у тех из них, что проживают в Поволжье.

Сюжет о первотворении в форме несения яиц уткой сохранился, в частности, в мифологии марийцев. Согласно ему, утка прилетела на поверхность мирового океана и снесла два яйца. Из них в облике селезней вылупились два брата – Юмо и Йын, которые стали попеременно нырять на дно и доставали оттуда ил, создав, таким образом, землю. [8, с. 260–262].

Сходный сюжет сохранился и в мордовском фольклоре. Великая птица Ине Нармонь снесла яйцо, из желтка которого возникла земля, а из скорлупы – подземная и небесная твердь. Один из мифов повествует о том, что птица высидела три яйца на Мировом древе – березе или дубе – посреди земли. Из одного яйца вылупился жаворонок – птица, символизирующая начало весенних полевых работ, покровитель земледелия; из другого – соловей, символизирующий дом и домашнее хозяйство; из третьего – лесная птица кукушка [8, с. 292–293]. Согласно другому мифу, из трёх яиц, высиженных гигантской птицей на Мировом древе – берёзе с тремя ветвями и тремя корнями, вывелись три духа-матери (ава). Первая – Норов-ава, хозяйка полей, охраняющая посевы (в том числе и от хозяйки ветров Варма-авы). Вторая – Вирь-ава, хозяйка леса, пастушка медведей, волков и других диких животных, страшный демон. Третья – мать ветров Варма-ава: она может принести тучи с плодородным дождем, но может и

¹² Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ 09-03-28-303 а/в «Архетипы в мифологических представлениях народов Поволжья»

повалить созревший хлеб и даже раздуть пожар вместе с хозяйкой огня Тол-авой. У нее четыре сына, которые сидят в бочках по четырем сторонам света; когда Варма-ава открывает бочку, оттуда вырывается ветер. Варма-ава считалась также разносчицей болезней – поветрий [8, с. 315].

Птичьи черты имеются и у богини плодородия Анге-патяй. Согласно мифу, она возникла из яйца, нечаянно раздавленного Чи-пазом по завершении его сна на мировом древе после творения Вселенной [8, с. 293]. Иногда эта богиня представляла в образе большой птицы с золотым хвостом и клювом, из которого просыпались на землю семена, или в образе голубки, бросавшей цветы пчелам, чтобы те собирали мед, и хлебные крошки курам – ее любимым птицам [8, с. 302].

У эрзи сохранилось почитание утки как чудесной птицы, посланницы высшего бога – Вере-паза (или птицы хозяйки леса Вирь-авы). Охотник, вопреки мольбам чудесной утки убивший её, с ужасом видит, что от ее голоса загудело небо, лощины наполнились ее кровью, перьями покрылась вся земля. Придя домой, алчный охотник нашёл всех своих домашних мертвыми [8, с. 296].

Священной птицей – любимцем и посланником бога Нишке – у мордвы почитался и лебедь. Возможно, он представлялся в качестве посредника между земным и небесным мирами. Это позволяет предполагать сюжет эрзянской песни, где поётся о том, как лебедь видит жизнь богача, который не молится Нишке, и жизнь бедняка, поднимается к богу и рассказывает о том, что на земле нет правды, потому что праведник живет бедно [8, с. 300–301].

В традиционной культуре удмуртов зафиксирован свидетельствующий о почитании лебедей обряд Юсь-вось. Двух лебедей откармливали и приручали, а летом при них совершалось торжественное жертвоприношение в культовой роще керемети. Жертвами были кони, овцы, гуси и т. п. По окончании жертвоприношения лебедям привязывали по серебряной монете на шею, кланялись им и на паре лошадей отвозили к реке Вятке. Следили за тем, как поплывут лебеди: если вверх по течению, на юг, – значит, они доставят просьбы молящихся Инмар; если вниз, на север, – их мольбы пропадут в преисподней. Лебеди считались воплощениями божеств, и удмурты специально предупреждали живущих по берегам Вятки соседей, чтобы они не стреляли в священных лебедей [8, с. 231].

Важной чертой птицы-демиурга является её принадлежность к женскому полу, выполнение ею демиургической функции как материнской, в форме несения яйца или яиц. Согласно Н. А. Николаевой и В. А. Сафронову, мифы урало-алтайских народов о птице-демиурге имеют общее исходное ядро с таковыми же индоевропейскими. В нём присутствуют общие для них элементы. Это океан, воздушное пространство и соткавшаяся из воздуха богиня, сочетающая черты птицы и девы (вероятно, её птичий образ первичен, но для объяснения рождения первого человека птица обращалась в деву) [7, с. 82]. Эти особенности свидетельствуют о том, что в своей основе образ птицы-демиурга неразрывно связан с образом богини-матери, и может рассматриваться как мифологическая репрезентация архетипа Великой Матери [9, с. 32].

Зооантропоморфность образа птицы-демиурга выявляется не только в его первооснове, но и в ряде мифологических образов, от него производных или с ним связанных. Немаловажен параллелизм мордовских мифов (или вариаций одного мифа) о порождении птицей-демиургом в одном случае – трёх птиц, символизирующих разные сферы жизни; в другом – трёх духов-матерей различных сфер. Одна из этих духов-матерей – Вирь-

ава – представлялась как имеющая по три когтя на каждой ноге, что напоминает о птичьих лапах. Примечательно и происхождение из яйца на мировом древе богини плодородия Анге-патяй, и её способность представлять в образе птицы.

Особое значение имеет почитание мордвой и удмуртами лебедей, считавшихся посланниками и воплощениями божеств. Мотивы такого почитания обнаруживают ряд параллелей в других мифологических традициях. В частности, почитание удмуртами пары божественных лебедей может быть соотнесено с широко распространённым сюжетом о браке человека с девой, претерпевающей метаморфозу из лебедя, а впоследствии – вновь в лебедя. В относящемся к этому сюжету греческом мифе в образе лебедя действует мужское божество – Зевс, результатом чего становится рождение от него Ледой (или Немесидой) ребёнка, вылупившегося из яйца. Этот миф считается трансформацией космогонической мифологемы о мировом яйце [12, с. 40]. Из последнего в индуистском космогоническом мифе рождается верховный бог Брахма, атрибутом и средством передвижения которого был лебедь [11, с. 185–186]. Именно в религиозно-мифологических традициях Индии и Ирана единство представлений о священном лебеде, человеке и боге, а также наличие в образе священного лебедя человеческих и божественных черт проявляется особенно ярко. В санскрите словом «hansa» именовались гусь, лебедь и душа, познавшая высшую истину, высший дух. В «Ригведе» и «Авесте» данная птица ассоциируется с творческим началом Вселенной, со светом, разумом и богом-творцом [3, с. 45]. Это полностью согласуется с удмуртским мифопоэтическим восприятием лебедя как символа божественной верховной сущности, связанного с описанным выше ритуалом Юсь-вось, фольклорно-мифологическим образом человека-лебедя, и общими для финно-угров представлениями о сотворении мира водоплавающей птицей и Млечном Пути как пути диких лебедей [5, с. 109–110]. Весьма вероятна и генетическая связь образов лебедя в финно-угорской (в частности, мордовской и удмуртской), индийской и иранской мифологиях, т. к. между их носителями в древности существовали довольно тесные контакты [1, с. 98–103].

Согласно одной из точек зрения, образ водоплавающей птицы отражает представление об изначальности водной стихии, олицетворяемой в авестийском пантеоне богиней, маркируемой тройным эпитетом Ардви Сура Анахита. Спутником ведийской богини главной реки – Сарасвати – был гусь-лебедь, олицетворявший собой всеохватывающее небо. Имеется свидетельство о том, что в хорезмийской концепции происхождения Вселенной «изначальное божество, заключающее в себе части мироздания, представлялось в образе водоплавающей птицы» [3, с. 45–46].

Мотив божественного первосущества как основы мироздания находит параллели в образах золотого зародыша и вселенной как единого божества. Поскольку в подобных сюжетах и мотивах основой мироздания зачастую выступают антропоморфные или зоантропоморфные (как в случае с птицей-демиургом) божества, их можно рассматривать в контексте антропокосмизма.

Данная концепция, развивающая комплекс представлений о гармоническом единстве человека и вселенной, об их своеобразной взаимозависимости и взаимопроникновении, а также о средствах достижения такого состояния, имеет своей исходной основой присущую еще первобытному мышлению идея «кровного родства» человека и мира, их взаимосвязи и возможности символического представления одного через другое. Пред-

ставляется, что эта идея нашла весьма яркое отражение в рассматриваемом здесь архетипическом образе птицы-демиурга через:

1) синкретизацию в нём репрезентирующих природную, «материнскую» среду атрибутов птицы с атрибутами человека;

2) сочетание в семантике образа птицы символизма духовной сущности микрокосма (души человека) и духовной сущности макрокосма (бога), через которую микрокосм-человек связан с макрокосмом-универсумом;

3) почитание этого образа в качестве тотема, производное от него именование удмуртами родового духа-покровителя – воршуда, и самого этого рода, словом Юс – «лебедь» [8, с. 241–242].

Последнее особенно важно с точки зрения антропокосмизма как идейного комплекса, представляющего в единстве природную (космическую) и человеческую (социально-гуманитарную) стороны объективной реальности [10, с. 560]. В духе антропокосмизма – «...как мировоззренчески осмысленное признание человеком его неразрывной связи со всем окружающим Миром» – характеризовал тотемизм М. Ф. Косарев. Он указал, что «идея органического единства всего Сущего» не только привела наших предков к «очеловечиванию» природы, но и легла в основу экологической культуры первобытных обществ, повысив тем самым их адаптивные возможности, и позволив человечеству выжить в условиях неоднократных природных катаклизмов и исторических потрясений [6, с. 33].

Представляется, что некоторые антропологические, социальные и экологические аспекты семантики архетипического образа птицы-демиурга могут быть переосмыслены и актуализированы в социокультурной практике современности в целях противодействия тенденциям атомизации, разобщения индивидов, социальных и этнических общностей, отчуждения общества от природы и его разрушительного воздействия на окружающую среду. Особенно значимыми их переосмысление и актуализация могут быть в Поволжье. Рассмотренные здесь мифологические представления некоторых из проживающих в данном регионе народов (в частности, мордвы и удмуртов) содержат ряд очень ёмких по своему содержанию образов, сюжетов и мотивов, относящихся к птице-демиургу. Последние обнаруживают ряд значимых параллелей в мифологических представлениях народов, внесших большой вклад в развитие человеческой цивилизации ещё в древности – индийцев, иранцев и греков; а также народов, оказавших значительное влияние на всемирно-исторический процесс впоследствии, некоторые из которых являются непосредственными соседями и этнокультурными симбиотами финно-угров в Поволжье, – славян и тюрков [12, с. 41]. Рассмотрение этих параллелей может быть осуществлено в рамках отдельных исследований.

Библиографический список

1. Бонгард-Левин Г. М., Грантовский Э. А. От Скифии до Индии. Древние арии: мифы и история. – М.: «Мысль», 1983. – 206 с.
2. Ен // Мифы народов мира. Энциклопедия. В 2 т. / Гл. ред. С. А. Токарев. – М.: Сов. энциклопедия, 1991. – Т. 1. – С. 434.
3. Жарникова С. В. Золотая нить. – Вологда: Областной научно-методический центр культуры и повышения квалификации, 2003. – 221 с.

4. Иванов В. В., Топоров В. Н. Птицы // Мифы народов мира. Энциклопедия. В 2 т. / Гл. ред. С. А. Токарев. – М.: Сов. энциклопедия, 1992. – Т. 2. – С. 346–349.
5. Кириллова Р. М. Мифопоэтика в поэзии Михаила Петрова. – На правах рукописи: Ижевск, 2006. – 182 с.
6. Косарев М. Ф. Основы языческого миропонимания: По сибирским археолого-этнографическим материалам – М.: Ладога-100, 2003. – 352 с.
7. Николаева Н. А., Сафронов В. А. Истоки славянской и евразийской мифологии. – М.: Белый волк, 1999. – 312 с.
8. Петрухин В. Я. Мифы финно-угров. – М.: Астрель: АСТ: Транзиткнига, 2005. – 463 с.
9. Самохвалов В. П. Психоаналитический словарь и работа с символами сновидений и фантазий. – Симферополь: СОНАТ, 1999. – с. 184.
10. Спиркин А. Г. Философия: Учебник. – 2-е изд. – М.: Гардарики, 2006. – 736 с.
11. Топоров В. Н. Брахма // Мифы народов мира. Энциклопедия. В 2 т. / Гл. ред. С. А. Токарев. – М.: Сов. энциклопедия, 1991. – Т. 1. – С. 185–186.
12. Топоров В. Н. Лебедь // Мифы народов мира. Энциклопедия. В 2 т. / Гл. ред. С. А. Токарев. – М.: Советская энциклопедия, 1992. – Т. 2. – С. 40–41.

Bibliography

1. Bongard-Levin G. M, Grantovskiy E. A. From Scythia up to India. Ancient Aryans: myths and history. – Moscow: Mysl, 1983. – 206 p.
2. En // Myths of nations of the world. The encyclopedia. In 2 vol. / The chief editor S. A. Tokarev. – Moscow: The Soviet encyclopedia, 1991. – Vol. 1. – p. 434.
3. Zharnikova C. V. The Gold string. – Vologda: Regional centre of science-methodical of culture and improvement of professional skill, 2003. – 221 p.
4. Ivanov V. V., Toporov V. N. Ptitsy // Myths of nations of the world. The encyclopedia. In 2 vol. / The chief editor S. A. Tokarev. – Moscow: The Soviet encyclopedia, 1992. – Vol. 2. – p. 346–349.
5. Kirillov M. Myfopoetics in Michael Petrov's poetry. – As a manuscript: Izhevsk, 2006. – 182 p.
6. Kosarev F. Bases of pagan outlook: On the Siberian archeologic and ethnographic materials – Moscow: Ladoga-100, 2003. – 352 p.
7. Nikolaeva N. A., Safronov V. A. Sources of Slavic and Euroasian mythology. – Moscow: the White wolf, 1999. – 312 p.
8. Petruhin V. Ya. Myths of Finno-Ugrs. Moscow, Astrel: AST: Transitkniga, 2005. – 463 p.
9. Samohvalov V.P. The psychoanalytic dictionary and work on symbols of dreams and imaginations. – Simferopol: SONAT, 1999. – p. 184.
10. Spirkin A. G. Philosophy: Textbook. – 2 ed. – M.: Gardariki, 2006. – 736 p.
11. Toporov V. N. Brahma // Myths of the peoples of the world. Encyclopedia. In 2 vol. / The chief editor S. A. Tokarev. – Moscow: The Soviet encyclopedia, 1991. – Vol. 1. – P. 185–186.
12. Toporov V. N. Swan // Myths of the peoples of the world. Encyclopedia. In 2 vol. / The chief editor S. A. Tokarev. – Moscow: The Soviet encyclopedia, 1992. – Vol. 2. – P. 40–41.

В ПОМОЩЬ ПРЕПОДАВАТЕЛЮ

УДК 372.8(159.9:35+159.9:005)

**МАТЕРИАЛЫ К РАБОЧЕЙ ТЕТРАДИ ПО ДИСЦИПЛИНЕ
«ПСИХОЛОГИЯ УПРАВЛЕНИЯ». ТЕМА «КОНФЛИКТЫ В
ТРУДОВОМ КОЛЛЕКТИВЕ»**

Т. А. Ионова

**Пензенская государственная технологическая академия,
г. Пенза, Россия**

Специальность – профессиональное обучение, 3 курс

**MATERIALS FOR WORKBOOKS FOR DISCIPLINE «PSYCHOLOGY OF
MANAGEMENT». THEME «CONFLICT IN THE WORK GROUP»**

T. A. Ionova

Penza State Technological Academy, Penza, Russia

Specialty – vocational training, 3 course

Summary. In development are set to the workbook for the subject «Psychology of Management» for students majoring in vocational training. Assignments include quizzes and crossword puzzles.

Keywords: management, terminology, tests, crossword puzzles.

1. Составьте психологический словарь из терминов.

Конфликтная ситуация; инцидент; конфликт.

Ответы:

Конфликтная ситуация – это накопившиеся противоречия, содержащие истинную причину конфликта.

Инцидент – это стечение обстоятельств, являющихся поводом для конфликта.

Конфликт – это открытое противостояние как следствие взаимоисключающих интересов и позиций.

2. Для какой стратегии поведения в конфликте (по Томасу) характерно низкое внимание и к интересам другого и к собственным интересам.

- а) компромисс;
- б) приспособление;
- в) избегание.

Ответ: в.

3. По какому основанию выделяют политические, социальные, организационные, экономические конфликты.

- а) по направлению воздействия;
- б) по количеству участников;
- в) по природе возникновения.

Ответ: в.

4. Восстановите определение.

Внутриличностный конфликт – стремлений, связанное с наличием у него противоречащих друг другу интересов, порождающих аффекты и стрессы, состояние неудовлетворенности человека какими-либо обстоятельствами его жизни, потребностей.

Ответ. Внутриличностный конфликт – состояние неудовлетворенности человека какими-либо обстоятельствами его жизни, связанное с наличием у него противоречащих друг другу интересов, стремлений, потребностей, порождающих аффекты и стрессы.

5. Для какой стратегии поведения в конфликте (по Томасу) характерно низкое внимание к интересам другого и высокое внимание к собственным интересам.

- а) соревнование;
- б) приспособление;
- в) избегание.

Ответы: а

6. Расположите стадии протекания конфликта по порядку.

- 1) стадия потенциального формирования противоречивых интересов, ценностей, норм;
- 2) стадия снятия или разрешения конфликта;
- 3) стадия конфликтных действий;
- 4) стадия перехода потенциального конфликта в реальный или осознание участниками конфликта своих верно или ложно понятых интересов.

Ответы: 1, 4, 3, 2.

7. По какому основанию выделяют внутриличностные, межличностные конфликты, личности с группой, межгрупповые.

- а) по природе возникновения;
- б) по затронутым потребностям;
- в) по количеству участников.

Ответы: в.

8. Из перечисленных утверждений выберите те, которые отражают основные функциональные последствия конфликтов для организации:

- 1) проблема решается таким путем, который устраивает все стороны, и в результате люди чувствуют себя причастными к решению важной для них проблемы;
- 2) отсутствие стремления к сотрудничеству, добрым отношениям;
- 3) совместно принятое решение быстрее и лучше претворяется в жизнь;
- 4) непродуктивные, конкурентные отношения между людьми;
- 5) убеждение, что «победа» в конфликте важнее, чем решение реальной проблемы;
- 6) стороны приобретают опыт сотрудничества при решении спорных вопросов и могут использовать его в будущем;
- 7) эффективное разрешение конфликтов между руководителем и подчиненными разрушает так называемый «синдром покорности» – страх открыто высказывать свое мнение, отличное от мнения старших по должности;
- 8) сворачивание или полное прекращение взаимодействия с противоположной стороной, препятствующее решению производственных задач;

- 9) чувство обиды, неудовлетворенности, плохое настроение, текучесть кадров;
- 10) представление о противоположной стороне как о «враге», о своей позиции – как об исключительно положительной, о позиции оппонента – только как об отрицательной;
- 11) улучшаются отношения между людьми;
- 12) люди перестают рассматривать наличие разногласий как «зло», всегда приводящее к дурным последствиям.

Ответы: 1, 3, 6, 7, 11, 12.

9. Заполните кроссворд:

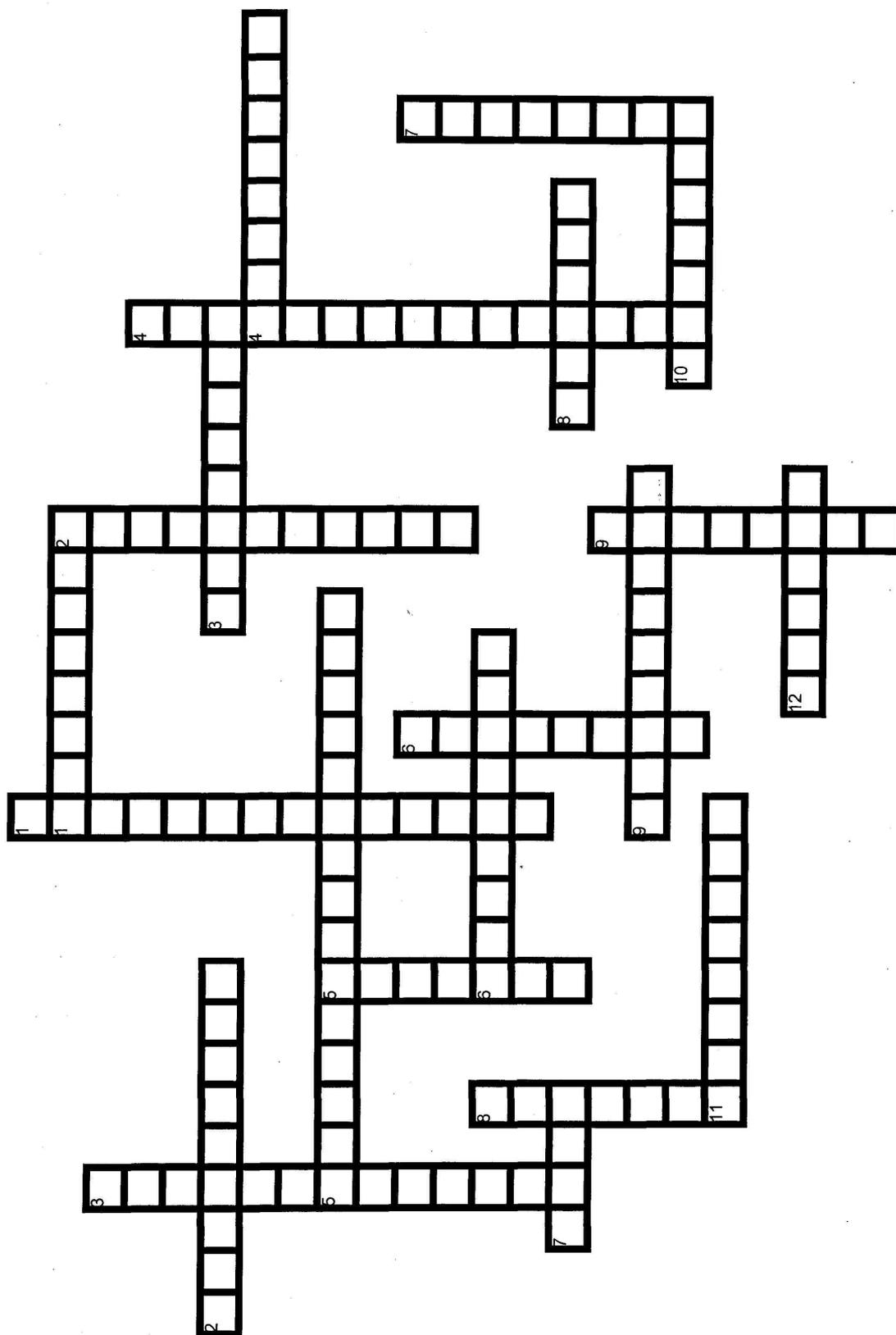
По вертикали:

1. Боязнь конфликтов.
2. Состояние беспокойства, волнения, заботы, смятения.
3. Главенствование, господствование, первенство.
4. Способ отношений между отдельными людьми, социальными группами, коллективами, при котором максимально осмысливаются и учитываются точки зрения, позиции, интересы общающихся сторон.
5. Преследования, притеснения, стеснение, угнетение, ограничение (в правах), неблагоприятная оценка, указание на недостатки; порицание.
6. Высшая точка конфликта, после которой происходит ослабление или прекращение конфронтации.
7. Резкое обострение противоречий и столкновение (инцидент) двух или более участников в процессе решения проблемы, имеющий деловую или личную значимость для каждой из сторон.
8. Отрицательное суждение, указание на недостатки в работе и поведении субъекта.
9. Человек как субъект отношений и сознательной деятельности.

По горизонтали:

1. Участник конфликтной ситуации, имеющий точку зрения, взгляды, убеждения, аргументы, которые противоположны, отличны от основных, исходных или по сравнению с вашими.
2. Побуждение к деятельности, совокупность внутренних и внешних движущих сил, побуждающих человека к деятельности и придающих этой деятельности направленность, ориентированную на достижение определенных целей.
3. Сложный вопрос, задача, требующая разрешения, исследования.
4. Практические (конфликтные) действия участников конфликтной ситуации, которые характеризуются бескомпромиссностью поступков и направлены на обязательное овладение объектом обостренного встречного интереса.
5. Нарушение соответствия целей, задач, ценностей, отсутствие единого мнения по поводу чего-либо у сторон.
6. Антагонизм, вражда, отвращение, нерасположение, антипатия.
7. Поставленные задачи, определенные намерения. То, к чему стремятся и хотят достигнуть.
8. Состояние вялости, безразличия ко всему окружающему, отсутствия побуждения к деятельности.
9. Расширение, нарастание, распространение (конфликта и т. п.), обострение положения.
10. Человек, совершающий поступки, которые противоречат нормам социального поведения в том или ином сообществе.

11. Поведение, ориентированное на нанесение вреда объектам, в качестве которых могут выступать живые существа или неодушевленные предметы.
12. Состояние психического напряжения, обусловленного выполнением деятельности в особенно сложных условиях.

Ответы:

По вертикали: 1 – конфликтофобия, 2 – тревожность, 3 – доминирование, 4 – взаимопонимание, 5 – гонения, 6 – разрядка, 7 – конфликт, 8 – критика, 9 – личность.

По горизонтали: 1 – оппонент, 2 – мотивация, 3 – проблема, 4 – инцидент, 5 – рассогласование, 6 – неприязнь, 7 – цели, 8 – апатия, 9 – эскалация, 10 – девиант, 11 – агрессия, 12 – стресс.

УДК 316.653

КОНСПЕКТ ЛЕКЦИИ НА ТЕМУ «СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ В СИСТЕМЕ НАУЧНОГО ЗНАНИЯ» ПО КУРСУ «СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ»

Н. А. Лебедева-Несевря

Пермский государственный университет, г. Пермь, Россия

THE ABSTRACTS OF THE LECTURE ON THE TOPIC «THE SOCIOLOGICAL APPROACH TO PUBLIC OPINION RESEARCH AT THE SYSTEM OF SCIENCES» FOR THE COURSE «SOCIOLOGICAL PROBLEMS OF THE PUBLIC OPINION RESEARCHES»

**N. A. Lebedeva-Nesevria
Perm State University, Perm, Russia**

Summary. This paper represents an abstract of the first lecture for the course «Sociological problems of public opinion researches» that is included in the state standard of professional education on the speciality 020300 «Sociology». Two main questions are discussed: the subject of public opinion sociology and the specific of sociological approach to public opinion research.

Key words: public opinion sociology, public opinion research, theory of public opinion research.

***Предназначено для студентов, обучающихся
специальностям 020300 «Социология» и
080801 (351400) «Прикладная информатика в социологии»***

Вопрос 1. Общественное мнение как предмет научного исследования. Феномен общественного мнения, особенности его формирования, выражения, процессы влияния на различные сферы жизнедеятельности общества, а также динамика массовых суждений привлекают пристальное внимание науки. Это связано с тем, что в современном трансформирующемся, быстро изменяющемся социуме общественное мнение, всегда игравшее значительную роль в обществе, выходит на первый план. Оно становится не только объектом целенаправленного воздействия со стороны субъектов управления, но важным ориентиром социального развития, активным творцом протекающих социально-экономических, социокультурных преобразований. Способное проникать во все сферы жизнедеятельности общества, в период трансформации общественное мнение начинает особенно активно институционализироваться в политике, утверждая социальные практики и складываясь в виде формальных норм, функционировать в экономике, влиять на процессы потребления. Общественное мнение начинает реализовываться во все новых сферах, проявляет

ся в новых формах; меняются процессы его складывания, появляются нетипичные каналы выражения, обуславливая возможность обращения к исследованию данного феномена представителей самых разных наук.

Социологическому изучению общественного мнения предшествовал глубокий анализ данного феномена в рамках *философской науки*. Еще в философии Протагора понятие «общественное мнение» было выделено как самостоятельное и наполнено политическим («публичное мнение»), а затем социальным смыслом. Специфика исследования общественного мнения в современной философии заключается в постоянном прослеживании связи между общественным мнением, общественным сознанием и общественным бытием. Отсюда выделяются два варианта философского подхода к анализу общественного мнения – онтологический и гносеологический: первый трактует общественное мнение как особое состояние общественного сознания, второй – как специфическую познавательную форму, отражение общественного бытия в общественном сознании.

Понимаемое как массовое социально-психологическое явление, общественное мнение выступает предметом изучения *социальной психологии*. Специалисты-психологи рассматривают его как массовое явление группой психологии, психологическое состояние масс, социально-психологическое коммуникативное явление. Делая акцент на психологической основе общественного мнения, они исследуют, прежде всего, чувства, переживания, настроения масс. В процессе анализа структуры психологии больших социальных групп, учеными выделяются психический склад (как более устойчивое образование) и эмоциональная сфера (как более динамическое образование), находящие свое отражение в структуре общественного мнения [1].

Значительное внимание феномену общественного мнения уделяется в рамках *политологии*. Принятая ведущими экспертами Европы и Америки в 1948 году резолюция ЮНЕСКО в перечень проблем, изучаемых политологией, наряду с политическими институтами, международными отношениями, политической историей, политическими партиями включает и общественное мнение. Политологическое изучение общественного мнения предполагает анализ механизмов учета интересов, суждений, мнений различных социальных сил и групп для выработки взвешенной политики, принятия эффективных управленческих решений; исследование технологий формирования общественного мнения в предвыборный период; роль политической пропаганды в процессе складывания массовых оценок; особенности взаимодействия общественного мнения и власти.

Помимо перечисленных наук, имеющих сложившийся институциональный статус, общественное мнение изучается в рамках такой новой для нашей страны дисциплины, как «Связи с общественностью» («Public Relations», «PR»). Британский институт общественных отношений (IPR), созданный в 1948 году и объединяющий почти десять тысяч европейских специалистов в области PR, принял все еще действующее (хотя и с некоторыми дополнениями, внесенными в ноябре 1987 года) определение Public Relations. Под PR понимаются «планируемые, продолжительные усилия, направленные на создание и поддержание доброжелательных отношений и взаимопонимания между организацией и ее общественностью». Общественность организации – это работники компании, партнеры, потребители, органы власти, средства массовой информации. Все они либо вступают субъектами общественного мнения об организации, либо принимают активное участие в формировании общественного мнения. Поэтому в курсе «Теория и практика связей с общественностью» обязательным является

рассмотрение неформальных способов регулирования в области связей с общественностью: традиций, норм, морали, общественного мнения.

Практический PR следует понимать как технологию формирования общественного мнения, PR «программирует» общественное мнение, часто манипулирует массовым сознанием с целью создания требуемого общественного мнения, прогнозирует реакцию общественности на те или иные события. Кроме того, PR – это научная область, изучающая способы влияния на общественное мнение через различные каналы, исследующая роль средств массовой информации в его формировании и выражении.

Несмотря на то, что общественное мнение является предметом изучения многих наук, следует отметить, что его исследование в рамках социологии является наиболее комплексным, т. к. затрагивает в той или иной степени все аспекты существования феномена – от психологических до формально-институциональных.

Вопрос 2. Социологический анализ общественного мнения. Социологический подход к изучению общественного мнения основывается как на понимании его в качестве структурного элемента общественного сознания, так и на анализе социальной природы общественного мнения, осознании его места в социальной системе, функций и дисфункций в обществе.

С позиций социологического подхода общественное мнение интерпретируется в двух смыслах. Во-первых, как специализированная деятельность и результат этой деятельности. С позиций данного подхода общественное мнение можно определить как совместную заинтересованно-ценностную оценочную и вытекающую из нее практическую деятельность социальных субъектов и их (деятельностей) результат [2, с. 38]. Во-вторых, как социальный институт, когда общественное мнение понимается как сложившаяся, устойчивая практика реагирования населения на социально значимые события, принимаемые решения, а также учет этих реакций при осуществлении управленческой деятельности.

Принято говорить о том, что в современной социологической науке сформировалась самостоятельная специальная социология теории – социология общественного мнения, которая включает как теоретический, так и эмпирический уровень анализа предмета.

Предмет социологии общественного мнения определяется Г. В. Осиповым еще в «Рабочей книге социолога» как закономерности формирования общественного мнения под воздействием различных субъективных и объективных факторов общественного развития, его воздействие на жизнь общества на различных уровнях [3]. Энциклопедия социологии определяет предмет социологии общественного мнения как закономерности и механизмы формирования и функционирования оценочного отношения больших социальных групп, классов, народа в целом к актуальным проблемам действительности, представляющим общественный интерес [4].

Однако институционализированной в значительной степени социологию общественного мнения назвать нельзя. Подтверждений тому несколько.

Во-первых, в государственном образовательном стандарте высшего профессионального образования по специальности 020300 – «Социология» отсутствует такая дисциплина, как «Социология общественного мнения», вместо которой в цикле общепрофессиональных дисциплин значится курс «Социологические проблемы изучения общественного мнения».

Во-вторых, на научных конференциях, как правило, нет секции «Социология общественного мнения». Например, на III Всероссийском со-

циологическом конгрессе, прошедшем 21–24 октября 2008 года в Москве, функционировала лишь Сессия «Российское общество в зеркале общественного мнения», также не было заявлено секции «Социология общественного мнения» на XVII Всемирном социологическом конгрессе, проводимом под эгидой Международной социологической ассоциации (ISA) в июле 2010 года в г. Гетеборге (Швеция).

В-третьих, общественные организации, ассоциации, объединяющие российских социологов, не имеют исследовательских комитетов, специализирующихся на социологи общественного мнения. Так, среди 30 исследовательских комитетов Российского общества социологов имеющими отношение к проблематике общественного мнения можно назвать такие комитеты, как «Социология социальной коммуникации» и «Методология и методика социологии», а среди 33 исследовательских комитетов Российской Социологической Ассоциации – «Социологию коммуникативных систем» и «Методологию социологических исследований».

В-четвертых, по социологии общественного мнения практически не издается учебников и учебных пособий. Монографии отечественных исследователей общественного мнения, посвященные теоретическим аспектам изучения феномена – также редкость.

И, наконец, в-пятых, в социологическом сообществе не сложилось единого представления о том, что должно включаться в предметную область социологии общественного мнения. В целом, все аспекты анализа общественного мнения в рамках социологии можно поделить на две большие группы – теоретическое изучение общественного мнения и прикладной анализ общественного мнения (предполагающий владение методами сбора социологической информации). Различные научные школы и направления часто тяготеют к исследованию тех или других аспектов. Так, американская традиция социологического изучения общественного мнения, восходящая к первым опросам Дж. Гэллага, проведенным в 1930-х годах, лежит в русле эмпирической социологии общественного мнения, тогда как советская школа изучения общественного мнения делала основной акцент на теоретическом анализе феномена. Подобные разночтения приводят, например, к тому, что курс «Социологические проблемы изучения общественного мнения», читаемый в отечественных вузах, часто сводится к обсуждению методологии и методики исследований общественного мнения, существенно обедняя содержание данной отраслевой дисциплины.

Общественное мнение является предметом изучения различных отраслей социологической науки – социологии коммуникаций, политической социологии, социологии управления, социологии духовной жизни, электоральной социологии, социологии потребления и ряда других.

В рамках социологии коммуникаций исследуются особенности и способы межличностной и межгрупповой коммуникации в процессе формирования общественного мнения, также возможности манипуляции общественным мнением с помощью средств массовой коммуникации. Социология управления рассматривает общественное мнение как один из социальных институтов управления, как фактор социального управления и способ манипуляции социумом. Электоральная социология концентрирует внимание на процессах формирования общественного мнения электората, особенностях жизненного цикла общественного мнения в предвыборный период. Наконец, значительное место общественному мнению в контексте анализа возможных способов его изучения отводится в рамках курса «Методика и техника социологических исследований». Здесь обсуждаются процессы выявления и изучения общественного мнения, анализи-

руются познавательные возможности различных методов изучения массовых оценок, определяются методика и техника обработки результатов исследований общественного мнения.

Таким образом, следует сделать вывод, что общественное мнение, выступая предметом междисциплинарного изучения, может рассматриваться сквозь призму социологического подхода. В данном случае в фокус исследования попадают закономерности и механизмы формирования и функционирования общественного мнения, особенности его существования как специфической социальной деятельности и социального института.

Библиографический список

1. Андреева Г. М. Социальная психология: учебник для вузов. – М.: Аспект-Пресс, 2008.
2. Гавра Д. П. Общественное мнение как социологическая категория и как социальный институт. – СПб., 1995.
3. Осипов Г. В. Рабочая книга социолога. – М.: Наука, 1976.
4. Социология: Энциклопедия / сост. А. А. Грицанов, В. Л. Абушенко, Г. М. Евелькин, Г. Н. Соколова, О.В. Терещенко. – М., 2003

Bibliography

1. Andreeva G. M. Social psychology: a textbook for high schools. – Moscow: Aspekt-Press, 2008.
2. Havre D. P. Public opinion as a sociological category and as a social institution. – SPb., 1995.
3. Osipov G. V. Workbook sociologist. – Moscow: Nauka, 1976.
4. Sociology: Encyclopedia / comp. A. A. Gritsanov, V. L. Abushenko, G. M. Evelkin, G. N. Sokolova, O. V. Tereshchenko. – M., 2003.

В ПОМОЩЬ УЧИТЕЛЮ

УДК 371+37.011.31+37.015.3

2010 – ГОД УЧИТЕЛЯ (МГНОВЕНИЯ БЛАГОДАРНОСТИ)

Д. Н. Недбаев

Армавирский социально-психологический институт, г. Армавир,
Россия

2010 – YEAR OF THE TEACHER (MOMENTS OF THANKSGIVING)

D. N. Nedbaev

Armavir Socio-Psychological Institute, Armavir, Russia

Summary. The article summarizes the II International Scientific and Practical Conference «Psychological practice in Russian education» and project «Thanksgiving».

Keywords: conference, teachers, project «Thanksgiving».

Как дань уважения профессии учителя, как признание той огромной роли, которую он играет в воспроизводстве интеллектуального и творческого потенциала России, как подтверждение того, что его вклад не забыт и что добрые чувства, а также проявленные отношения и профессионализм бумерангом возвращаются к нему эхом любви и заботы, в объявленный правительством РФ **Год Учителя** в г. Армавире проведена II Международная научно-

практическая конференция **«Психологические практики в российском образовании»** и подведены итоги акции **«Благодарение»**, ставшие воплощением стремления организаторов активизировать всех тех, для кого имя Учитель является опорой, к которой в трудной ситуации обращаются уже выросшие ученики.

Конференция **«Психологические практики в российском образовании»** проведена в преддверии профессионального праздника учителей, 1 октября 2010 года, в городе Армавире. Её организаторами выступили департамент образования и науки Краснодарского края (руководитель Т. П. Хлопова), администрация г. Армавира (глава города С. С. Геращенко), Армавирский социально-психологический институт (ректор Д. Н. Недбаев), Армавирский государственный педагогический университет (и. о. ректора Н. Г. Дендеберя) при социальном партнерстве с Межрегиональной ассоциацией негосударственных образовательных вузов Юга России, Южного российского университета, Северо-Кавказским социальным институтом, Армавирским лингвистическим социальным институтом, Ассоциацией совета директоров г. Армавира, ООО «СЭД», Центров занятости населения гг. Армавира и Новокубанска, Управления по вопросам семьи и детства г. Армавира, информационном партнерстве со СМИ г. Армавира (газетой «Армавирский собеседник», Армавирской медиа-группой).

Армавирский Драматический театр им. А. С. Луначарского собрал участников из гг. Азов, Армавир, Белгород, Краснодар, Кропоткин, Кривой

рог, Лабинск, Новокубанск, Пятигорск, Минеральные воды, Москва, Нальчик, Ростов-на Дону, Ставрополь, Таганрог, Томск, Черкесск, Шахты, Баку (Азербайджан), Донецк (Украина), Махачкала, Минск (Белоруссия), Элиста (Калмыкия), Берлин (Германия), Ганновер (Германия), Вашингтон (США), среди которых присутствовали представители Администрации, общественных организаций, детских образовательных, спортивных и творческих учреждений, преподаватели вузов и ссузов, учителя школ, практические психологи, аспиранты, студенты.

Работа Конференции началась с поздравления руководителя департамента образования и науки Краснодарского края Т. П. Хлоповой, которая поздравила участников II Международной научно-практической конференции **«Психологические практики в Российском образовании: технологии развития личности»** и отметила, что в наших школах много талантливых учителей, готовых к самопожертвованию во имя высокой педагогической идеи, умеющих передать свой опыт молодым, только вступающим в самостоятельную жизнь людям, желала педагогам, их воспитанникам здоровья, успехов во всех начинаниях и нескончаемого оптимизма! Также со сцены прозвучали приветственные слова исполняющей обязанности президента МАНПО, доктора педагогических наук, профессора Е. И. Аратамоновой, которая передала последний доклад Виталия Александровича Сластёнина и журналы «Педагогическая наука и образование» с материалами, посвященными вкладу выдающегося педагога в развитие отечественной науки и практику подготовки педагогов.

Пленарное заседание началось докладом д. псих. н., профессора, академика РАО **И. В. Дубровиной** на тему: «В жизни каждого человека есть свой учитель», в котором внимание заострилось на том, что в связи с 2010 год – год Учителя, предполагается: внимание общества и отдельных граждан страны будет направлено на решение проблем учителя как человека, профессионала, члена общества. Известно, что по тому, какое место занимает учитель в общественной жизни, можно судить о сущности общественного строя и государственной власти. Однако сейчас самое время задать себе резонный вопрос: как мы относимся к учителю?

Свое мнение по этому вопросу высказали также д. социол. н., профессор **В. В. Попов** (г. Москва), д. псих. н., профессор, член кор. РАО, зам. председателя Южного отделения РАО **И. Б. Котова** (г. Сочи), д. пед. н., профессор, Е. Н. Шиянов (г. Ставрополь), д. псих. н., профессор С. В. Хребина (г. Пятигорск), д. псих. н., профессор С. В. Недбаева (г. Армавир), д. псих. н., профессор Л. В. Темнова (г. Москва) и др.

Пленарное заседание завершилось подведением итогов акции **«Благодарение»**, целью которой стало привлечение внимания к Учителю, консолидации общественности, психолого-педагогической науки и практики для создания сообщества учителей, способных примерами своего успешного личностно-профессионального развития оказывать влияние на улучшение подготовки учителя и решение задач по развитию личности подрастающего поколения.

Среди **задач проекта** были обозначены выявление лучших представителей учительской профессии с целью сохранения и передачи их опыта, создание социально-психологического портрета современного учителя и выделение ключевых профессиональных компетенций; определение социально-психологических и педагогических условий профессионального и личностного развития в системе «учитель-ученик» (преподаватель-студент).

«Благодарение» – это внимание к людям, посвятившим свою жизнь педагогической деятельности, это любовь и забота о них, это благодарность за терпение, помощь и те советы, которые помогли в личной жизни и карьере ученикам, это социальная поддержка и защита учителей. Это повышение статуса учительской профессии.

Проект стартовал в сентябре 2009 года и продолжает успешно функционировать по своим направлениям. В частности, была разработана методическая основа проекта, проведено анкетирование среди населения г. Армавира и близлежащих районов. Все опрошенные проявили желание рассказать о своих любимых учителях, их деятельности и личности, подарить им тепло и заботу, отметили прежде всего их личностные и нравственные качества, высокий профессионализм, социальный оптимизм, творческое отношение к своему делу, неординарный стиль работы и общения, любовь к детям. В акции задействованы ведущие вузы и предприятия города. С подробными результатами предварительного исследования можно ознакомиться на сайте Армавирского социально-психологического института www.aspiarm.org.

По результатам опроса создан Интернет-форум, отображающий мониторинг мнений и определяющий учителей, которые попали в зону особого внимания своих воспитанников; организованы и проведены студенческая олимпиада по психологии «Мир входящему: эффективный учитель», олимпиада «Талантливая молодёжь Кубани», круглый стол «Успешный учитель – успешной школе», подготовлены творческие проекты «Учитель и ученик: точки взаимного роста», «Здоровье и безопасность». Проведён цикл обучающих семинаров (мастер-классов) для учителей и работников образовательных учреждений г. Армавира по актуальной теме **«Психологическое сопровождение безопасности жизнедеятельности личности в образовании»**.

По итогам акции «Благодарение» были награждены памятными подарками и благодарственными письмами учителя г. Армавира: *Казачкова Анна Семёновна, Колбасникова Елена Анатольевна, Кун Лидия Григорьевна, Харагезова Алла Савельевна, Шокурова Светлана Владимировна, Абелян Анна Мартыновна, Ёлкина Виктория Николаевна, Ваулина Алла Анатольевна, Пискорж Виктор Викторович, Демидова Раиса Николаевна, Жук Наталья Павловна, Грушевская Надежда Львовна, Малашкин Всеволод Дмитриевич, Ларина Ольга Михайловна, Шушкова Любовь Александровна, Гуреева Вера Викторовна, Данцев Валерий Евгеньевич, Шамсадова Зоя Алексеевна, Кожевникова Валентина Николаевна, Нескороменко Валентина Михайловна, Павлов Юрий Михайлович, Пелих Валентина Михайловна, Погосов Георгий Аванесович, Рахмаил Раиса Тимофеевна, Сморгачева Галина Михайловна, Стецура Юрий Анатольевич, Селина Наталья Петровна, Сосновский Владимир Тимофеевич, Галустов Владимир Степанович, Римкус Светлана Яковлевна, Пономарёва Виктория Дмитриевна, Тутикова Валентина Григорьевна, Чарахчан Константин Каренович, а также учителя близлежащих районов: *Ирлина Марина Владимировна, Беленко Татьяна Петровна, Пискунова Лариса Васильевна, Ханджян Марина Климентьевна, Автаева Алина Арамаисовна, Говорова Елена Александровна, Акопян Елена Николаевна, Торбина Жанна Владимировна, Шумеева Татьяна Викторовна, Головина Наталья Анатольевна, Ерошенко Тамара Александровна, Балаян Римма Амбарцумовна, Куцурова Елена Николаевна, Никитенко Галина Викторовна, Эндерс Людмила Владимировна, Семенова Татьяна Николаевна, Александрова Надежда Николаевна, Прибытко Валентина Павловна,**

Гавриков Юрий Николаевич, Григорик Ольга Сергеевна, Патова Майя Назамбиевна, Скобелева Татьяна Михайловна. Особо были отмечены Заслуженные деятели науки Кубани и РФ, Заслуженные учителя Кубани и РФ, Почетные работники высшего профессионального образования России, Ветераны труда.

Акция «Благодарение» имеет свою атрибутику, состоящую из:
– логотипа акции «Благодарение»;

– благодарственного письма;

– плаката и символа Акции «Благодарение».

“Учитель прикасается к вечности: никто не может сказать, когда кончается его влияние”.
Дж. П.Лауренс

Символом Акции «Благодарение» выбран цветок ИРИСА, олицетворяющий собой свет и россыпи цветов радуги на земле. Обладая изяществом и аристократичными формами, ирис окутан множеством тайн и легенд... По одной из них, Прометей похитил на Олимпе небесный огонь и подарил его людям. На земле вспыхнула дивным семцветием радуга – таквелика была радость всего живого на свете. Уже и закат отгорел, и день угас, и солнце ушло, а радуга по-прежнему светилась над миром, даруя людям благо. Она не гасла до самого рассвета. И когда солнце утром снова вернулось на свое место, там, где горела и переливалась красками волшебная радуга, расцвели ирисы...

В качестве оформительного фона организаторами акции «Благодарение»

использована картина «Ирисы» (Ван Гог, 1889)

Символом Акции «Благодарение» выбран цветок ИРИСА, олицетворяющий собой свет и россыпи цветов радуги на земле. Обладая изяществом и аристократичными формами, ирис окутан множеством тайн и легенд. ...По одной из них, Прометей похитил на Олимпе небесный огонь и подарил его людям. На земле вспыхнула дивным семицветием радуга – так велика была радость всего живого на свете. Уже и закат отгорел, и день угас, и солнце ушло, а радуга по-прежнему светила над миром, даруя людям благо. Она не гасла до самого рассвета. И когда солнце утром снова вернулось на свое место, там, где горела и переливалась красками волшебная радуга, расцвели ирисы...

Организаторы удивили разнообразием форм и насыщенной программой Конференции, которая включала круглый стол, работу творческой мастерской, симпозиумы, мастер-классы, симпозиумы. Это было удивительное сочетание праздника и напряженной работы, торжества науки, признания, благодарности и поиска, теплых слов и тревожного биения сердец.

Самых многочисленных участников собрал Круглый стол **«Технологии психологического сопровождения безопасности жизнедеятельности личности»**, ориентированный на руководителей образовательных учреждений, педагогов, социальных работников, педагогов-психологов, специалистов и руководителей управлений образования, психологических центров, преподавателей, студентов и аспирантов педагогических и психологических специальностей, представителей общественных организаций национальных диаспор и всех, кто неравнодушен к проблемам развития антитеррористического сознания личности, включил в свою работу фиксированные выступления, обсуждение, демонстрация учебно-методических разработок и программ, новых технологий работы, презентации опыта работы межкультурного воспитания.

Выступающие подняли вопросы экологической безопасности (*М. Баканов, г. Армавир*), психотехнологий работы с аддиктами в условиях психологического центра (*М. Бродский, г. Берлин, Германия*), развития правового сознания студентов на различных этапах вузовского обучения (*А. А. Булавкин, г. Армавир*), технологий экологического развития профессионального самосознания педагогов (*Е. А. Викторова, г. Белгород*), креативных технологий развития мышления (*А. И. Воронин, г. Кривой рог*), личностных конфликтов: диагностики, профилактики и коррекции (*Волкова Алиса Коллиер, г. Вашингтон, США*), развития личности ребенка с ограниченными возможностями здоровья (*С. В. Ершова, г. Лабинск*) и многие другие.

Творческая мастерская **«Психология педагогических способностей»**, посвященная выдающемуся российскому психологу В. А. Крутецкому, включала в себя выступления по вопросам формирования профессиональной компетенции в условиях многоуровневой подготовки (*Н. Ю. Величко, г. Азов*), инновационных технологий развития математических способностей (*И. И. Сердюк, г. Кропоткин*), технологий развития компетентности будущих учителей информатики в условиях информационно-образовательной среды педагогического вуза и технологии формирования отношения к профессии учителя на этапе вузовского обучения (*А. П. Дендеберя, г. Армавир*), активных методов в обучении как условие развития математических способностей студентов (*Н. М. Недбаев, г. Армавир*), детерминант развития инновационных компетентностей у будущих учителей (*В. П. Озеров, г. Ставрополь*), психологии развития профессиональные компетентности будущих специалистов на этапе вузовского обучения (*С. В. Хребина, г. Пятигорск*), нетрадиционных форм работы педвуза по

развитию математических способностей школьников (И. П. Шкрябко, г. Армавир, Е. Ю. Лещенко, г. Ставрополь).

Симпозиумы «Традиционные и инновационные технологии развития личности: реализация и интеграция», «Технологии развития личности. Эмпирика: теория, практика, эффективность», «Научно-исследовательская деятельность и проектирование как ресурс развития личности» подняли достаточно актуальные на сегодняшний день темы влияния позитивной этнической идентичности на структуру интегральной индивидуальности студентов (Ф. Н. Аванесова, г. Армавир, О. В. Булавкина, г. Армавир, В. В. Жидкова, г. Армавир, А. В. Качалова, г. Армавир, В. В. Попов, г. Москва,) инновационных технологий электронного обучения студентов в условиях многоуровневой подготовки (В. С. Глухов, г. Армавир, Е. А. Голодов, г. Армавир), развития субъектности личности студента путем преподавания элективных курсов акмеологической направленности (С. В. Бобрышов, г. Ставрополь, Т. Н. Щербанова, г. Ростов-на-Дону), инновационных идей и технологий подготовки менеджера образования (И. В. Короткий, г. Армавир, Д. Н. Недбаев, г. Армавир, В. В. Неверова, г. Ставрополь, И. В. Ткаченко, г. Армавир), технологий трудоустройства выпускников вуза, проблем адаптации выпускников вуза к трудовой деятельности (И. Н. Лаптева, г. Армавир, Г. Г. Лаврикова, г. Армавир, Ю. А. Саенко, г. Армавир, И. А. Твелова, г. Армавир, Л. В. Файвищенко, Украина).

А также обсудили вопросы технологий психологического сопровождения профессионального самоопределения личности по результатам деятельности инновационных структур Армавирского социально-психологического института – учебно-исследовательской лаборатории «Психология развития личности» (д. псих. н., проф. И. Б. Котова, к. псих. н., доц. Н. Г. Щербанева), инновационных технологий развития личности в международном образовательном пространстве по результатам деятельности научно-исследовательской лаборатории «Этнопсихологическая детерминация современного общества» (к. псих. н., доц. О. В. Булавкина), реализации профилактической работы среди молодежи средствами волонтерского движения (результаты деятельности студенческой инновационной площадки «Молодежь против наркотиков»).

Конференция завершилась презентацией альманаха «Эхо учительской любви и заботы», задуманного и изданного по инициативе и под редакцией С. В. Недбаевой, адресованного работникам образовательных учреждений различного уровня и типа, менеджерам образования, аспирантам, студентам, а также всем тем, кому не безразлична проблема будущего России, и в котором содержится педагогический опыт лучших учителей Кубани, выявленных в ходе проведения акции «Благодарение», а также тех работников образования, чей профессионализм подтверждается такими показателями, как наличие званий «Заслуженный учитель РФ», «Заслуженный учитель Кубани», «Заслуженный работник высшей школы РФ», различных грамот, наград, медалей, высокими результатами профессионализма.

Особый интерес этот мультимедийный материал представляет для образовательных учреждений в целях организации востребованных учебных курсов «Инновационные образовательные технологии в учебном процессе». Внедряя данные материалы в процесс подготовки учителя, можно значительно повысить эффективность основных форм учебной работы. На занятиях по методике преподавания предмета они могут служить для иллюстрации теоретического материала. В ходе практических занятий их применяют для детального изучения реального педагогического процесса.

Студенты получают возможность знакомиться с образом и опытом работы учителя, анализировать и оценивать эффективность применяемых им средств и методов, отдельных методических приемов, форм организации учебно-познавательной деятельности учащихся. В процессе самостоятельной работы будущие учителя могут индивидуально работать с материалами, выполнять задания, сформулированные преподавателем т. д. Студентам, готовящимся к педагогической практике, предоставляется возможность не только увидеть и оценить мастерство лучших учителей Кубани, но и существенно развить профессиональную компетенцию.

Представленный педагогический опыт лучших учителей и школ Кубани приобретает особое значение для преподавателей и кафедр, активно внедряющих инновационные формы работы в процесс подготовки учителя. Материалы этого пособия включаются в состав учебно-методических комплексов по предметным методикам и другим дисциплинам, придавая им новое качество. Более того, можно утверждать, что наличие таких средств в составе УМК говорит о соответствии последних современным требованиям.

Данный медиаресурс может использоваться в курсах предметных методик, а также при изучении различных разделов педагогики и психологии полезен студентам, готовящимся к педагогической практике.

По итогам конференции подготовлен сборник научных трудов «Психологические практики в Российском образовании: технологии развития личности» (отв. редактор С. В. Недбаева).

В ходе Конференции была принята **Резолюция** (право огласить проект резолюции было предоставлено начальнику управления образования администрации г. Армавира Н. В. Степовой), адресованная *министерству образования и науки РФ, департаменту образования и науки Краснодарского края, администрации г. Армавира, управлению образования г. Армавира, высшим учебным заведениям*, в постановляющей части которой отмечается, что целью конференции стала работа по созданию позитивного социально-психологического портрета современного учителя, повышению его социального статуса и роли в воспитании молодого поколения страны, а также говорится, что в накопленный за последние два десятилетия ресурс психологической практики образования в регионе востребован не в полной мере: необходимо совершенствование сложившейся практики работы педагога-психолога в школе и его подготовки на разных этапах вузовского и послевузовского обучения. Остро назрел вопрос о разработке процедуры оценки эффективности и качества деятельности психолога с учетом мониторинга и экспертизы со стороны психологического сообщества по повышению психологической культуры общества и формированию рынка психологических услуг.

Стало очевидным, что для решения актуальных задач воспитания, обучения и развития подрастающего поколения необходимо взаимодействие всех субъектов образовательного процесса на качественно новой основе, разработка инновационных технологий развития личности, а также взаимодополняемость профессиональных позиций и знаний учителя и психолога в подходе к ребенку, их тесное взаимодействие – сотрудничество «на равных» на всех этапах работы.

Особое внимание на конференции уделяется проблемам развивающего потенциала психологической практики, а также вопросам подготовки и переподготовки педагогов и психологов, так и менеджеров образования.

Конференция отмечает, что анализ деятельности психологических служб образования на настоящий момент высветил конкретные проблемы, снижающие эффективность психологической практики образования:

ставки педагогов-психологов в регионе сохранены, но они практически не обеспечены оборудованными кабинетами, а также разработанным психолого-педагогическим сертифицированным инструментарием, не налажено систематическое повышение квалификации специалистов, нет научно-обоснованной статистически достоверной информации о социально-психологическом портрете учащихся.

Резолюция содержит конкретные предложения по психологическому обеспечению системы образования и формированию психологической культуры населения. В частности, предлагается:

1. Поддержать инициативу «Наша новая школа» с основными идеями, выделенными президентом РФ Д. А. Медведевым.
2. Одобрить концептуальное обоснование практико-ориентированной психологической подготовки педагогов и психологов, разработанные УМО по базовой психологической подготовке по направлениям педагогического образования при РГПУ им. А. И. Герцена (председатель УМО, д. псих. н., проф. Л. А. Регуш, члены: д. псих. н., проф. С. В. Недбаева и др.).
3. Сформировать систему образовательной статистики и мониторинга, обеспечивающую содержательный анализ и оценку современных инновационных технологий развития личности.
4. Обновить нормативно-правовую базу развертывания психологической практики образования, а также сохранения прав интеллектуальной собственности преподавателей вузов и других категорий работников различного типа и вида.
5. Поддержать Программу, направленную на реализацию государственной молодежной политики, прав личности на свободное творческое развитие в рамках развития Федеральной программы развития образования, программы «Молодежь России» (подпрограмма «Поддержка талантливой молодежи и подпрограмма «Государственная поддержка деятельности детских и молодежных объединений»).
6. Разработать комплекс координационного, организационно-экономического, научно-методического, финансового и материально-технического обеспечения системы обучения навыкам творчества и привлечения к научно-техническому творчеству учащейся молодежи.
7. В целях социальной поддержки молодежи и выпускников учебных заведений города, повышения качества подготовки специалистов города и их конкурентоспособности на рынке труда, оказания помощи молодым людям в процессе вхождения в сферу профессиональной деятельности, а также в их дальнейшем карьерном росте, рассмотреть вопрос о включении в программу развития г. Армавира следующие инновационные проекты: «Интеграция образовательного учреждения и работодателей для совершенствования подготовки и переподготовки, обеспечения рабочих мест, а также карьеры молодых специалистов», «Творческая деятельность субъектов образования в социокультурной среде города».
8. Создать консультационный орган по организационно-управленческому и научно-методическому, психологическому сопровождению всех субъектов образовательного пространства при Центре социально-психологической помощи населению.
9. В целях профилактики эмоциональной неустойчивости, профзаболеваний и утомляемости педагогов и психологов, а также внедрения здоровьесберегающих технологий организовать проведение психологической работы с различными социальными слоями путем пси-

психологического просвещения в виде вечерних лекций, психологического семейного университета для молодоженов и т. д.

Участники конференции рекомендовали:

1. Одобрить практику проведения конференции «Психологические практики в Российском образовании» 1 раз в 3 года для осмысления происходящих перемен и выработки стратегии действий.
2. Довести решения конференции до соответствующих учреждений и ведомств.

*Оргкомитет конференции выражает благодарность
всем ее участникам.*

УДК159.9.316.6

УЧЕБНО-МЕТОДИЧЕСКАЯ РАЗРАБОТКА «СЕКРЕТЫ УСПЕХА. ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ УСПЕШНОСТЬ»

Я. А. Сурикова

**Средняя общеобразовательная школа № 45 Петропавловска-
Камчатского городского округа, г. Петропавловск-Камчатский,
Россия**

Дисциплина – технология, 10 класс

**THE TEACHING METHODOICAL AID «SECRETS OF SUCCESS. PROFESSIONAL
SUCCESS»**

Y. A. Surikova

School № 45, Petropavlovsk-Kamchatsky, Russia

Course – technology, 10 grade

Summary. The lesson is devoted to problem of career and professional success in modern society. The purposes, tasks and examples of the group work are presented. The given material can be used on the lessons of technology and social psychology.

Keywords: success, purpose, negative life experience, strategies of solving life tasks.

Цели занятия:

- обучающая – познакомить с понятием успеха и успешности, основными критериями успешности;
- развивающая – развитие коммуникативных способностей, стимулирование жизненного самоопределения;
- воспитательная – формирование позитивной картины будущего, ответственности за реализацию своих планов.

Оборудование: карточки с утверждениями, ручки, пазлы (фотографии людей, добившихся успехов в той или иной профессиональной области), распечатанные на цветной бумаге (жёлтой, голубой, розовой, зелёной, фиолетовой), проектор, презентация, воздушные шары, маркеры.

Ход занятия:

1. Организационный момент.
2. Актуализация знаний учащихся, беседа на тему успешности.

Как вы думаете, что такое успешность? Что такое профессиональная успешность? Закончите, пожалуйста, предложение «Успешный работник –

это...» (по цепочке). Подведение промежуточных итогов обсуждения. Успешный работник – кто он? Какой он?

3. Успешность – это признание твоих личных достижений окружающими. Соответственно, профессиональная успешность складывается из нескольких составляющих: первая – внутренняя удовлетворенность от сознания, что сделал все правильно и все, что от тебя зависело. Вторая – уверенность в команде, с которой ты работаешь. Третья – удовлетворенность работодателя твоими действиями.

3. Анкетирование «Секреты профессионального успеха».

Выразите степень согласия со следующими утверждениями (в 10-бальной шкале).

1. Можно идти к успеху любой ценой, «по головам».
2. Помочь другу достичь успеха – двойной успех.
3. Неудачи на пути к цели – стимул для удвоения усилий.
4. Люди с красивой внешностью более успешны в жизни.
5. Осознанная ошибка – шаг на пути к успеху.

Обсуждение полученных результатов.

Ответ на первый вопрос связан с ценностями и личностными смыслами человека, его отношением к проблеме выбора целей и средств их достижения.

Второй вопрос – по мнению большинства исследователей, следование этому принципу действительно помогает добиться человеку успеха. Но только в том случае, если при этом не игнорируются собственные интересы, человек не берется выполнять за другого человека всю его работу. Следует также помнить о том, что, помогая другому, мы, как правило, рассчитываем на ответную помощь, однако не все люди склонны проявлять чувство благодарности. Для конструктивного сотрудничества помощь должна носить характер со-действия, тогда выше вероятность, что в ситуации затруднения вам также предложат сотрудничество и поддержку.

Третье утверждение – по мнению людей, добившихся успеха в своей профессии, карьерный рост не обходится без неудач. Здесь логично будет употребить следующее изречение: то, что нас не убивает, делает нас сильнее. Четвертое утверждение – по данным социально-психологических исследований, данный пункт является верным при определенных обстоятельствах. Например, для девушки, желающей стать моделью, внешность, несомненно, будет одним из основополагающих критериев успешности. Внешний вид имеет большое влияние на формирование первого впечатления о работнике. Однако в последующем работодатель склонен судить человека по его профессиональным успехам. Важным качеством является умение представить собственные достижения.

Пятое утверждение заключается в том, что на ошибках учатся. Психологи говорят о том, что если человек несколько раз попадает в одну и ту же проблемную ситуацию, следовательно, она была не завершена в предыдущем случае и не был осознан и принят опыт разрешения данной проблемы.

4. Список востребованных и популярных профессий на рынке труда (анализ домашних работ учащихся, проверка работ по группам).

На данный момент очень многих интересует, какие профессии являются самыми перспективными для успешного карьерного роста. Если учесть, что речь идет о специальностях, требующих владения определенными знаниями, то нужно знать, что современный бизнес предъявляет очень высокие требования, поэтому важно иметь профильное образование, а также владеть иностранным языком (предпочтительно английским) и компьютером на уровне продвинутого пользователя.

Какие сферы деятельности наиболее популярны на современном рынке? (выступление проблемной группы учащихся).

Какие сферы деятельности наиболее востребованы на современном рынке?

(выступление проблемной группы учащихся).

Примеры презентации домашней работы учащихся приведены на рис. 1, 2.

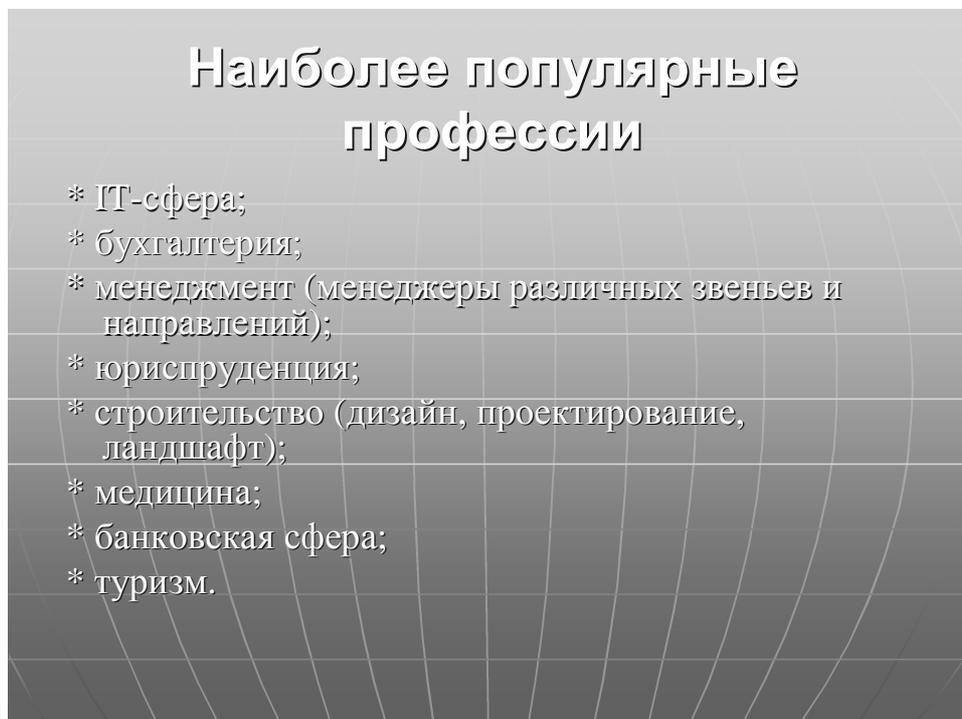

Рис. 1. Список наиболее популярных профессий на рынке труда

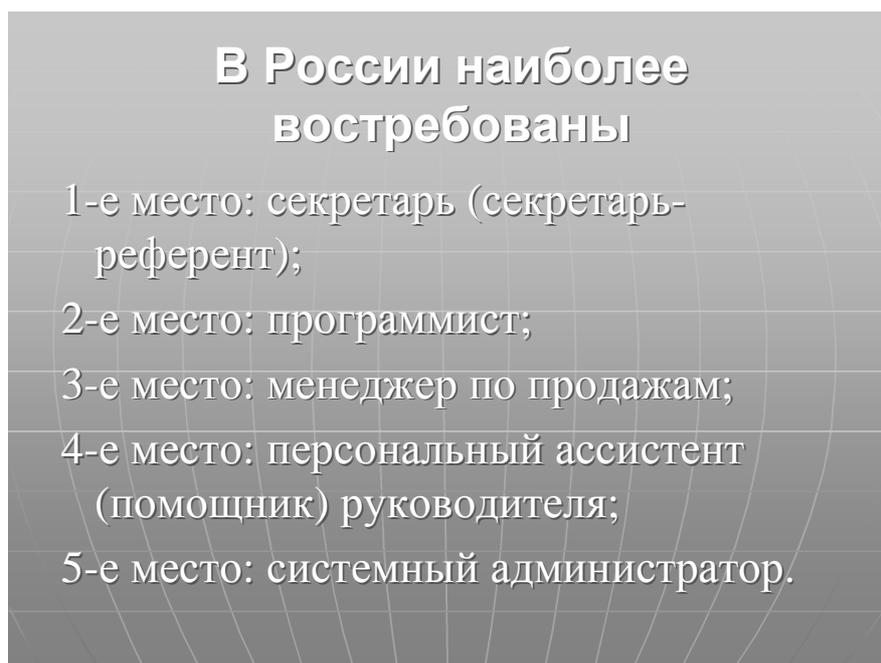

Рис. 2. Список наиболее востребованных профессий

5. Многие думают, что успешным людям везет жизни, больше чем другим, что у них часто богатые родители, и поэтому старт карьеры идет со значительным опережением. Однако исследования показывают, что определяющим фактором в достижении профессионального успеха является уникальность мышления успешного человека. Каковы же секреты мировоззрения успешных людей? (беседа с учащимися на основе презентации (рис. 3–7).

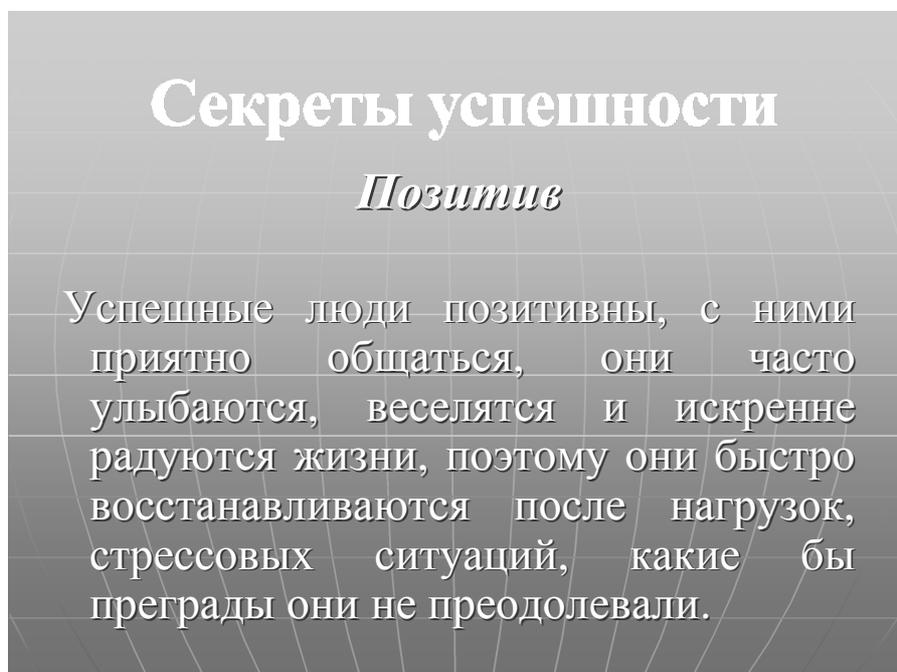

Рис. 3. Секреты жизненного успеха

Рис. 4. Секреты жизненного успеха

Секреты успешности

Ошибки

Они не боятся допускать ошибок, зная, что ошибки формируют опыт, а опыт формирует успешность.

Рис. 5. Секреты жизненного успеха

Секреты успешности

Вера в свои силы.

Они верят в свои силы и в свой успех, от каждой ситуации они берут максимум, не останавливаясь на половине прыжка над канавой, они не говорят себе: у меня всё равно не получится, зачем пробовать?.

Рис. 6. Секреты жизненного успеха

Секреты успешности

Всё что меня не убивает и не калечит, делает меня сильнее.

(Ф.Ницше)

Они воспринимают провал и неудачи как опыт, который делает их сильнее, не тратя времени на сожаление, самобичевания, поиск виновных в своих неудачах.

Рис. 7. Секреты жизненного успеха

6. Мужчины и женщины: равные возможности для карьерного успеха? (дискуссия)

Материал для дискуссии.

Половая принадлежность работника как фактор его успешности сейчас активно обсуждается в деловом мире, теории и практике управления. В последние годы в России выделяются четыре позиции относительно данного вопроса:

- 1) мужчина эффективнее женщины как в управлении, так и в исполнительской деятельности;
- 2) женщина эффективнее мужчины;
- 3) мужчина и женщина равным образом эффективны в профессиональной деятельности, но имеют разный деловой стиль, и их эффективность зависит от многих других условий;
- 4) половая принадлежность работника не имеет никакого влияния на эффективность труда.

Мнение о том, что мужчина в деле более эффективен, нежели женщина, является довольно распространенным, причем придерживаются его не только мужчины, но и женщины. Приводятся следующие аргументы в поддержку данной позиции:

- мужчина имеет более логичное и дисциплинированное мышление, нежели женщина;
- мужчина строит деловые отношения на основе объективных критериев (полезности, сотрудничества, необходимости), а женщина — на основе субъективных критериев (симпатии, интуиции, настроения);
- мужчина имеет более высокую стрессоустойчивость, нежели женщина, способен сохранять самообладание и принимать решения в напряженных, неопределенных и опасных ситуациях;
- мужчина имеет большую эмоциональную и физическую выносливость, нежели женщина, может более длительное время эффективно работать;

- мужчина имеет значительно больше времени, которое он может посвятить работе и карьере.

Обратимся к рассмотрению **второй точки зрения**, сторонники которой утверждают, что в работе женщина может быть эффективнее мужчины. При этом называются два необходимых и взаимоисключающих друг друга условия для того, чтобы женщина вышла вперед. *Во-первых*, женщина может стать эффективнее мужчины, если она в своей работе сможет развить и использовать сугубо женские качества, которые не так ярко присутствуют у мужчин и которые связаны с межличностным общением: интуицию; способность к изощренной политике в деловых отношениях; женское обаяние; умение тонко подстраиваться в коммуникативных взаимодействиях. *Во-вторых*, утверждается, что женщина может стать успешнее мужчины, если она, наоборот, откажется от женского стиля в деловом общении, разовьет у себя и начнет использовать сугубо мужские качества: решительность, стрессоустойчивость, объективность, дисциплинированность, преданность делу, трудоголизм. Следует заметить, что, формируя в себе мужские черты характера, женщина часто проявляет мужской стиль делового общения и поведения даже более ярко и напряженно, нежели мужчина. Она становится более решительной, эмоционально устойчивой к стрессу, объективной, дисциплинированной, преданной своему делу и отдающей большую часть своего жизненного времени работе, нежели ее коллега-мужчина.

Третья точка зрения, проявляющаяся в сравнительной оценке эффективности мужчины и женщины в деловой сфере, содержит утверждение, что мужчина и женщина имеют одинаковую эффективность, но разный деловой стиль. 1. Мужчина в своей работе больше направлен на предметно-содержательные аспекты труда, конкуренцию на рынке, а также на получение прибыли. 2. Женщина предпочитает межличностное общение и социально-психологические стороны работы (организацию позитивной атмосферы в коллективе, построение корпоративной культуры в организации, разработку средств поддержки и развития персонала).

Согласно четвертой точке зрения, не имеет значения, кто конкретно работает, мужчина или женщина, главное, чтобы работник обладал профессиональными знаниями, опытом, дисциплинированностью и преданностью компании. В своей работе одаренные мужчины, не утрачивая мужского стиля, начинают проявлять такие традиционно женские качества, как умение общаться, интуицию, политическое «чутье» и внимание к человеческому фактору. Женщины, соответственно, не отказываясь от женского стиля деятельности, становятся решительными, амбициозными и стремятся к лидерству и успеху.

7. Опыт преодоления (работа по группам).

А. Разбивка на группы.

Возьмете по кусочку пазла с фрагментом фотографии человека. Объединитесь в группы по цвету фона фотографии, соберите портрет и определите, кто этот человек (на доске выводится список персонажей).

Например, Бодо Шефер – финансовый консультант номер один в Европе, писатель и бизнесмен; Елена Бережная – Олимпийская чемпионка; Билл Гейтс – Председатель правления и Главный архитектор программного обеспечения корпорации Microsoft; Стив Джобс – директор анимационной студии Pixar; Брюс Уиллис – один из самых успешных актёров Голливуда (рис. 8).

Рис. 8. Материалы к заданию для групповой работы

При выборе персонажей для обсуждения необходимо учитывать интересы школьников, их общую осведомленность, увлечения. Оптимальным вариантом является формирование списков персонажей для обсуждения на основе предварительного анкетирования.

Б. Даже у успешных людей в жизни бывают неудачи. Каждой группе будет предложена ситуация из жизни того человека, портрет которого изображён на листе вашего цвета. Вам нужно будет найти как можно больше способов выхода из данной ситуации (рис. 9–14).

Рис. 9. Материалы к заданию для групповой работы

Успешные люди

Во время тренировки Елена Бережная получила серьезную травму. Врачи вынесли свой вердикт: «Профессиональным спортом вы заниматься больше не сможете».

Рис. 10. Материалы к заданию для групповой работы

Успешные люди

Билл Гейтс взломал школьную компьютерную базу, чтобы узнать ответы экзаменационного теста, за что был задержан и отправлен в полицейский участок.

Рис. 11. Материалы к заданию для групповой работы

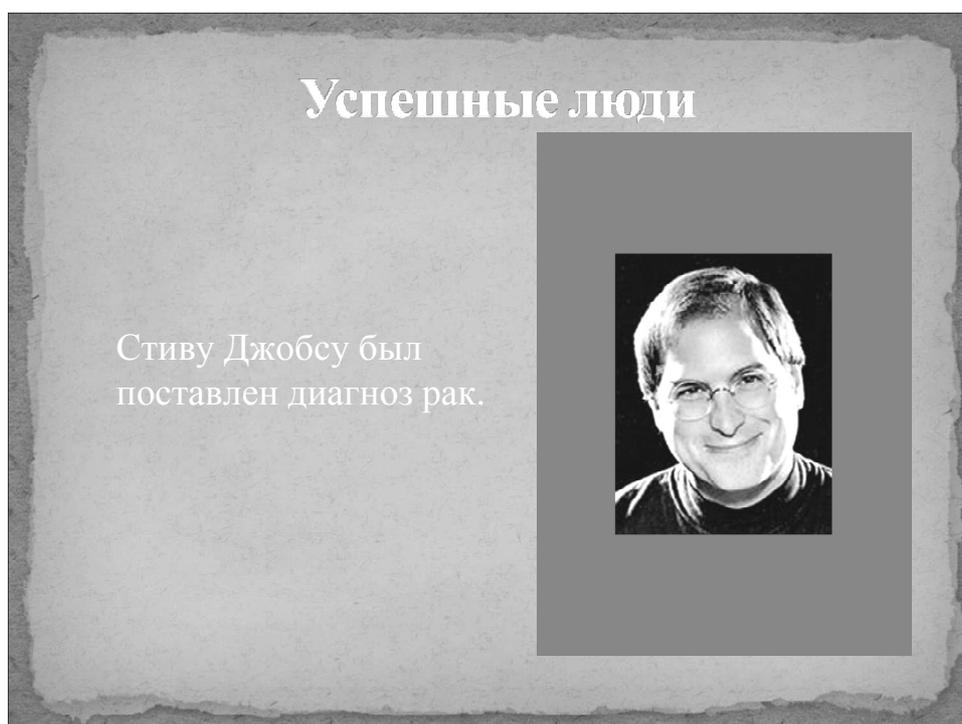

Рис. 12. Материалы к заданию для групповой работы

В. Презентация работ групп. Обсуждение данных ситуаций.
Какие качества человека являются важными для достижения им успеха?

Каждый ли человек может рассчитывать на успешную профессиональную карьеру? Отчего это зависит?

8. Упражнение «Воздушный шар».

Выберите понравившийся вам цвет воздушного шарика, надуйте его и напишите на нём маркером фразу, которая начинается со слов «Я умею...». Укажите качество, присущее вам и необходимое, по вашему мнению, для достижения профессиональной успешности.

9. Подведение итогов занятия.

Библиографический список

1. Климов Е. А. Психология профессионального самоопределения. – М.: Академия, 2004. – 304.
2. Прутченков А. С. Социально-психологический тренинг межличностного общения. – М.: Знание, 1991. – 48 с.
3. Пряжников Н. С. Профессиональное и личностное самоопределение. – М.: Изд-во Института практической психологии; Воронеж: НПО «МОДЭК», 1996. – 246 с.
4. Твоя профессиональная карьера: Методика преподавания курса / под ред. С. Н. Чистяковой, Т. И. Шалавиной. – М.: Просвещение, 1998. – 189 с.
5. Твоя профессиональная карьера: учебник для 8 – 11 классов / под ред. С. Н. Чистяковой, Т. И. Шалавиной. – М.: Просвещение, 2000. – 191 с.
6. Чернявская А. П. Психологическое консультирование по профессиональной ориентации. – М.: ВЛАДОС-ПРЕСС, 2001. – 96 с.

Bibliography

1. Klimov E. A. Psychology professional self. – M.: Academia, 2004. – 304.
2. Prutchenkov A. S. Socio-psychological training, interpersonal communication. – M.: Knowledge, 1991. – 48.
3. Pryazhnikov N. S. Professional and personal self-determination. – Moscow: Publishing house of Institute of Applied Psychology; Voronezh: NPO «MODEK», 1996. – 246 p.

4. Your career: Methods of teaching / ed. S. N. Chistyakova, T. I. Shalavinoy. – M.: Education, 1998. – 189 p.
5. Your career: a textbook for the 8–11 classes / ed. S. N. Chistyakova, T. I. Shalavinoy. – M.: Education, 2000. – 191 p.
6. Chernyavskaya A. P. Counselling for vocational guidance. – M.: VLADOS-PRESS, 2001. – 96 p.

ситета Сан-Диего, Калифорния. Индекс Хирша является количественной характеристикой продуктивности учёного, основанной на количестве его публикаций и количестве цитирований этих публикаций.

Индекс вычисляется на основе распределения цитирований работ данного исследователя. Хирш пишет:

Учёный имеет индекс h , если h из его N_p статей цитируются как минимум h раз каждая, в то время как оставшиеся $(N_p - h)$ статей цитируются не более, чем h раз каждая.

Иными словами, учёный с индексом h опубликовал h статей, на каждую из которых сослались как минимум h раз. Так, если у данного исследователя опубликовано 100 статей, на каждую из которых имеется лишь одна ссылка, его h -индекс равен 1. Таким же будет h -индекс исследователя, опубликовавшего одну статью, на которую сослались 100 раз. В то же время (более реалистичный случай), если у исследователя имеется 1 статья с 9 цитированиями, 2 статьи с 8 цитированиями, 3 статьи с 7 цитированиями, ..., 9 статей с 1 цитированием каждой из них, то его h -индекс равен 5. Обычно распределение количества публикации $N(q)$ в зависимости от числа их цитирований q в очень грубом приближении соответствует гиперболе: $N(q) \approx \text{const} \times q^{-1}$. Координата точки пересечения этой кривой с прямой $N(q) = q$ и будет равна индексу Хирша.

Индекс Хирша был разработан, чтобы получить более адекватную оценку научной продуктивности исследователя, чем могут дать такие простые характеристики, как общее число публикаций или общее число цитирований. Индекс хорошо работает лишь при сравнении учёных, работающих в одной области исследований, поскольку традиции, связанные с цитированием, отличаются в разных отраслях науки (например, в биологии и медицине h -индекс намного выше, чем в физике). В норме h -индекс физика примерно равен продолжительности его научной карьеры в годах, тогда как у выдающегося физика он вдвое выше. Хирш считает, что в физике (и в реалиях США) h -индекс, равный 10–12, может служить одним из определяющих факторов для решения о предоставлении исследователю постоянной позиции в крупном исследовательском университете; уровень исследователя с h -индексом, равным 15–20, соответствует членству в Американском физическом обществе; индекс 45 и выше может означать членство в Национальной академии наук США.

Импакт-фактор (ИФ, или IF) – численный показатель важности научного журнала. С 1960-х годов он ежегодно рассчитывается Институтом научной информации (англ. Institute for Scientific Information, ISI), который в 1992 году был приобретен корпорацией Thomson и ныне называется Thomson Scientific) и публикуется в журнале «Journal Citation Report». В соответствии с ИФ (в основном в других странах, но в последнее время все больше и в России) оценивают уровень журналов, качество статей, опубликованных в них, дают финансовую поддержку исследователям и принимают сотрудников на работу. Импакт-фактор имеет хотя и большое, но неоднозначно оцениваемое влияние на оценку результатов научных исследований.

Расчёт импакт-фактора основан на трёхлетнем периоде. Например, импакт-фактор журнала в 2008 году вычислен следующим образом:

$$IF = A/B,$$

где:

A – число цитирований в течение 2008 года в журналах, отслеживаемых Институтом научной информации, статей, опубликованных в данном журнале в 2006–2007 годах;

В – число статей, опубликованных в данном журнале в 2006–2007 годах.

В расчёте есть несколько нюансов: Институт научной информации исключает из расчетов некоторые типы статей (сообщения, письма, списки опечаток и т. д.), и для новых журналов импакт-фактор иногда рассчитывается только для двухлетних периодов.

ИФ журнала зависит от области исследований и его типа; из года в год он может заметно меняться, например, опускаясь до предельно низких значений при изменении названия журнала и т. д. Тем не менее, на сегодня ИФ является одним из важных критериев, по которому можно сопоставлять уровень научных исследований в близких областях знаний. Например, инвестор научного исследования может захотеть сравнить результаты исследователей для оценки перспектив своих инвестиций. Для этого и используются объективные численные показатели, такие как импакт-фактор. Поэтому на подобные измерения и существует спрос.

Положительные свойства импакт-фактора:

- широкий охват научной литературы – индексируются более 8400 журналов из 60 стран;
- результаты публичны и легкодоступны;
- простота в понимании и использовании;
- журналы с высоким ИФ обычно имеют более жесткую систему рецензирования, чем журналы с низким ИФ.

В то же время импакт-фактор не идеален. Например, непонятно, насколько число цитирований показывает качество статьи. Кроме того, в журналах с длительным временем публикации оказываются статьи, которые ссылаются на публикации, не попадающие в трёхгодовой интервал. Действительно, в некоторых журналах время между принятием статьи и публикацией составляет более двух лет, таким образом, остаётся всего год на ссылки, которые учитываются в расчетах. С другой стороны, увеличение временного промежутка, в котором учитывается цитирование, сделает импакт-фактор менее чувствительным к изменениям.

Наиболее очевидные недостатки импакт-фактора следующие:

- число цитирований, на самом деле, не отражает качество исследования, впрочем, как и число публикаций;
- промежуток времени, когда учитываются цитирования, слишком короток (классические статьи часто цитируются даже через несколько десятилетий после публикации);
- природа результатов в различных областях исследования приводит к различной частоте публикации результатов, которые оказывают влияние на импакт-факторы. Так, например, медицинские журналы часто имеют большие импакт-факторы, чем математические.

PsyJournals.ru
портал психологических изданий

ЖУРНАЛЫ ПО ПСИХОЛОГИИ **online**

Психологическая наука и образование
Архив за 1996–2010 г.г.

Консультативная психология и психотерапия
Архив за 1992–2010 г.г.

Культурно-историческая психология
Архив за 2005–2010 г.г.

Экспериментальная психология
Архив за 2008–2010 г.г.

Все журналы
включены в Перечень ВАК

онлайн подписка это

- Удобно
- Выгодно
- Современно

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ЖУРНАЛЫ ДЛЯ ВУЗОВ И БИБЛИОТЕК:

- Годовая подписка на коллекции психологических журналов (архивы за 15 лет)
- Льготная подписка для постоянных печатных подписчиков
- Доступ к электронным архивам журналов со всех компьютеров организации
- Доступ к статистике обращений у журналам

Подробная информация

- Информация о подписке: (495) 608-16-27
- Заявка на тестовый доступ к журналам: test@psyjournals.ru
- Условия подписки: PsyJournals.ru/

ИЗДАТЕЛЬСТВО
МГНПУ

Научно-методический и теоретический журнал

СОЦИОСФЕРА

Главный редактор – Борис Анатольевич Дорошин

№ 4 2010

Редактор Л. И. Дорошина
Корректор В. А. Дорошина
Оригинал-макет И. Г. Балашовой

Подписано в печать 10.12.2010. Формат 60x84/8. Бумага писчая белая.
Учет.-из. л. 16,75 п. л. Усл.-печ.л. 15,57 п. л. Тираж 100 экз. Заказ № 13/10.

ООО Научно-издательский центр «Социосфера»:
440046, г. Пенза, ул. Мира, д. 74, к. 14. (8412)68-68-45,
<http://sociosfera.ucoz.ru>, sociosfera@yandex.ru

Теография ИП Попова М. Г.: 440000, г. Пенза, ул. Московская,
д. 74, оф. 211. (8412)56-25-09